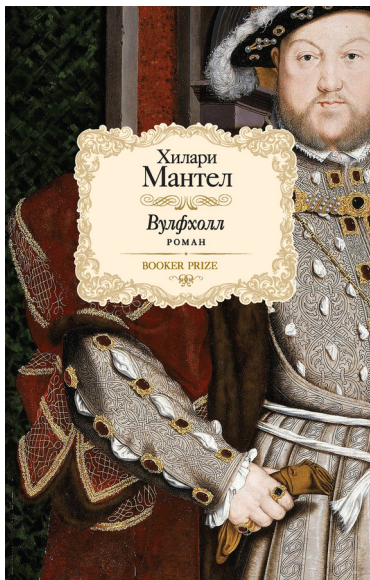

Хилари Мантел
Вулфхолл
Серия «Вулфхолл», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6996362

Хилари Мантел. Вулфхолл: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-083674-1

Оригинал: Hilary Mantel, "Wolf Hall"

Перевод:

Екатерина Михайловна Доброхотова-Майкова

Марина Валерьевна Клеветенко

Аннотация

Хилари Мантел – номинант и лауреат нескольких национальных литературных премий, в том числе – дважды лауреат Букеровской премии за 2009 и 2012 годы за романы о Томасе Кромвеле «Вулфхолл» и «Внесите тела».

Англия, двадцатые годы XVI века. Страна на грани бедствия: если Генрих VIII умрет, не оставив наследника, неизбежна гражданская война. На сцену выступает Томас Кромвель, сын кузнеца-дебошира, политический гений, чьи орудия – подкуп, угрозы и лесть. Его цель – преобразовать Англию сообразно своей воле и желаниям короля, которому он преданно служит.

В своем неподражаемом стиле Хилари Мантел показывает общество на переломе истории, общество, в котором каждый с отвагой и страстью идет навстречу своей судьбе.

Содержание

Действующие лица:	4
Часть первая	9
I. Через проливы	9
II. Отцовство	16
III. В Остин-Фрайарз	25
Часть вторая	31
I. Гости	31
II. Потаенная история Британии	42
III. Попытка не пытка	91
Часть третья	94
I. Финт с тремя картами	94
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Хилари Мантел Вулфхолл

Действующие лица:

В Патни, 1500-й

Уолтер Кромвель, пивовар и кузнец

Томас, его сын.

Бет, его дочь.

Кэт, его дочь.

Морган Уильямс, муж Кэт.

В Остин-Фрайарз, с 1527-го

Томас Кромвель, стряпчий.

Лиз Уайкис, его жена.

Грегори, их сын.

Энн, их дочь.

Грейс, их дочь.

Генри Уайкис, отец Лиз, суконщик.

Мерси, его жена.

Джоанна Уильямсон, сестра Лиз.

Джон Уильямсон, ее муж.

Джоанна (Джо), их дочь.

Алиса Уэллифед, племянница Кромвеля, дочь Бет Кромвель.

Ричард Уильямс, позже – Кромвель, сын Кэт и Моргана.

Рейф Сэдлер, старший письмоводитель Кромвеля, воспитанный в Остин-Фрайарз.

Томас Авери, домашний счетовод.

Хелен Барр, бедная женщина, взятая в дом.

Терстон, повар.

Кристоф, слуга.

Дик Персер, псарь.

В Вестминстере

Томас Вулси, архиепископ Йоркский, кардинал, папский легат, лорд-канцлер; покровитель Томаса Кромвеля.

Джордж Кавендиш, помощник, затем биограф Вулси.

Стивен Гардинер, глава Тринити-холла, секретарь кардинала, позже государственный секретарь Генриха VIII; заклятый враг Кромвеля.

Томас Риотеслей (Ризли), хранитель личной королевской печати, дипломат, протеже и Кромвеля, и Гардинера.

Ричард Рич, юрист, позже генеральный адвокат.

Томас Одли, юрист, спикер палаты общин, лорд-канцлер после отставки Томаса Мора.

В Челси

Томас Мор, юрист и ученый, лорд-канцлер после падения Вулси.

Алиса, его жена.

Сэр Джон Мор, его престарелый отец.

Маргарет Ропер, его старшая дочь, жена Уилла Ропера.
Энн Крезакр, его невестка.
Генри Паттинсон, слуга.

В Сити

Хемфри Монмаут, торговец, арестованный за то, что дал приют Уильяму Тиндейлу, переводчику Библии на английский язык.
Джон Петит, купец, арестованный по подозрению в ереси.
Люси, его жена.
Джон Парнелл, купец, ведущий бесконечную тяжбу с Томасом Мором.
Маленький Билни, ученый, сожженный за ересь.
Джон Фрит, ученый, сожженный за ересь.
Антонио Бонвизи, купец из Лукки.
Стивен Возн, антверпенский купец, друг Кромвеля.

При дворе

Генрих VIII

Екатерина Арагонская, его первая жена, позже именуемая вдовствующей принцессой Уэльской.

Мария, их дочь.

Анна Болейн, его вторая жена.

Мария, ее сестра, вдова Уильяма Кэри, бывшая любовница Генриха.

Томас Болейн, ее отец, позже граф Уилтширский и лорд-хранитель королевской печати; любит, чтобы к нему обращались «монсеньор».

Джордж, ее брат, впоследствии лорд Рочфорд.

Джейн Рочфорд, жена Джорджа.

Томас Говард, герцог Норфолкский, дядя Анны.

Мэри Говард, его дочь.

Мэри Шелтон

Джейн Сеймур Фрейлины

Чарльз Брэндон, герцог Суффолкский, старый друг Генриха, женатый на его сестре Марии.

Генри Норрис, Фрэнсис Брайан, Фрэнсис Уэстон, Уильям Брертон, Николас Кэрю – джентльмены, состоящие при короле

Марк Смитон, музыкант.

Генри Уайетт, придворный.

Томас Уайетт, его сын.

Генри Фицрой, герцог Ричмондский, незаконный сын короля.

Генри Перси, граф Нортумберлендский.

Священнослужители

Уильям Уорхем, престарелый архиепископ Кентерберийский.

Кардинал Кампеджо, папский легат.

Джон Фишер, епископ Рочестерский, советник Екатерины Арагонской.

Томас Кранмер, кембриджский богослов, сторонник Реформации, архиепископ Кентерберийский после смерти Уорхема.

Хью Латимер, священник, сторонник Реформации, позднее епископ Вустерский.

Роуланд Ли, друг Кромвеля, позднее епископ Ковентри и Личфилда.

В Кале

Лорд Бернерс, губернатор, ученый и переводчик.

Лорд Лайл, следующий губернатор.

Хонор, его жена.

Уильям Стаффорд, гарнизонный офицер.

В Хэтфилде

Леди Брайан, мать Фрэнсиса; воспитательница новорожденной принцессы Елизаветы.

Леди Энн Шелтон, тетка Анны Болейн; воспитательница бывшей принцессы Марии.

Послы

Эташ Шапюи, дипломат, уроженец Савойи, посол императора Карла V в Лондоне.

Жан де Дентвиль, посол Франциска I.

Йоркистские претенденты на престол

Генри Куртенэ, маркиз Эксетерский, потомок дочери Эдуарда IV.

Гертруда, его жена.

Маргарет Пол, графиня Солсбери, племянница Эдуарда IV.

Лорд Монтегю, ее сын.

Джефффри Пол, ее сын.

Реджинальд Пол, ее сын.

Семья Сеймуrow в Волчьем зале

Старый сэр Джон, опозоривший себя связью с женой старшего сына Эдварда.

Эдвард Сеймур, его сын.

Томас Сеймур, его сын.

Джейн, его дочь, при дворе.

Лиззи, его дочь, замужем за губернатором острова Джерси.

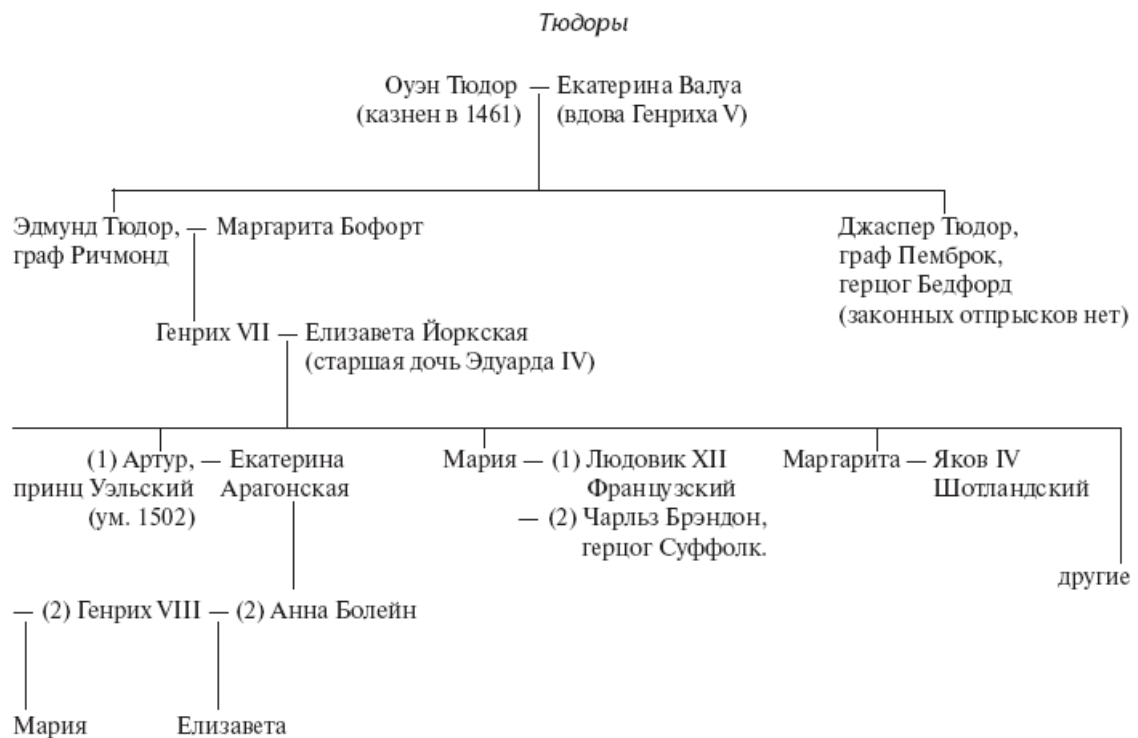
Уильям Беттс, врач.

Николас Кратцер, астроном.

Ганс Гольбейн, художник.

Секстон, шут Вулси.

Элизабет Бартон, пророчица.

Сцены бывают трех родов: во-первых, так называемые трагические, во-вторых – комические, в-третьих – сатирические. Декорации их несходны и разнородны: в трагических изображаются колонны, фронтоны, статуи и прочие царственные предметы; в комических же представляются частные здания, балконы и изображения окон, в подражание тому, как

бывает в обыкновенных домах; а сатирические украшены деревьями, пещерами, горами и прочими особенностями сельского пейзажа¹.

Витрувий. О театре. Ок. 27 г. до н. э.

Вот имена действующих лиц:

Счастье
Свобода
Умеренность
Величие
Прихоть
Притворное сочувствие
Лукавство
Тайный сговор
Учтивое оскорбление
Безумие
Бедствие
Нищета
Отчаяние
Подлость
Надежда
Исправление
Осмотрительность
Стойкость

Джон Скелтон². Величие. Интерлюдия. Ок. 1520

¹ Пер. Ф. Петровского.

² Джон Скелтон (ок. 1460—1529), поэт, наставник Генриха VIII, остролов, поначалу пользовавшийся расположением кардинала Вулси, которое со временем утратил из-за критических высказываний в адрес всемогущего министра. — (Прим. О. Дмитриевой)

Часть первая

I. Через проливы *Патни, 1500*

– А ну вставай!

Только что он стоял – и вот уже лежит, оглушенный, ошарашенный, растянувшись во весь рост на булыжнике двора. Поворачивает голову, смотрит на ворота, будто оттуда может прийти помощь. Сейчас его ничего не стоит прикончить.

Кровь из разбитой головы – по ней пришелся первый удар – заливает лицо. Левый глаз ничего не видит. Сощутив правый, он замечает, что шов на отцовском башмаке лопнул. Дратва вылезла наружу, узел на ней и рассек ему бровь. Это был второй удар.

– Вставай же! – орет Уолтер, примериваясь, куда ударить теперь.

Он приподнимает голову на дюйм-другой, ползет на животе, стараясь не выставять руки, иначе Уолтер на них наступит. Так уже было.

– Ты что, угорь? – спрашивает родитель. Отходит на несколько шагов, разбегается, снова бьет.

Удар вышибает из него дух. В голове одна мысль: это конец. Лоб снова касается булыжников. Сейчас Уолтер начнет его пинать. Белла, запертая в сарае, заходится лаем. Жалко, что я больше ее не увижу, проносится в голове. На дворе пахнет пивом и кровью. За воротами, у реки, кто-то орет. Ничего не болит, а может, болит все, и невозможно вычленить отдельную боль. Есть лишь ощущение холода в прижатой к булыжнику щеке.

– Нет, только глянь! – Уолтер прыгает на одной ноге, будто танцует. – До чего ты меня довел! Я порвал о твою башку свой добрый башмак!

Дюйм за дюймом. Дюйм за дюймом вперед. Пусть обзывает угрем, червяком, аспидом. Голову не поднимай, чтобы не злить Уолтера еще больше. Нос забит кровью, приходится дышать ртом. Отец отвлекся на порванный башмак. Минута передышки.

Его тошнит.

– Давай-давай! – ревет Уолтер. – Заблуй тут все!

Заблуй мои добрые булыжники.

– Давай же, вставай! Поднимайся! Святые греховодники! Встань на ноги!

Святые греховодники? думает он. Что это значит? Волосы в блевотине, собака лает, Уолтер вопит, над рекой несется колокольный звон. Ему чудится движение: как будто земля стала Темзой. Она вздымается и опадает. Последний воздух со свистом выходит из груди. Ну все, добил мальчика, кричит кто-то Уолтеру. Он закрывает глаза, или их закрывает ему Господь. Глубокая, черная вода уносит его прочь.

* * *

Когда мысли возвращаются, он стоит в дверях «Летучего коня Пегаса». Уже почти полдень. Сестра Кэт выходит из кухни с горячими пирогами и едва не роняет поднос.

– Нет, вы только полюбуйтесь!

– Кэт, не ори. У меня голова лопнет.

Она зовет мужа: «Морган Уильямс!» Поворачивается на месте, глаза ошалелые, лицо покраснелось от кухонного жара.

– Заберите у меня поднос! Тело Господне, да куда все подевались?

Его трясет, совсем как Беллу после того, как она свалилась из лодки в реку.

Вбегает служанка.

– Хозяин ушел в город.

– Да знаю я, дура! – При виде окровавленного брата Кэт позабыла все на свете. Она сует девушке поднос. – Пристрой так, чтобы кошки не добрались, не то таких оплеух навешаю – звезды из глаз посыплются! – Освободив руки, она на мгновение сжимает их в страстной молитве. – Опять дрался, или это отец тебя изукрасил?

Да, говорит он, кивая изо всех сил, так что кровь брызжет из носа. Да, повторяет он и указывает на себя, словно говоря: здесь был Уолтер. Кэт кричит, чтобы несли таз, воду, чтобы воду налили в таз, чтобы дали полотенце, чтобы дьявол сию минуту явился и забрал к себе своего слугу Уолтера.

– Сядь, покуда не упал.

Он хочет сказать: я только что встал. Во дворе. Пролежал там час. А может, сутки, и тогда сегодня уже завтра. Только если бы это было сутки назад, Уолтер бы пришел и убил за то, что он валяется на дороге. А раны бы уже затянулись коркой и сейчас болели сильнее, при каждом движении. По близкому знакомству с башмаками и кулаками Уолтера он знает, что второй день всегда хуже первого.

– Сядь. Молчи, – говорит Кэт.

Приносят воду. Кэт легонько промакивает ему глаз. Оттирает мокрым полотенцем лоб, медленно и осторожно. Она судорожно дышит, ее рука лежит у него на плече. Иногда Кэт вполголоса чертыхается, иногда всхлипывает, гладит ему загривок, шепчет: «Ну, ну, не надо», – как будто это он плачет, а не она. Чувство такое, будто он парит, а сестра прижимает его к земле. Зарыться бы лицом в ее фартук и слушать, как стучит сердце, да не хочется пачкать кровью белую материю.

Возвращается Морган Уильямс в парадном платье. На широком валлийском лице – готовность немедленно ринуться в бой. Очевидно, ему уже рассказали. Морган встает рядом с Кэт, смотрит, долго не находит слов, потом восклицает: «Вот!» Сжимает кулак, трижды потрясает им в воздухе.

– Вот что получит Уолтер. От меня.

– И не думай, – отговаривает Кэт. – Мало тебе Томасовой крови на твоём лондонском платье.

Морган глядит на себя, на Тома. Послушно отходит.

– Мне-то что, но ты на себя глянь, малый. В честном бою ты бы его изувечил.

– Какой там честный бой, – ворчит Кэт. – Он подходит сзади, верно, Томас? И чем-нибудь бьет.

– Сдается, сегодня это была бутылка, – говорит Морган Уильямс. – Я угадал?

Он мотает головой. Из носа опять капает кровь.

– Не надо, братец. – Кэт оттирает на себе брызги. Фартук весь изгваздан. Вполне можно было уткнуться в него лицом, хуже бы не стало.

– Значит, ты не видел, чем он ударил? – спрашивает Морган.

– Для того и подходят сзади, ты, магистрат недоделанный, – буркает Кэт. – Послушай, Морган, хочешь, я расскажу тебе про моего отца? Он хватает что под руку попадет. Иногда бутылку, верно. Я видела, как он бьет мою мать. Даже крошку Бет – я видела, как он бьет ее по голове. А когда не видела, было еще хуже – значит, это он бил меня.

– Удивляюсь, как меня угораздило взять жену из такой семейки, – задумчиво произносит Морган Уильямс.

Это просто присловье. Некоторые мужчины постоянно шмыгают носом. У некоторых женщин все время болит голова. Морган всегда удивляется, что взял жену из такой семьи. Мальчик не слушает, он думает: если отец вот так бил покойницу-мать, может, он ее и при-

кончил? Нет, тогда бы его забрали. В Патни не блюдут закон, но убийство тут с рук не сойдет. Кэт ему за мать: плачет над ним, гладит по загривку.

Он зажмуривается, затем пробует открыть оба глаза одновременно.

– Кэт, – спрашивает он, – у меня там глаз есть? А то я им не вижу.

Да, да, говорит она, пока Морган продолжает устанавливать факты: это был твердый, довольно тяжелый, острый предмет, но вряд ли разбитая бутылка, иначе Томас увидел бы зазубренный край, когда Уолтер, целя в глаз, рассек ему бровь. Он слушает рассуждения Моргана и хочет объяснить про башмак, про узел на дратве, но так трудно ворочать языком, да оно, в сущности, и не важно. Вообще-то он согласен с Морганом и хочет пожать плечами, но их пронзает такая резкая боль, что он думает: может, у меня сломана шея?

– Ладно, Том, скажи лучше, чем ты так разозлил отца? – спрашивает Кэт. – Если совсем без повода, Уолтер обычно до темноты не начинается.

– Да, – подхватывает Морган Уильямс. – Что послужило причиной?

– Вчера. Я подрался.

– Ты вчера подрался? С кем, во имя всего святого?

– Не знаю. – Имя, вместе с причиной драки, вылетело из головы. Однако чувство такое, будто, вылетая, имя оставило на черепе зазубрены. Он трогает макушку, осторожно. Бутылка? Может быть.

– Вечно вы, мальчишки, деретесь, – ворчит Кэт. – У реки.

– Давайте проверим, правильно ли я понял, – говорит Морган. – Вчера Томас приходит домой в рваной одежде, с разбитыми кулаками, и старик спрашивает: ты что, дрался? Ждет сутки, потом хватает бутылку. Валит Томаса с ног, пинает, бьет попавшейся под руку доской...

– Так и было?

– Весь приход знает! Соседи стали кричать на пристани еще до того, как моя лодка подошла к берегу. Морган Уильямс, послушай, твой тесть только что отколотил Томаса, и тот приполз умирать к сестре, позвали священника. Ты посылала за священником?

– Ох уж мне эти Уильямсы! – возмущается Кэт. – Подумайте, какая важная птица! Люди приходят на пристань сообщить ему новости! А почему? Потому что ты всему веришь.

– Но ведь это правда! – кричит Морган. – Чистая правда, верно? Кроме священника. И Томас еще жив.

– Ты точно станешь судьей, – говорит Кэт, – раз сумел подметить разницу между моим живым братом и покойником.

– Если я стану магистратом, первым делом посажу твоего отца в колодки. Штрафовать его? Пустое! Что толку штрафовать человека, который тут же вернет себе деньги, ограбив или обдулив первого встречного?

Он стонет, тихо, чтобы не мешать разговору.

– Ну, ну, ну, – шепчет Кэт.

– Магистраты уже слышать про Уолтера не могут, – вещает Морган. – Если он не разбавляет эль, то пасет скотину на общинном лугу, если не травит общинную траву, то нападает на представителя власти, если он не под хмельком, то мертвецки пьян, и если он умрет своей смертью, значит, в мире нет справедливости.

– Закончил? – спрашивает Кэт. Поворачивается к брату: – Том, оставайся-ка у нас. Морган Уильямс, что ты скажешь? Томас может делать черную работу, как оправится. Или вести твои счета, складывать и... что там еще делают? Ладно, не смейся надо мной, где мне было учиться, с таким-то отцом? Я свое имя умею написать только потому, что Том меня научил.

– Отец. Будет. Злиться.

Он может говорить только так: отдельными словами.

– Злиться? – повторяет Морган. – Усовестился бы лучше!

Кэт объявляет:

– Когда Господь раздавал совесть, мой отец не удосужился подойти за своей долей.

Он говорит:

– Потому что. Всего миля. Он легко.

– Легко может сюда прийти? Пусть попробует. – Морган снова показывает свой жилистый валлийский кулачок.

* * *

Когда Кэт заканчивает промывать его раны, а Морган Уильямс – храбриться и восстанавливать ход событий, он час или два просто лежит пластом. За это время приходил Уолтер с друзьями, они кричали и ломались в дверь. Впрочем, в комнату звуки долетали приглушенно, и он не знает точно, было это наяву или во сне. Сейчас его занимает одна мысль: что теперь делать? В Патни оставаться нельзя. Вернулись воспоминания о позавчерашней драке, и там, вроде, был нож. Пырнули не его, значит, это он кого-то пырнул? Все как в тумане. Ясно одно. Если Уолтер еще раз меня тронет, я его убью, а если я его убью, меня повесят, а если меня повесят, то пусть лучше за что-нибудь более стоящее.

Внизу голоса, то громче, то тише. Всех слов не разобрать. Морган утверждает, что Том сжег все мосты. Кэт отказывается от прежнего предложения: мальчик на побегушках, личный секретарь и счетовод, потому что Морган говорит:

– Уолтер будет все время сюда ходить, верно? Мол, где Том, отправь его домой, кто платил чертову попу, чтобы мальчишку научили читать-писать? Мол, я платил, а ты теперь пользуешься, дрянь, потаскуха вонючая!

Он спускается вниз. Морган замечает весело:

– А ты неплохо выглядишь, учитывая обстоятельства.

Правда, Морган Уильямс – и это ничуть не мешает Тому его любить – никогда в жизни не поколотит тестя, что бы ни говорил и ни думал. На самом деле Морган боится Уолтера, как многие добрые люди в Патни. И кстати, в Уимблдоне и Мортлейке тоже.

– Ну, я пошел, – говорит Том.

Кэт возражает:

– Переночуй у нас. Сам знаешь, второй день хуже всего.

– А кого он побьет, если меня не будет?

– Не наше дело, – отвечает Кэт. – Бет, слава тебе, Господи, замужем и далеко отсюда.

Морган Уильямс говорит:

– Честно скажу, будь Уолтер моим отцом, я бы сбежал.

Он ждет.

– Мы собрали тебе денег, – продолжает Морган.

Пауза.

– Я верну.

Морган облегченно смеется.

– И как же ты их вернешь, Том?

Он не знает. Дышать трудно, но это пустяки, просто в носу запеклась кровь. Вроде бы там все цело. Он трогает нос, осторожно, и Кэт говорит, полегче, я в чистом фартуке. Сестра вымученно улыбается, потому что не хочет, чтобы он уходил, но она ведь не станет противоречить Моргану Уильямсу, верно? Уильямсы – важные люди в Патни, в Уимблдоне. Морган на Кэт не надышится, говорит, чтобы печь пироги и варить пиво, есть служанки, а хозяйка может шить наверху, как знатная дама, и молиться об успехах сделок, когда муж отправляется в Лондон в парадном платье. Дважды в день она может обходить «Пегас», нарядно оде-

тая, и помечать, что не так: идея Моргана. И хотя сейчас Кэт хлопочет не меньше, чем в детстве, когда-нибудь Морган убедит ее оставить работу служанкам, и ей понравится.

– Я верну, – повторяет он. – Может, завербуюсь в солдаты. Буду отсылать вам часть жалованья и добычи.

Морган говорит:

– Но сейчас нет войны.

– Где-нибудь да будет, – замечает Кэт.

– Или наймусь на корабль юнгой. Только вот Белла – вернуться мне за ней? Она лаяла, и отец запер ее в сарае.

– Чтобы она не хватала его за пятки? – У Моргана воспоминание о Белле вызывает усмешку.

– Я бы ее с собой взял.

– Про корабельных кошек я слышал. Про корабельных псов – нет.

– Она совсем маленькая.

– Но за кошку не сойдет, – смеется Морган. – И вообще ты великоват для юнги. Они бегают по вантам, как мартышки. Ты когда-нибудь видел мартышку, Том? Уж лучше тебе в солдаты. По правде говоря, яблоко от яблони... Чем-чем, а кулаками тебя Господь не обделил.

– Отлично. Давайте проверим, правильно ли я поняла, – передразнивает мужа Кэт. – Как-то Том возвращается домой после драки. В наказание отец подкрадывается сзади, бьет его по голове неизвестно чем, но чем-то тяжелым, потом чуть не выбивает ему глаз, лупит по чему ни попадя удачно подвернувшейся доской, разукрашивает физиономию так, что, не будь я родная сестра, в жизни бы не узнала, а теперь мой муженек говорит: давай, Томас, иди в солдаты, найди какого-нибудь незнакомца, выбей ему глаз, переломай ребра, убей его, и тебе за это заплатят.

– Все лучше, чем драться у реки задарма, – замечает Морган. – Глянь на него. Будь я королем, я бы затеял войну, просто чтобы взять Тома в солдаты.

Морган достает кошель. С дразнящей медлительностью отсчитывает монеты: звяк, звяк, звяк.

Он трогает скулу. Под пальцами синяк, не ссадина. Но до чего же холодный!

– Послушай, – говорит Кэт. – Мы тут выросли. Наверняка кто-нибудь согласится Тому помочь.

Морган смотрит выразительно, словно спрашивая: ты много знаешь людей, готовых перейти дорогу Уолтеру Кромвелю? Людей, которые хотят, чтобы он ломился к ним в дом? И Кэт, словно услышав мужнины мысли, говорит:

– Нет. Может быть. Может быть, Том, это и правда лучше, как ты думаешь?

Он встает.

Кэт говорит:

– Морган, глянь на него, ну куда он сегодня пойдет?

– Мне нельзя оставаться. Через час Уолтер глаза нальет и явится сюда. Если я буду здесь, он подожжет дом.

Морган спрашивает:

– У тебя есть все необходимое в дорогу?

Ему хочется обернуться к сестре и сказать: нет.

Но она отвернулась и плачет. Не о нем, потому что никто никогда больше о нем не заплачет, таким уж сотворил его Господь. Кэт плачет о том, что считает правильной жизнью: воскресенье после обедни, сестры, золовки, невестки целуются, шлепают племянников (любя) и тут же гладят их по головке, передают из рук в руки младенцев, сравнивают, чей толще, а мужчины стоят кружком и говорят о делах, о шерсти, пеньке, доставке, чертовых

фламандцах, правах на лов рыбы, пивоварнях, годовых оборотах, услуге за услугу, нужных людях, «надо бы немного подмазать», «мой поверенный обещал»... Вот что сулил брак с добрым семьянином Морганом Уильямсом, да только Уолтер все испортил.

Осторожно, неловко, он выпрямляется. Теперь болит все тело, хоть и не так сильно, как будет болеть завтра. На третий день проступят синяки, и придется отвечать всем на расспросы, где тебя так отделали. К тому времени он будет далеко отсюда, и, возможно, отвечать не придется, потому что никто не спросит. Никому не будет до него дела. Люди глянут мельком и решат, что он всегда такой побитый.

Он берет деньги и говорит:

– *Гуил, Морган Уильямс. Диолх арм ир ариан. (Спасибо за деньги.) Гофалух ам Катерин. Гофалух ам эйх бизнес. Вела ай хи это риубрид. Поб лук.*

Позаботься о моей сестре. Позаботься о своем деле. Когда-нибудь увидимся.

У Моргана Уильямса глаза лезут на лоб.

Он улыбнулся бы, если бы не корка на лице. Неужто все думают, будто он ходил к Уильямсам лишь затем, чтобы лишний раз пообедать?

– *Поб лук*, – медленно произносит Морган. Удачи во всем.

Он спрашивает:

– Если я пойду вдоль реки, это годится?

– А куда ты хочешь попасть?

– К морю.

Морган Уильямс смотрит огорченно, жалея, что до такого дошло. Потом говорит:

– Береги себя, Том. Обещаю, если Белла придет тебя искать, мы ее голодной не отпустим. Кэт даст ей пирога.

* * *

Деньги надо растянуть на подольше. Можно идти вдоль реки к устью, но он боится, что Уолтер через своих дружков – людей, за выпивку готовых на все, – выследит его и поймают. Первая мысль: пробраться на суденышко, выходящее из Тилбери с грузом контрабанды. Но если подумать, сейчас во Франции война. Это подтверждали все, кого он спрашивал, – ему ничего не стоит заговорить с незнакомцем. Итак, Дувр.

Если помогаешь грузить телегу, тебя обычно соглашаются подвезти. А как же бестолково люди грузят телеги! Застревают в узкой двери с деревянным ящиком в руках, а всего-то и надо, что повернуть его! И лошади. Он привык к лошадям, к перепуганным лошадям. По утрам Уолтер иногда работал в кузнице – если не спал мертвецким сном после крепкого эля, который держал для себя и своих дружков. То ли от запаха перегара, то ли грубого голоса, то ли от того, как Уолтер себя вел, даже послушные лошади начинали мотать головой и пятиться, а когда им прилаживали подкову, дрожали всем телом. Его делом было держать их за морду, успокаивать, гладить бархатистую шерстку между ушами, напоминать, как любили их мамы-кобылы, и уверять, что те и до сих пор о них вспоминают, а Уолтер скоро закончит.

* * *

День или два он не ест – слишком все болит. Но к Дувру рана на голове затягивается, и отбитые органы – почки, легкие, сердце – тоже, видимо, подживают.

По взглядам прохожих ясно, что лицо по-прежнему в синяках. Перед уходом Морган Уильямс осмотрел его и составил опись: зубы (чудесным образом) целы, оба глаза чудесным образом видят. Две руки, две ноги – чего ж еще?

Он ходит по пристани, спрашивает: не знаете, где сейчас война?

Каждый спрошенный глядит ему в лицо, отступает на шаг и говорит: «Это ты сам лучше знаешь!»

Они так собой довольны, так смеются над собственной шуткой, что он продолжает спрашивать, просто чтобы людям было приятно.

К своему удивлению, он понимает, что покинет Дувр богаче, чем сюда пришел. Он углядел у какого-то ловкача на улице финт с тремя картами и тоже стал приглашать желающих сыграть. К мальчику подходят охотнее, чем к взрослому. И проигрывают.

Он подсчитывает приход и расход. Выделяет небольшую сумму на то, чтобы пойти к девке. В Патни, Уимблдоне и Мортлейке такое невозможно: Уильямсы прослышат и будут обсуждать тебя между собой по-валлийски.

Он видит трех пожилых голландцев с тюками, идет помочь. Тюки большие и мягкие – образцы сукна. Таможенник кричит на голландцев: у них что-то не так с документами. Он, притворяясь голландским олухом, заходит за спину чиновнику и на пальцах показывает, сколько надо дать. «Пожалуйста, – говорит один из купцов на плохом английском, – не избавите ли вы меня от этих английских монет? Они лишние». Таможенник расплывается в улыбке. Купцы расплываются в улыбке: сами они заплатили бы больше. Поднимаясь на борт, они говорят: мальчик с нами.

Пока матросы поднимают якорь, голландцы спрашивают, сколько ему лет. Он говорит, восемнадцать, они хохочут. Он говорит, пятнадцать, они, посоветовавшись между собой, решают: пятнадцать сойдет. Они думают, ему меньше, однако не хотят обижать мальчонку. Любопытствуют, что у него с лицом. Можно соврать, но он говорит правду – иначе подумают, что его побили за кражу. Купцы говорят между собой по-голландски, и тот, который владеет английским, переводит:

– Мы обсуждали, что англичане жестоки к своим детям. И холодны сердцем. Когда отец входит в комнату, ребенок должен вставать. И обращаться к родителям правильно: к отцу «сэр», к матери – «госпожа матушка».

Он удивлен. Неужто где-то люди добры к детям? Впервые на сердце легчает: есть другие места, лучше. Он рассказывает про Беллу. Купцы смотрят сочувственно и не говорят глупостей вроде: ты можешь завести другую собаку. Он рассказывает про «Пегас», про отцовскую пивоварню, про то, что отца штрафуют за разбавленный эль не реже двух раз в год. И еще за порубку чужого леса и выпас на общинном лугу овец сверх разрешенного числа. Купцы слушают с интересом, показывают образцы сукна, обсуждают между собой вес и качество выделки, иногда обращаются к нему, объясняют. В целом они невысокого мнения об английском сукне, но эти образцы, возможно, их переубедят... Когда речь заходит о цели поездки в Кале и тамошних знакомых-суконщиках, он теряет нить разговора.

Он упоминает отцовскую кузницу. Тот, что говорит по-английски, спрашивает: ты можешь сделать подкову? Он пантомимой показывает, каково это: горячий металл и гневливый отец в тесной кузне. Они смеются. «С тобой не соскучишься», – говорит один. Перед высадкой самый молчаливый встанет и произнесет короткую, странно официальную речь. Второй ответит кивком, а третий переведет:

– Мы три брата. Наша улица такая-то. Если окажешься в нашем городе, тебя будет ждать постель, огонь в очаге и еда.

До свидания, скажет он. До свидания и удачи во всем. *Гуил*, суконщики. *Гофалух* эйх бизнес. Он не остановится, пока не попадет на войну.

Холодно, но море спокойно. Кэт дала ему с собой образок. Медь холодит кожу. Он развязывает веревку, целует образок на счастье. Роняет в воду. Он навсегда запомнит, как впервые увидел открытое море: покрытый рябью серый простор, словно осадок от сна.

II. Отцовство 1527

Итак: Стивен Гардинер. Они сталкиваются в дверях. Сыро и, для апреля, необычно тепло, однако Гардинер в мехах, похожих на сальные черные перья. Священник стоит, опираясь на высокой худощавой фигуре, словно черные крылья ангела.

– Припозднились, – с недовольством произносит мастер Гардинер.

Он дерзок.

– Я или вы, дражайший сэр?

– Вы.

– На реке все пьяны. Лодочники говорят, сегодня канун дня их святой-покровительницы.

– Вы ей помолились?

– Я молился бы кому угодно, лишь бы попасть на сушу.

– Странно, что вы сами не взяли за весло. Наверняка в детстве вам случалось грести.

Вечно у Стивена эта песня. Ваш нечестивый отец. Ваше низкое рождение. Сам Стивен – побочный отпрыск королевского рода, выращенный за плату неболтливыми приемными родителями в маленьком городке. Они суконщики; мастер Стивен их презирает и хотел бы забыть. А поскольку он знает всех в суконной торговле, ему слишком много известно о прошлом Стивена – куда больше, чем тому хочется. Бедный сиротка!

Мастер Стивен всем в жизни недоволен. Непризнанным родством с королем. Избранной поневоле церковной карьерой, хоть она и вполне успешна. Тем, что кто-то, помимо Стивена Гардинера, доверенного секретаря, приходит поздно вечером говорить с кардиналом. С этой его впалой грудью и худосочным сложением. Встретятся они глухой ночью, из них двоих не Гардинер, а мастер Томас Кромвель уйдет, отряхивая руки и улыбаясь.

– Да благословит вас Бог, – произносит Гардинер, выходя в теплую, не по сезону, ночь.

Кромвель говорит:

– Спасибо.

* * *

Кардинал, не поднимая глаз от листа, спрашивает:

– Томас? Дождь еще идет? Я ждал вас раньше.

Лодочник. Река. Святая. Он в пути с раннего утра, а до того почти две недели провел в седле, разъезжая по делам кардинала. Из Йоркшира добирался этапами и не без приключений. По дороге заехал к своим писарям в Грейз-инн и одолжил смену белья. Завернул в восточную часть города узнать, какие суда пришли и не прибыл ли ожидаемый незадекларированный груз, но не успел ни поесть, ни заглянуть домой.

Кардинал встает, открывает дверь и кричит замершим в ожидании слугам:

– Вишен! Как нет вишен?! Апрель, говорите? Придется мне задабривать гостя чем-нибудь другим. – Вздыхает. – Несите что есть. Впрочем, ему все будет не по вкусу. Почему мне так плохо служат?

Весь дом приходит в движение: несут еду, вино, еще дров в камин. Слуга, сочувственно бормоча, стаскивает с него мокрый плащ. Вся кардинальская челядь такова: домовитая, бесшумная, привыкшая к шутивым попрекам хозяина. Всех посетителей встречают с тем же радушием. Хоть раз десять кряду навещай его милость каждую ночь и сиди букой – все равно тебя примут как дорогого гостя.

Слуги отступают к двери.

– Что еще вам угодно? – спрашивает кардинал.

– Чтобы вышло солнце.

– Так поздно? Вы требуете от меня почти невозможного.

– Сгодится и рассвет.

Кардинал поворачивается к слугам и произносит серьезно:

– Этой просьбой гостя я займусь сам.

Они что-то так же серьезно бормочут в ответ и удаляются.

Кардинал сцепляет руки. Вздыхает низко, рокочуще, одновременно растягивая губы в улыбке, словно леопард, укладывающийся полежать на припеке. Смотрит на своего поверенного. Поверенный смотрит на кардинала. В свои пятьдесят пять тот все так же хорош собой, как в пору расцвета. Сегодня его милость не в обычной багряной мантии, а в темно-лиловой, как смиренный епископ. Рост впечатляет. Живот, который куда больше пристал бы человеку менее подвижному, – просто еще одна деталь общего великолепия; на этом животе кардинал часто складывает большие, белые, унизанные кольцами руки. Большая голова – явно созданная Богом для папской тиары – прекрасно сидит на широких плечах, отягощенных (но не в данную минуту) цепью лорда-канцлера. Медоточивым тоном, известным отсюда до Вены, кардинал произносит:

– Ну, рассказывайте, как там в Йоркшире.

– Грязно. – Он садится. – Погода. Жители. Манеры. Нравы.

– Что ж, полагаю, вы обратили свои жалобы по адресу. Хотя насчет погоды я с Господом уже побеседовал.

– Да, и еда. Пять миль от моря, а свежей рыбы не сыщешь.

– А лимонов, надо думать, тем более. Что же они едят?

– Лондонцев, когда могут поймать. В жизни не видел таких дикарей. Уроды низколобые, а гонору... Живут в пещерах, но считаются в этих краях дворянством.

Кардиналу – архиепископу Йоркскому – все недосуг посетить свою епархию, отсюда и расспросы.

– Что до дел вашей милости...

– Я весь внимание.

Слушая, кардинал сосредоточенно морщит лоб. Иногда записывает цифры. Потом отхлебывает очень хорошего вина и, помолчав, спрашивает:

– Томас, что вы там учинили, непотребный слуга? Обрюхатили аббатису? Двух, трех аббатис? Попробую-ка угадать. Подожгли Уитби, просто для смеха?

В адрес своего поверенного у кардинала есть две шутки. Первая: тот с порога требует вишен в апреле и латука в декабре. Вторая: тот разъезжает по округе, творя беззакония, которые потом вменяют в вину кардиналу. Есть и другие – о них вспоминают по мере необходимости.

Скоро десять. Пламя восковых свечей почтительно склоняется перед князем церкви и вновь тянется вверх. Дождь, не прекращавшийся почти с сентября, хлещет в оконные стекла.

– В Йоркшире, – говорит он, – недовольны вашими начинаниями.

Замысел кардинала: объединить тридцать маленьких, пришедших в упадок монастырских хозяйств и направить доход от этих обитателей – запущенных, но по большей части древних – на два колледжа: Кардинальский в Оксфорде и еще один в Ипсвиче, где прекрасно помнят его милость – сына зажиточного и набожного мясника, члена гильдии, державшего большую гостиницу для самых взыскательных проезжих. Затруднение в том, что... Вернее, затруднений несколько. Кардинал, бакалавр искусств к пятнадцати годам, бакалавр теологии к двадцати пяти, изучал законы, но не любит юридических проволочек и не понимает, почему не может превратить недвижимость в деньги так же легко и быстро, как претворяет

облатку в тело Христово. Когда он однажды, на пробу, он принялся объяснять кардиналу лишь один малозначительный пункт земельного законодательства, тот немедленно вспотел от натуги и сказал: Томас, что мне вам дать, чтобы никогда больше про это не слышать? Есть препятствия? Найдите способ их обойти. Недовольные? Суньте им денег, пусть уймутся.

Сейчас у него есть время об этом поразмыслить, поскольку кардинал смотрит в недописанное письмо. Но большая голова поднимается от бумаги.

– Том... Ладно, не важно. Скажите мне, почему вы так хмуритесь?

– Тамошние жители обещают меня убить.

– Вот как? – говорит кардинал, всем своим видом выражая: «Я удивлен и расстроен». – И что, убьют? Как вы думаете?

За спиной у кардинала шпалера во всю стену: Соломон протягивает руки во тьму, встречая царицу Савскую.

– Думаю, если хочешь убить человека – убей. Не пиши ему писем с угрозами, иначе он будет начеку.

– Когда отважитесь быть не начеку, известите меня. Я хотел бы на это посмотреть. А известно ли вам, кто... нет, вряд ли они подписывают письма. Я не откажусь от своего замысла. Я сам и очень тщательно выбрал монастыри, его святейшество скрепил мой выбор подписью и печатью. Те, кто недоволен, просто не понимают моих намерений. Никто не собирается выкидывать дряхлых монахов на улицу.

Так и есть. Кого-то переселяют; предусмотрены пенсии, компенсации. Обо всем можно договориться, было бы желание. Склонитесь перед неизбежным, убеждает он. Подчинитесь милорду кардиналу. Уважайте отеческую заботу своего предстоятеля. Верьте, что его милость стремится к высшему благу церкви. Это фразы для уговоров. Бедность, целомудрие, послушание. Это для выжившего из ума приора, на которого надо хорошенько надавить.

– Все они понимают, – говорит он. – Просто сами хотят получать доходы.

– Вам придется в следующие поездки на север брать вооруженную охрану.

Кардинал, памятуя о бренности всего сущего, уже заказал флорентийскому скульптору свою гробницу. Останки его милости будут покоиться в порфиловом саркофаге под распростертыми крыльями ангела. Камень с прожилками станет монументом над телом, чьи жилы иссушит бальзамировщик; когда плоть станет холодна и недвижна, как мрамор, о заслугах усопшего напишут золотыми буквами. Однако колледжи останутся живым, дышащим памятником: бедные мальчики, бедные школяры понесут в мир кардинальский ум, любовь к красоте, утонченность, воспитанность, умение радоваться и удивляться. Немудрено, что сейчас его милость качает головой. Поверенные обычно не ездят с вооруженной охраной. Кардинал не любит применять силу. Это так грубо! Иногда кто-нибудь из помощников – например, Стивен Гардинер – разоблачает очередное гнездо еретиков. Тогда кардинал воскликает с жаром: бедные заблудшие души! Молитесь о них, Стивен, и я буду о них молиться, может быть, вместе нам удастся отвратить несчастных с пути погибели. И скажите им, пусть ведут себя приличнее, иначе Томас Мор упрячет их в свой подвал, и тогда мы все услышим страшные вопли³.

– Итак, Томас.

Он поднимает глаза.

– Вы говорите по-испански?

– Немного. Солдатская речь. Грубая.

– Мне казалось, вы служили в испанской армии.

³ Будучи убежденным католиком, Томас Мор искренне считал сторонников лютеранской веры и реформирования церкви еретиками. Как лорд-канцлер и глава канцлерского суда он карал их в соответствии с духом и буквой законов того времени. Утверждения о пытках в доме Мора не имеют документального подтверждения, однако обвинительные приговоры лорд-канцлер безусловно выносил. – (Прим. О. Дмитриевой)

- Во французской.
- Ах да. И никаких близких сношений с местными жителями?
- Настолько близких – нет. Браниться я могу по-кастильски.
- Буду знать, – произносит кардинал. – Возможно, это тоже понадобится. А пока...

Думаю, мне потребуются еще друзья в ближайшем окружении королевы.

«Друзья» означает «шпионы». Узнать, как она примет новость. Что королева Каталина⁴ скажет, угодив в петлю дипломатической латыни, извещающей, что король – после двадцати лет совместной жизни – вздумал жениться на другой. На принцессе, которая, как полагает его величество, сумеет родить сына.

Кардинал подпирает руками голову, трет пальцами глаза, говорит:

- Сегодня утром король вызвал меня к себе. Очень рано.
- Чего он хотел?

– Сочувствия. В такой-то час. Я просидел с ним раннюю мессу, и он всю службу говорил. Я люблю короля. Господь свидетель, как я его люблю. Но даже моего сострадания порой не хватает. Вообразите сами, Том. Представьте себе, что вам тридцать пять. У вас прекрасный аппетит и отменное здоровье, вы не знаете, что такое запор, ваши суставы отлично гнутся и вдобавок вы – король Англии. – Кардинал мотает головой. – Но! Если бы только его величество хотел чего-нибудь попроще. Философский камень. Эликсир молодости. Сундук с золотыми монетами – ну, как в сказках.

– Который вновь наполняется, сколько бы оттуда ни брали?

– Ну да. Такой сундук я бы уж как-нибудь сыскал, и эликсир, и все прочее. Но откуда взять наследника?

Ветер колышет портьеру за спиной кардинала. Соломон наклоняется, лицо в тени. Царица Савская – улыбающаяся, легконогая – напоминает ему молодую вдовушку, у которой он жил в Антверпене. Должен ли он был жениться на ней, раз они делили ложе? По чести, да. Но если бы он женился на Ансельме, то не женился бы на Лиз и дети у него были бы другие, не те, что сейчас.

– Если не можете помочь королю с рождением сына, – говорит он, – найдите отрывок из Писания для успокоения его души.

Кардинал шарит у себя на столе, будто и впрямь ищет.

– Что ж, Второзаконие. Там определенно говорится, что муж должен взять себе жену умершего брата. Как наш король и поступил⁵. – Кардинал вздыхает. – Но королю не нравится Второзаконие.

Бесполезно спрашивать почему. Бесполезно пояснять, что, коли Второзаконие велит жениться на вдове брата, а Книга Левит говорит, не бери жену брата своего, иначе будешь бездетен, с этим противоречием надо как-то жить. В конце концов, вопрос о том, какой из текстов главнее, разобран в Риме за солидную мзду учеными прелатами двадцать лет назад и диспенсация – разрешение на брак – скреплена папской печатью.

– Не понимаю, почему король принимает Книгу Левит так близко к сердцу, ведь у него есть дочь.

– По-моему, общепризнано, что в Писании слово «дети» означает сыновей.

Кардинал подкрепляет свои слова цитатой на древнееврейском; голос сладкий, убаюкивающий. Его милость любит наставлять тех, кто готов принять наставление. Они знакомы уже несколько лет, и при всем величии кардинала отношения у них самые дружеские.

– У меня есть сын, – произносит его милость. – Вам это, разумеется, известно. Да простит меня Господь. Плотская слабость.

⁴ Имеется в виду Екатерина Арагонская. – (Прим. О. Дмитриевой)

⁵ Генрих женился на Екатерине Арагонской, вдове его старшего брата Артура. – (Прим. О. Дмитриевой)

Сын кардинала – Томас Винтер – склонен к учебе и тихой жизни, хотя отец, вероятно, прочит юноше совсем другую карьеру. Есть у кардинала и дочь, которой никто не видел: Доротея, что означает «дар Божий». Она уже в монастыре – замаливает родительские грехи.

– У вас тоже сын, – продолжает кардинал. – Точнее, один сын, носящий ваше имя. Но, полагаю, по берегам Темзы бегает еще немало ваших мальчишек?

– Надеюсь, вы ошибаетесь. Мне не было пятнадцати, когда я отсюда сбежал.

Вулси находит забавным, что он не знает своего возраста. Выросший на мясе сын мясника заглядывает через несколько слоев общества на самое дно, туда, где родился поверенный Томас Кромвель. Отец наверняка был мертвецки пьян, мать, естественно, думала о хозяйстве. Кэт, спасибо ей, помогла с датой рождения.

– Ну, пятнадцать... – тянет кардинал. – Но в пятнадцать, полагаю, вы уже могли? Я точно мог. Итак, у меня есть сын, у лодочника есть сын, у оборванца на улице есть сын, у ваших предполагаемых убийц в Йоркшире, без сомнения, есть сыновья, которым те завещают кровную месть, и вы сами, как мы установили, дали жизнь целому племени юных разбойников. И только у короля нет сына. Кто виноват?

– Бог?

– А ближе?

– Королева?

– Кто в большей мере ответствен за все, чем королева?

Он невольно расплывается в улыбке.

– Вы, ваша милость.

– Я, моя милость. И что мне делать? Я скажу вам, что могу предпринять. Отправить мастера Стивена в Рим, прощупать курию. Но он нужен мне здесь.

Вулси смотрит ему в лицо и смеется. Ох уж эти щенки-подчиненные! Недовольные родителями, которых дала им природа, они вечно грызутся меж собой – каждый хочет быть любимым сыном кардинала.

– Что бы вы ни думали о мастере Стивене, он отлично подкован в каноническом праве и замечательно умеет убеждать – разумеется, когда не пробует убедить вас. Я вам скажу... – Кардинал, не закончив фразу, подается вперед, подпирает руками львиную голову, которую уже сейчас венчала бы папская тиара, если бы на прошлых выборах нужным людям заплатили чуть больше. – Я умолял. Томас, я встал на колени и униженно пытался его разубедить. Ваше величество, говорил я, послушайте моего совета. Если вы хотите избавиться от жены, из этого ничего не выйдет, кроме крупных неприятностей и трат.

– А он что?

– Поднял палец. Строго. «Никогда, – сказал, – не называйте эту любезную даму моей женой, пока не докажете, что она мне и впрямь жена и может ею оставаться. До тех пор зовите ее моей сестрой, моей дорогой сестрой. Ибо она совершенно точно была супругой моего брата, прежде чем вступить со мной в некоего рода союз».

Из Вулси никогда не вытянешь и слова против короля.

– Государь... – Кардинал делает паузу, мысленно подыскивая слово. – Строго между нами, государь поздновато спохватился. О да, с самого начала не все считали диспенсацию законной. Год за годом королю нашепывали, что его брак греховен, а он не слушал, хотя, как я теперь понимаю, слышал. Однако король безмерно любил жену, и все сомнения подавлялись. – Кардинал кладет руку на стол, мягко и в то же время твердо. – Они подавлялись и подавлялись.

А теперь Генрих хочет, чтобы брак признали недействительным. Несуществовавшим.

– Восемнадцать лет, – продолжает кардинал, – король был во власти заблуждения. Он сказал духовнику, что должен исповедаться в грехе за восемнадцать лет.

Вулси ждет, что собеседник удивится, но тот лишь смотрит на кардинала. Очевидно, и тайна исповеди может быть нарушена по воле его милости.

– Значит, если вы пошлете мастера Стивена в Рим, – говорит он, – королевская причуда, если позволительно так выразиться...

Кардинал кивает: позволительно.

– ... получит международную огласку?

– Мастер Стивен поедет неофициально. Скажем, за личным папским благословением.

– Вы не знаете Рима.

Вулси не может ему возразить. Кардинал никогда не ощущал того холодка на затылке, который заставляет тебя оглядываться через плечо, когда переходишь из золотистого света Тибра в густую тень. За упавшей колонной, за целомудренными руинами прячутся совратители: любовница епископа, племянник чьего-то племянника, богатый мерзавец с вкрадчивой речью на устах. Счастье, что он покинул этот город, не потеряв душу.

– Скажу совсем просто. Папские шпионы выведывают цель поездки еще до того, как мастер Стивен закончит собираться в дорогу. У кардиналов и секретарей будет время установить цену. Если решите посылать мастера Стивена, дайте ему много денег. Кардиналы не принимают посулов. Им нужен мешок с деньгами, чтобы задобрить банкиров, поскольку почти все они исчерпали кредит.

– Надо было бы послать вас, – весело замечает кардинал. – Вы бы предложили папе Клименту ссуду.

А почему бы и нет? Он знает денежные рынки, такое можно устроить. На месте Климента он бы в нынешнем году занял много денег для защиты границ⁶. Впрочем, Папа опоздал: к летней кампании войско надо собирать начиная со Сретенья. Он говорит:

– А вы не хотите начать процесс в собственной юрисдикции? Пусть король сделает первые шаги и поймет, действительно ли этого хочет.

– Так я и намерен поступить. Созвать небольшой суд здесь, в Лондоне. Мы приступим к его величеству и объявим строго: король Гарри, есть подозрение, что все эти годы ты незаконно сожительствовал с женщиной, которая тебе не жена. Король, да благословит его Бог, не любит быть неправым, а мы очень твердо скажем, что он не прав. Возможно, он забудет, что сам все затеял. Возможно, он накричит на нас и в порыве оскорбленных чувств вернется к королеве. Если нет, я добьюсь аннуляции, здесь или в Риме, и женю его на французской принцессе.

Бесполезно спрашивать, есть ли у кардинала на примете конкретная принцесса. Есть, и не одна, а две или три. Вулси живет не в одной реальности, а в подвижном муаре дипломатических ходов. Всеми силами пытается сохранить брак Генриха с Екатериной и союз с ее испанской родней, убеждает короля отбросить сомнения и в то же время выстраивает альтернативный мир, где сомнения короля следует уважить, а брак с Екатериной признать недействительным. Как только диспенсация будет отменена – как только один росчерк папского пера уничтожит восемнадцать лет греха и страданий, – кардинал изменит расстановку сил в Европе, соединит Англию и Францию в мощный союз против молодого императора Карла, племянника Екатерины. Все исходы возможны, все исходы управляемы, каждый можно повернуть в удобную сторону; молитвы и давление, давление и молитвы, все идет по Божьему плану, и Вулси может вносить в этот план необходимые маленькие коррективы. Раньше его милость говорил: «Король поступит так-то и так-то». Потом: «Мы поступим так-то и так-то». Теперь: «Вот как я поступлю».

⁶ Отсылка к Итальянским войнам (1494—1559), на фоне которых происходили описываемые события. В тот период владения папы Климента VII, участника антиимперской Коньякской лиги, грозило вторжение армии императора Карла V. – (Прим. О. Дмитриевой)

– А что будет с королевой? – спрашивает он. – Куда ей деваться в случае развода?

– Есть замечательные монастыри.

– Может быть, она вернется в Испанию.

– Нет, вряд ли. Теперь это другая страна. Прошло... сколько?... двадцать семь лет с тех пор, как она прибыла в Англию. – Кардинал вздыхает. – Я ведь помню, как это было. Ее корабли, как вы знаете, задержала непогода – день за днем их носило по Ла-Маншу. Король выехал навстречу будущей невестке. Она была тогда в Догмерсфилде, во дворце епископа Батского, на пути в Лондон. Стоял ноябрь, и, да, лил дождь. Свита королевы настаивала на соблюдении испанских обычаев: принцесса не должна снимать покрывало, и супруг увидит ее только в день свадьбы. Но вы помните нашего короля!

Разумеется, он не помнит. Он родился примерно в тот год, когда старый король, почти всю жизнь изгнанник и перебежчик, захватил нечаемую корону. Вулси рассказывает так, будто лицезрел все воочию; в определенной мере это так и есть, ибо события недавнего прошлого таковы, какими выстроил их у себя в голове кардинал. Его милость улыбается.

– Прежний король был в преклонных летах и во всем подозревал дурной умысел. Он придержал коня, будто для того, чтобы посоветоваться с придворными, одним махом спешился – ловкости ему и тогда было не занимать – и объявил испанцам, что увидит принцессу. Здесь моя земля и мои законы, сказал он, у нас женщины не носят покрывал. Почему на нее нельзя смотреть? Может, меня обманули, подсунули уродину; вы предлагаете женить моего сына на страшилище?

Томас думает: король вел себя слишком по-валлийски.

– Тем временем служанки уложили принцессу в постель – или сказали, что уложили: они думали так уберечь ее от внимания короля. Не тут-то было! Король Генрих ринулся через дворец с таким видом, будто готов вытащить бедняжку из-под одеяла. Служанки кое-как успели ее одеть. Король ворвался в комнату и при виде принцессы забыл латынь. Начал запинаться, как мальчишка. – Кардинал смеется. – А когда она впервые танцевала при дворе – наш бедный принц Артур был спокоен и улыбался, но его невесте не сиделось – никто не знал ее испанских танцев, поэтому принцесса встала в пару со своей фрейлиной. Никогда не забуду, как она повернула голову и прекрасные рыжие волосы рассыпались по плечам... Не было в зале мужчины, который не вообразил бы... хотя танец был очень степенный... О Боже. Ей было тогда шестнадцать.

Кардинал смотрит в пространство, и Томас спрашивает:

– Да простит вас Бог?

– Да простит Бог нас всех. Старый король постоянно исповедовался в грехе вожделе-ния. Принц Артур умер, а следом и королева. Старый король, овдовев, сам решил жениться на Екатерине. Но тут... – Кардинал пожимает плечами. – Как вы знаете, они не сговорились о приданом. Старый лис Фердинанд, ее отец⁷. Уж до чего был изворотлив! Нашему теперешнему величеству, когда он танцевал на свадьбе брата, было десять, и, думаю, уже тогда он положил глаз на невесту.

Некоторое время они сидят молча. История грустная, оба это знают. Король не отпускал принцессу домой, не желая выплачивать ей вдовью долю, и требовал от Испании оставшуюся часть приданого. Денег на содержание Екатерина почти не получала и жила в крайней нужде. С другой стороны, интересно, сколь мощные дипломатические связи юная принцесса сумела за это время завязать, как ловко научилась сталкивать лбами противников. Генрих женился на ней в восемнадцать: старый король не успел остыть в могиле, как новый потребовал Екатерину себе. Она была старше, годы отрезвили ее, красота немного

⁷ Фердинанд Арагонский (1452—1516) – король Арагона, супруг королевы Изабеллы Кастильской. – (Прим. О. Дмитриевой)

поблекла. Однако он видел не столько живую женщину, сколько былой образ, достояние старшего брата; ощущал дрожание девичьей руки в руке десятилетнего мальчика. Словно она вверялась ему, чувствовала уже тогда – как говорил король приближенным, – что ей суждено лишь называться женой Артура. Что тело ее предназначено младшему из братьев, тому, к которому она обращала взгляд прекрасных серо-голубых глаз, приветливую улыбку. Она всегда меня любила, уверял король. Семь лет нам не давали соединиться. Теперь я никого не боюсь. Рим дал разрешение. Все бумаги выправлены. Союзы заключены. Я женился на девственнице, поскольку мой бедный брат к ней не притронулся; я женился из соображений государственных, ради ее испанских связей, но, в первую очередь, я женился по любви.

А теперь все в прошлом. Или почти все. Половину жизни предстоит зачеркнуть, вычистить из летописи.

Кардинал вздыхает.

– И что же дальше? Король ждет, что все будет по его, а вот она... с нею непросто сладить.

Есть еще история про Екатерину, совсем другая. Король отправился воевать во Францию, оставил ее регентшей. Напали шотландцы; их разгромили, и на Флодденском поле Якову IV отрубили голову. И Екатерина, розово-белый ангел, предложила отправить голову шотландского короля Генриху – порадовать супруга на чужбине. Ее отговорили, сказали, что это не по-английски. Вместо головы Екатерина послала мужу письмо. И с ним – сюркот, который был на Якове в день сражения, черный и заскорузлый от крови.

Огонь почти погас; кардинал, погруженный в воспоминания, встает и сам ворошит угли. Стоит, задумчиво крутит перстни на руке, затем встряхивает головой и произносит:

– Поздно. Езжайте домой. И не позволяйте йоркширцам тревожить ваши сны.

Томасу Кромвелю сейчас чуть за сорок. Он крепкого сложения, но невысок. Лицо его может принимать самые разные выражения; в данный момент это сдержанная ирония. Волосы темные, густые и волнистые, глаза маленькие, очень зоркие. Во время разговора они загораются огнем, о чем очень скоро скажет нам испанский посол. Утверждают, будто он знает наизусть Новый Завет на латыни и всегда может подсказать кардиналу нужный текст, если аббаты собьются. Говорит тихо, но быстро, держится уверенно в любом месте, будь то пристань или парадная зала, кардинальский дворец или придорожный трактир. Может составить контракт, обучить сокола, начертить карту, остановить уличную драку, обставить дом и уболтать присяжных. Умеет к месту процитировать древнего автора, от Платона до Плавта и обратно. Знает современную поэзию, может декламировать ее на итальянском. В трудах дни напролет, первым поднимается с постели и последним ложится. Много зарабатывает и много тратит. Готов биться об заклад по любому поводу.

Он встает.

– Если вы договоритесь с Богом и солнце выйдет, король сможет поехать на охоту. Быть может, на вольном просторе его величество будет меньше думать о Книге Левит, и вам станет легче.

– Вы лишь отчасти понимаете короля. Наш государь любит теологию почти так же, как охоту.

Он в дверях. Вулси говорит:

– Кстати, при дворе болтают... Милорд Норфолк жалуется, будто я вызвал злого духа и поручил тому ходить за ним по пятам. Если кто-нибудь вам такое скажет... просто отрицайте.

Он стоит в дверях, медленно растягивая губы в улыбке. Кардинал тоже улыбается, словно говоря: я приберегу хорошее вино напоследок. Скажите, ведь я умею вас развеселить? Затем вновь склоняет голову над бумагами. Слуга Англии почти не нуждается в сне: какие-

нибудь четыре часа, и когда вестминстерские колокола возвестят начало очередного промозглого, беспросветного апрельского дня, кардинал проснется, свеж и бодр.

– Доброй ночи. Да благословит вас Бог, Том.

Снаружи ждут слуги с факелами. У него есть дом в Степни, но сегодня он едет в городской особняк. На локоть ложится рука: это Рейф Сэдлер, стройный молодой человек со светлыми глазами.

– Как там в Йоркшире?

Ветер мотает пламя факела из стороны в сторону, улыбка Рейфа то появляется, то исчезает во тьме.

– Кардинал не разрешает мне говорить про Йоркшир – боится, что нас будут мучить дурные сны.

Юноша хмурит лоб. С семи лет Рейф спокойно спит под крышей Кромвелева дома, сперва на Фенчерч-стрит, теперь в Остин-Фрайарз, и не знает, что такое ночные кошмары. У мальчика на удивление ясный ум. Что дурное может присниться в двадцать один год? Воры, бродячие псы, ямы на дороге...

– Герцог Норфолкский... – начинает он и тут же обрывает себя. – Ладно, не важно. Кто-нибудь заходил в мое отсутствие?

Мокрые улицы пусты, с реки наползает туман. Небо затянуто, звезд не видно. Над городом плывет сладковатый гнилостный запах вчерашних позабытых грехов. Норфолк стоит на коленях рядом с кроватью, зубы стучат от страха; кардинальское перо скребет, как мышь под матрасом. Покуда Рейф кратко излагает конторские новости, он мысленно составляет текст заявления. «Всем заинтересованным лицам. Милорд кардинал решительно отвергает всякие инсинуации касательно злого духа, якобы приставленного его милостью к герцогу Норфолкскому. Его милость отрицает эти обвинения в самых резких выражениях. Его кардинальская милость не отправлял к его герцогской милости ни безголового тельца, ни падшего ангела в обличье бешеного пса, ни ползучий саван, ни Лазаря, ни оживленный труп и не планирует на ближайшее время никаких подобных действий».

На пристани кто-то кричит. Лодочники поют. Вдалеке раздается тихий всплеск – возможно, кого-нибудь топят. «Делая сие заявление, милорд кардинал оставляет за собой право в дальнейшем изводить милорда Норфолка любыми фантазмами, каких пожелает в своей мудрости избрать; в любой день, без предварительного извещения, руководствуясь исключительно собственным лорда кардинала усмотрением».

От сырости болят старые раны, однако он входит к себе так, будто сейчас полдень: улыбаясь и воображая трясущегося Норфолка. Час ночи. Ему представляется, что тот еще на коленях, молится. А чернолицый бесенок колет трезубцем мозолистые пятки герцога.

III. В Остин-Фрайарз 1527

Лиззи еще не спит. Услышав, что слуги его впустили, она выходит, держа под мышкой комнатную собачку. Собачка скулит и вырывается.

– Забыл, где твой дом?

Он вздыхает.

– Как Йоркшир?

Он пожимает плечами.

– Кардинал?

Кивок.

– Ел?

– Да.

– Устал?

– Не очень.

– Вина?

– Да.

– Рейнского?

– Можно рейнского.

Панели недавно покрашены. Он входит в приглушенное золотисто-зеленое сияние.

– Грегори...

– Письмо?

– Что-то вроде того.

Она вручает ему письмо и собачку, достает вино. Садится рядом. Наливает себе тоже.

– Он нас приветствует. Путает единственное и множественное число. Плохая латынь.

– Ладно-ладно, – говорит она.

– Ну, слушай. Он надеется, что ты здорова. Надеется, что я здоров. Надеется, что его милые сестренки Энн и крошка Грейс здоровы. Он сам здоров. На сем, за недостатком времени, заканчиваю, ваш почтительный сын, Грегори Кромвель.

– Почтительный? – переспрашивает она. – И все?

– Так их учат.

Собачка Белла покусывает его за пальцы, ее круглые невинные глаза сверкают, как чужеземные луны. Лиз неплохо выглядит, хоть и утомилась после долгого дня; восковые свечи стоят у нее за спиной, высокие и прямые. На шее – нитка жемчуга и гранатов, его подарок на Новый год.

– На тебя приятнее смотреть, чем на кардинала.

– Самый скупой комплимент, какой когда-либо получала женщина.

– А я сочинял его всю дорогу из Йоркшира. – Он встряхивает головой. – А, ладно! – Поднимает Беллу на воздух; та упоенно брыкается. – Как идут дела?

Лиз немного плетет из шелка: шнурки для печатей на документы, головные сетки для придворных дам. У нее в доме две девушки-ученицы. Лиз отлично чувствует, что сейчас в моде, но, как всегда, жалуется на посредников: они немилосердно дерут деньги.

– Надо бы нам съездить в Геную, – говорит он. – Я научу тебя, как смотреть поставщикам в глаза.

– Хорошо бы. Да куда ты от кардинала!

– Сегодня он убеждал меня ближе познакомиться с приближенными королевы. С испанцами.

– Вот как?

– Я ответил, что плоховато говорю по-испански.

– Плоховато? – Она смеется. – Ну ты лгунишка!

– Ему не обязательно все про меня знать.

– Я была в гостях в Чипсайде. – Лиз называет имя старой приятельницы, жены ювелира. – Хочешь новость? Заказали большой изумруд и оправу для кольца. Для женского кольца. – Показывает размер изумруда: с ноготь на большом пальце. – Несколько недель дожидались камня. Его гранили в Антверпене. – Она резким движением растопыривает пальцы. – Он раскололся!

– Кто будет возмещать убытки?

– Гранильщик говорит, его обманули: подсунули камень с невидимым дефектом в основании. Ювелир говорит, если дефект был невидимый, откуда я мог про него знать? Гранильщик говорит, так требуйте убытки с того, от кого получили изумруд...

– Тяжба на много лет. Они не могут раздобыть другой камень?

– Ищут. Мы думаем, заказчик – король. Больше никому в Лондоне такой изумруд не по средствам. Так для кого кольцо? Не для королевы.

Белла развалилась у него на руках, жмурится, легонько виляет хвостиком. Интересно, как это будет, с кольцом. Кардинал мне скажет. Кардинал считает, очень умно не допускать короля до себя и выманивать подарки, но к лету король с ней переспит, к осени пресытится и отправит ее в отставку; а если не отправит, я сам за этим прослежу. Коли Вулси выпишет из Франции принцессу детородного возраста, не стоит, чтобы первые недели в Англии ей отравили свары с бывшей любовницей супруга. Королю, полагает Вулси, надо быть посуровей со своими женщинами.

Лиз ждет, но понимает, что он ничего не скажет.

– Так насчет Грегори, – говорит она. – Скоро лето. Там или здесь?

Тринадцатилетний Грегори сейчас в Кембридже, с наставником. Он отправил туда же племянников, сыновей Бет. Заботиться о родственниках – приятный долг. Летом у мальчиков каникулы. Что они будут делать в городе? Грегори пока совсем не интересуется чтением, хотя любит слушать истории про драконов, про зеленый народец, живущий в лесах; может одолеть целый латинский пассаж, если пообещаешь, что на следующей странице будет морской змей или призрак. Любит кататься верхом, обожает охоту. Мальчику еще расти и расти; мы надеемся, что он вырастет высоким. Дед короля по матери, как все старики вам скажут, был шесть футов четыре дюйма. (А вот отец, впрочем, ростом с Моргана Уильямса.) В короле шесть футов два дюйма – они с кардиналом почти одного роста. Король предпочитает высоких придворных – таких, как зять его величества Чарльз Брэндон, рослых и широкоплечих. В закоулках верзила редкость; и в Йоркшире, сдается, тоже.

Он улыбается. О Грегори он говорит: хорошо хоть, мальчик не такой, как я в его возрасте. (А каким были вы? – следует вопрос. О, я пырлял людей ножичком.) Грегори никого не пырнет ножом, поэтому он не переживает – или переживает меньше, чем думают окружающие, – из-за неспособности сына освоить склонения и спряжения. Когда ему докладывают, что Грегори не сделал того и этого, он отвечает: «Мальчик растет». Он понимает, что сыну надо много спать. Сам он никогда не выспался, потому что Уолтер буянил, а позже – в дороге, на корабле, в армии – и подавно было не до сна. Чего люди не понимают про армию, так это что бессмысленные занятия в ней съедают практически все время. Ты добываешь пропитание, ты встаешь лагерем в таком месте, куда прибывает вода, потому что так велел твой сумасшедший капитан, тебя заставляют ночью сниматься и переходить на позицию, которую невозможно оборонять, ты никогда толком не спишь, снаряжение вечно нуждается в починке, у пушкарей что-то взрывается, арбалетки либо пьяны, либо молятся, стрелы заказали, но не доставили, и тебя постоянно снедает тревога, что все кончится совсем плохо,

потому что у *il principe*⁸ или другого мелкого светлейшества, которое сегодня командует, голова не предназначена для мыслей. Довольно скоро – зимы через две – он перебрался из боевых частей в интендантскую службу. В Италии всегда можно воевать летом. Если тебе охота развеяться.

– Спишь? – спрашивает Лиз.

– Нет. Задумался.

– Привезли кастильское мыло. И твою книгу из Германии. Она была упакована, как что-то другое. Я чуть не отослала мальчишку прочь.

В Йоркшире, среди невымытых, потеющих от злости людей в овчинах, он мечтал о кастильском мыле.

* * *

Позже Лиз спрашивает:

– Так кто она?

От удивления он убирает руку с ее левой груди – такой знакомой и все равно любимой.

– Что?

Неужто Лиз вообразила, будто он завел в Йоркшире женщину? Он ложится на спину и думает, как разубедить жену. В крайнем случае взять ее в следующий раз с собой – пусть увидит, что там у него никого нет.

– Дама с изумрудом? – продолжает Лиз. – Я потому спрашиваю, что люди болтают, будто король задумал нечто странное. Я не верю, но весь город о том судачит.

Вот как? За две недели, что он был в Йоркшире среди дикарей, слухи просочились за пределы дворца.

– Если король на такое пойдет, – объявляет она, – против него полмира ополчится.

Они с Вулси думают лишь об одном: против короля ополчится император. Только император. Он улыбается в темноте, сцепив руки за головой. Не спрашивает, кого Лиз имеет в виду, ждет, пока она расскажет сама.

– Все женщины, – говорит Лиз. – Все женщины по всей Англии. Все женщины, у которых есть дочь, но нет сына. Все женщины, потерявшие ребенка. Все женщины, отчаявшиеся родить. И все женщины, которым сорок.

Она кладет голову ему на плечо. Оба устали, лежат молча на тонкой льняной простыне, под стеганым одеялом желтого турецкого атласа. Их тела издают слабый аромат нагретых солнцем трав. Он вспоминает: я могу браниться по-кастильски.

– Теперь спишь?

– Нет. Думаю.

– Томас, – шипит она возмущенно. – Уже пробило три!

Бьет шесть. Ему снится, что все женщины Англии в постели, выпихивают его из-под одеяла. Поэтому он встает почитать немецкую книгу, пока Лиз не видит.

Не то чтобы Лиз ругалась; разве что, уж если очень на нее насесть, скажет: «Мне и моего молитвенника достаточно». Она и впрямь нередко читает молитвенник: рассеянно берет в руки среди дня, лишь наполовину отрываясь от хлопот, перебивая тихое бормотание распоряжениями по дому. Это свадебный подарок, часослов, и Лиз вписала на первую страницу свое новое имя: «Элизабет Уильямс». Иногда, в приступе ревности, ему хочется вычеркнуть «Уильямс» и вписать нечто другое. Он знал первого мужа Лиз, но это не означает, что он испытывал к нему симпатию. Он не раз говорил: Лиз, вот книга Тиндейла, Новый завет, в сундуке, почитай ее, вот ключ. Она: ну и читай вслух, раз тебе так нравится. Он:

⁸ Князь (ит.).

Лиззи, это на английском, читай сама, в том-то весь смысл. Прочти и удивишься, что ты там найдешь.

Он думал, Лиз станет интересно, однако ничего подобного. Он не может вообразить, каково читать домашним вслух, как это делает Томас Мор – несостоявшийся священник, одержимый проповедническим зудом. Мор – светило из иной сферы – при встречах удостаивает его лишь кивком, и каждый раз он чувствует искушение спросить: с вами что-то не так? Или что не так со мной? Почему все, что вам известно, и все, что вы узнаете, подкрепляет ваши прежние убеждения? Вот в моем случае то, с чем я рос, во что вроде бы верил, мало-помалу рушится – то тут, то там. С каждым месяцем мои представления об этом мире делаются все хлипче; и о мире ином – тоже. Покажите мне, где в Библии написано: «чисти-лище». Покажите, где там говорится о мощах и монахах. Покажите в ней слово «папа».

Он возвращается к немецкой книге. Король с помощью Томаса Мора написал трактат против Лютера, за что папа даровал его величеству титул Защитника веры. Не то чтобы он любил брата Мартина; они с кардиналом согласны, что лучше бы Лютеру вовсе не рождаться на свет или уж по крайней мере не быть таким прямолинейным. И все же он следит за тем, что пишут, что доставляют в крупные порты на Ла-Манше или укромные бухточки восточной Англии, где суденышко с неуказанным грузом можно вытащить на берег, а при луне, с приливом, столкнуть обратно на воду. Он держит кардинала в курсе, чтобы, когда Томас Мор с друзьями-клириками ворвется, изрыгая хулы на новую ересь, тот мог ответить: «Джентльмены, меня уже известили». Вулси жжет книги, не людей. Совсем недавно – в прошлом октябре – кардинал устроил аутодафе английскому языку. Столько сгорело бумаги, изготовленной из старого тряпья, столько черной типографской краски.

Евангелие, которое он держит в сундуке, отпечатано в Антверпене – оно доступнее, чем настоящее немецкое издание. Он знаком с Уильямом Тиндейлом – пока переводчику Библии на английский не стало опасно оставаться в Лондоне, тот полгода жил у Хемфри Монмаута, торговца тканями, в Сити. Тиндейл суров, непреклонен и никогда не смеется. С другой стороны, до смеху ли, когда ты вынужден бежать из родной страны? Мор называет Тиндейла Зверем. Тиндейловское Евангелие отпечатано на паршивой бумаге, в одну восьмую листа; на титуле вместо издательских адреса и эмблемы значится: «Выпущено в Утопии». Он надеется, что Томас Мор это видел. Вот бы показать при случае – чтобы посмотреть, какое у Мора станет лицо.

Он закрывает книгу. Пора браться за дела. У него не будет времени самому перевести это на латынь, чтобы потихоньку пустить в обращение; придется кого-нибудь просить, за деньги или по дружбе. Удивительно, как крепка нынче дружба между теми, кто читает по-немецки.

К семи он уже побрился, позавтракал и облачился в свежее, не заемное белье и темный джеркин тонкой шерсти. В это время суток он часто вспоминал отца Лиз: старик вставал рано и всегда готов был положить ему на голову руку и сказать: «Порадуйся за меня жизни, Томас».

Он любил старого Уайкиса. Поначалу их свело дело. Сколько ему было тогда?... двадцать шесть? двадцать семь? Он недавно вернулся из-за границы, временами заговаривал на одном языке, а заканчивал фразу на другом. Уайкис, тоже уроженец Патни, расчетливый делец, сколотил небольшое состояние на торговле шерстью, но взял его к себе не как земляка, а потому что он пришел с рекомендациями и предложил услуги задешево. При первой встрече Уайкис, отложив бумаги, любопытствовал:

– Ты ведь сын Уолтера, да? Так что случилось? Поскольку, видит Бог, мальчишкой ты был разбойник, каких поискать.

Он мог бы объяснить, если бы знал, какое объяснение будет Уайкису понятно. Я больше не дерусь, потому что, живя во Флоренции, каждый день смотрел на фрески?

Он сказал:

– Я нашел более легкий способ существования.

Позже Уайкис начал сдавать, дело пришло в упадок. Они по-прежнему поставляли на север Германии тонкое черное сукно, он же считал, что при нынешней длиннорунной шерсти, непригодной для хорошего бродкло, лучше переключиться на более тонкое керси, которое можно везти через Антверпен в Италию. Выслушав – как всегда, очень внимательно – жалобы старика, он сказал:

– Рынок меняется. Позвольте мне в следующем году отвезти вас на ярмарку.

Уайкис знал, что давно пора съездить в Антверпен и Берген-на-Зоме, но очень не хотел переправляться через пролив.

– Не тревожьтесь, я о нем позабочусь, – сказал он мистрис Уайкис. – Я знаю семью, в которой мы можем остановиться.

– Ладно, Томас Кромвель, – ответила та. – Запомни мои слова. Никаких крепких голландских напитков. Никаких женщин. Никаких запрещенных проповедников в подвалах. Знаю я вас, мужчин.

– Не знаю, смогу ли удержаться от подвалов.

– Сговорились. Можешь сводить его на проповедь, главное, не води в бордель.

Мерси, как он подозревает, из семьи, где хранили и знали сочинения Джона Уиклифа и где Писание на английском было всегда: запрятанные листочки, затверженные на память стихи. Такие вещи передаются по наследству, как форма носа и цвет глаз, как кротость и страстность, как сила и готовность пойти на риск. Если уж рисковать, лучше проповедник, чем девка; остерегайтесь «мсье костолома», которого во Флоренции зовут «неополитанской лихорадкой», а в Неаполе – «флорентийской хворью». Здравый смысл подталкивает к воздержанию. В нашей жизни много ограничений, о которых не ведали наши предки.

На корабле он слышал обычные жалобы попутчиков: мерзавцы-лоцманы, фарватер не отмечен, английская монополия. Ганзейские торговцы предпочли бы, чтоб к Грейвзенду их суда вели собственные люди: немцы – шайка воришек, но провести корабль вверх по течению они умеют. Старик Уайкис страдал от морской болезни. Сам он оставался на палубе, помогал чем мог; вы, кажется, были когда-то юнгой, сударь, заметил один из матросов. В Антверпене они сразу отыскивали вывеску. Слуга, открывший дверь, завопил: «Томас вернулся!» Вышли три старика, три брата-суконщика. «Томас, наш бедный найденыш, наш маленький избитый беглец! Заходите, заходите поскорее, согревайтесь!»

Только здесь он по-прежнему был беглецом, маленьким избитым мальчишкой.

Жены, дочери, собаки бросились его целовать. Он оставил старого Уайкиса у очага – удивительно, насколько понятен язык стариков, когда те обмениваются рецептами примочек, сочувствуют бедам друг друга, обсуждают блажь и капризы жен. Младший брат, как всегда, переводил, с тем же серьезным видом, даже когда речь касалась физиологии.

Он ушел пить с тремя сыновьями трех братьев.

– *Wat will je?*⁹ – поддразнивали они. – Надеешься заполучить старикову лавку? Или старуху, как хозяин помрет?

– Нет, – неожиданно сам для себя ответил он. – Кажется, я хочу заполучить его дочку.

– Она молоденькая?

– Вдова. Довольно молоденькая.

К возвращению он уже знал, что следует менять в лавке. Оставалось продумать частности.

– Я видел ваш товар, – сказал он Уайкису. – Видел конторские книги. Теперь покажите мне своих приказчиков.

⁹ Чего ты хочешь? (голл.)

Разумеется, люди – ключ к прибыли. Достаточно посмотреть им в глаза, чтобы понять, честны ли они и годятся ли для своего места. Он выгнал ненадежного старшего приказчика – сказал: проваливай, или я устрою тебе разбирательство – и поставил на это место младшего, заикающегося юнца, которого все считали придурковатым. Придурковатость оказалась просто робостью; вечер за вечером он сидел с юношей, молча и спокойно указывая тому на ошибки и упущения; через четыре недели новый старший приказчик уже не нуждался ни в советах, ни в понуканиях, а на своего наставника смотрел восторженными щенячьими глазами. Четыре недели в лавке и еще несколько дней в доках – выяснить, кто берет взятки. К концу года Уайкис снова стал получать прибыль.

Старик посмотрел цифры, поднялся из-за стола и крикнул:

– Лиззи! Спустиись к нам.

Она спустилась.

– Тебе нужен новый муж. Такой сгодится?

Она оглядела его с головы до пят.

– Ну, отец, вижу, ты выбирал не за красоту. – Ему, подняв бровь: – Тебе правда нужна жена?

– Оставить вас, чтобы вы обсудили это между собой? – спросил Уайкис озадаченно. Старик, видимо, думал, что они сядут и сразу заключат договор.

Почти так и вышло. Лиз хотела детей, он хотел жену со связями в Сити и с кой-какими деньгами. Они поженились через несколько недель. Грегори родился через год. Он взял новорожденного из колыбели – крепенького, орущего, – поцеловал в пушистую маковку и сказал, я буду к тебе ласков, как не был ко мне отец. Для чего заводить детей, если следующее поколение не будет лучше предыдущего?

* * *

Сегодня утром, размышляя над сказанным ночью Лиз, он думает: что моей жене до женщин, у которых нет сыновей? Может, они все такие: пытаются вообразить, каково живется их сестре.

Это стоит учитывать.

Восемь часов. Лиз уже хлопочет по дому. Волосы убраны под льняной чепец, рукава закатаны.

– Ой, Лиз, – смеется он, – ты похожа на жену пекаря.

– Веди себя приличней, – отвечает она. – Мальчишка-рассыльный.

Входит Рейф.

– Сперва к милорду кардиналу?

Куда же еще, говорит он. Собирает бумаги. Похлопывает жену по спине, целует собачку. Выходит. На улице еще моросит, но солнце уже проглядывает. К тому времени, как они добираются до Йоркского дворца, сомнений не остается: кардинал сдержал слово. Реку заливают свет, бледный, как разрезанный лимон.

Часть вторая

I. Гости 1529

Собирают имущество кардинала. Комнату за комнатой люди короля вычищают из Йоркского дворца прежнего обитателя. Увязывают в тюки пергаменты и свитки, требники и личные записи, домашние расходные книги. Забрали даже чернила и перья. Отдирают от стен доски с кардинальским гербом.

Они приехали в воскресенье, двое мстительных вельмож: герцог Норфолк, остроглазый ястреб, и не менее хищный герцог Суффолк. Герцоги сообщили Вулси, что тот отставлен с поста лорд-канцлера и должен вернуть Большую государственную печать. Он, Кромвель, тронул кардинала за локоть, произнес несколько слов. Кардинал обернулся к герцогам: тут обнаружилось, что нужно письменное требование короля, оно у вас есть? Ой, как же вы так? Нужно изрядное самообладание, чтобы говорить спокойно, но самообладания Вулси не занимать.

– Вы хотите, чтобы мы скакали назад в Виндзор? – Чарльз Брэндон не верит своим ушам. – За бумажкой?

В этом весь Суффолк: ему кажется, будто официальный документ – ненужная прихоть.

Он снова шепчет на ухо кардиналу, и тот говорит:

– Нет, Томас, лучше скажем им сразу... незачем длить агонию... Милорды, мой стряпчий напомнил, что я не могу отдать вам печать даже по письменному распоряжению. Только лично в руки начальнику судебных архивов. Так что прихватите и его.

Он произносит веско:

– Радуйтесь, что мы вам сказали, милорды. Не то у вас вышло бы три поездки, не так ли?

Норфолк – прирожденный боец – ухмыляется.

– Премного обязан, сударь.

Когда герцоги выходят, Вулси оборачивается с блаженной улыбкой и заключает его в объятия. Да, это их последняя победа, но двадцать четыре часа – срок немалый, а королевские настроения переменчивы. К тому же кардиналу нравится вспоминать обескураженные лица противников.

– Начальник судебных архивов, – говорит Вулси. – Вы знали или сами придумали?

* * *

В понедельник утром герцоги возвращаются с приказом немедленно освободить дворец. Король хочет прислать своих строителей и мебельщиков, чтобы приготовить жилище для леди Анны – ей нужен лондонский дом.

Он готов заявить протест: я чего-то не понимаю. Дворец принадлежит Йоркской епархии. Когда леди Анна стала архиепископом?

Однако поток людей с пристани оттесняет их прочь. Герцоги куда-то подевались, протест заявлять некому. Какое ужасное зрелище, говорит кто-то, мастеру Кромвелю не дали сразиться. Кардинал готов ехать, но куда? Поверх багряной мантии накинут чужой дорожный плащ: гардероб изымают прямо сейчас, пришлось схватить, что подвернулось под руку. Осень, и даже такому дородному человеку холодно.

Королевские слуги переворачивают сундуки, высыпают содержимое на пол: письма от Папы, от европейских ученых – из Утрехта, Парижа, Сан-Диего-де-Компостела, Эрфурта, Страсбурга, Рима. Упаковывают Евангелия, чтобы забрать в королевскую библиотеку. Книги тяжелые: их боязно держать в руках, словно они дышат: пергамент, сделанный из кожи мертворожденных телят, под рукой миниатюриста ожил голубыми и зелеными прожилками.

Сорвали шпалеры, оставив голые стены. Скатали шерстяных монархов, Соломона и царицу Савскую, в рулон, и теперь те смотрят друг на друга в упор, их крохотные легкие дышат ворсом бедер и животов. На пол летят охотничьи сцены, картины мирских удовольствий: купающиеся крестьяне, загнанные олени, лающие собаки, спаниели на шелковых сворках, мастифы в ошейниках с шипами, охотники в поясах с бляхами, наездницы в изящных шапочках, заросший камышом пруд, овцы на пастбище, синеватые перистые верхушки деревьев на фоне меловых обрывов и белесого неба.

Кардинал смотрит на хлопочущих разорителей.

– Найдется ли нам чем угостить наших гостей?

В двух больших комнатах, прилегающих к галерее, поставили длинные козлы, каждые – двадцать футов в длину, и тащат еще. В Золоченой палате разбирают кардинальское золото и драгоценные камни, расшифровывают описи и выкрикивают вес. В Зале совета складывают серебро и позолоченную посуду. В списки внесено все, до последнего треснувшего горшка; то, что вряд ли приглянется королю, бросают в составленные под столами корзины. Сэр Уильям Гаскойн, кардинальский казначей, деловито снует из комнаты в комнату, указывает уполномоченным на шкафы и сундуки – не упустили бы чего.

Следом трусит Джордж Кавендиш, распорядитель кардинальского двора, растерянный и возмущенный. Слуги тащат облачения. Сплошь расшитые, усыпанные жемчугом и драгоценными камнями, мантии сами по себе немало стоят. Налетчики валят их на пол, будто сбивают с ног Томаса Бекета¹⁰. Поставив каждую на колени и сломав ей хребет, они бросают ее в дорожный сундук. Кавендиш морщится:

– Бога ради, джентльмены, подложите в сундуки двойной слой батиста. Не хотите же вы испортить тонкую работу, на которую у монахинь ушла целая жизнь? – Оборачивается. – Мастер Кромвель, как вы думаете, они успеют закончить дотемна?

– Только если мы им поможем. Раз уж до того дошло, можно хотя бы проследить, чтобы все сделали как следует.

Постыдное зрелище: человек, который правил Англией, лишен всего. Королевские слуги выносят рулоны тонкого голландского полотна, бархата и плюша, муара и тафты, красных тканей без меры и счета: алый шелк для летней лондонской жары, багряный дамаст, чтобы согреть кардинала, когда снег сыплет на Вестминстер и мокрыми хлопьями кружит над Темзой. На людях кардинал в красном, всегда в красном разных оттенков, разной плотности и выделки, но непременно в самом лучшем, в самом дорогом. Нередко его милость, прохаживаясь в раздумье, останавливался и говорил:

– Ну, мастер Кромвель, оцените-ка меня по ярду!

И Кромвель медленно обходил кардинала, со словами: «Позвольте», – щупал рукав, отступал на шаг, прикидывал обхват – год от года Вулси раздавался в теле – и в конце концов называл сумму. Кардинал довольно хлопал в ладоши.

– Пусть завистники смотрят! Вперед, вперед, вперед!

Выстраивалась процессия: серебряные геральдические кресты, стража с золочеными алебардами. Кардинал никуда не выходил без свиты.

¹⁰ Образ архиепископа Кентерберийского Томаса Бекета, убитого по наущению короля Генриха II и причисленного к лику святых, в эпоху Реформации воспринимался как символ сопротивления духовенства воле монарха. Не случайно, став официальным главой церкви Англии, Генрих VIII отдал приказ разрушить гробницу Томаса Бекета. – (Прим. О. Дмитриевой)

Так день за днем, по просьбе и для забавы кардинала, он оценивал своего хозяина. Теперь король прислал для того же армию писарей. Однако ему хочется силой вырвать у них перья и начертать поперек описей: «Томас Вулси бесценен».

– Что ж, Томас, – говорит кардинал, хлопая его по плечу. – Все, что у меня есть, я получил от короля. Его величеству угодно было дать мне Йоркский дворец, теперь угодно забрать. Наверняка у нас есть другие дома, другие места, где приклонить голову. Здесь не Патни. И я запрещаю вам кого-нибудь бить.

Вулси с улыбкой прижимает ему руки к бокам, мол, не смейте их распускать. Пальцы у кардинала дрожат.

Подходит казначей Гаскойн.

– Я слышал, ваша милость отправится прямиком в Тауэр.

– Вот как? – спрашивает Кромвель. – И кто же вам сказал?

– Сэр Уильям Гаскойн, – с растяжкой произносит кардинал, – за что, по-вашему, король должен отправить меня в Тауэр?

– Очень в вашем духе, – обращается Кромвель к Гаскойну, – повторять досужие сплетни. Так-то вы поддерживаете его милость? Никто не отправляется в Тауэр. Мы едем... – все, затаив дыхание, ждут, пока он придумывает на ходу, – в Ишер. А ваше дело, – он, не сдержавшись, легонько толкает Гаскойна в грудь, – приглядывать за чужаками и следить, чтобы все взятое отсюда попало по назначению, потому что иначе вы сами попроситесь в Тауэр – спрятаться от меня!

Какие-то звуки, по большей части из дальнего конца комнаты, – что-то вроде приглушенного «браво». Трудно побороть впечатление, что разыгрывается спектакль под названием «Кардинал и его служители». Трагедия.

Кавендиш, потный, взволнованный, тянет его за рукав.

– Но, мастер Кромвель, дом в Ишере пуст, у нас нет ни котла, ни ножа, ни вертела, где милорд кардинал будет спать, перины наверняка не просушены, нет белья, нет дров, нет... и как мы туда доберемся?

– Сэр Уильям, – обращается кардинал к Гаскойну, – не обижайтесь на мастера Кромвеля, который сейчас высказался чересчур резко, но примите его слова. Поскольку все, что у меня есть, даровано королем, все следует вернуть в целости и сохранности.

Губы у кардинала дрожат. Вчера, поддразнивая герцогов, его милость улыбнулся впервые за последний месяц.

– Томас, – произносит Вулси, – я годами отучал вас так разговаривать.

Кавендиш говорит Кромвелю:

– Барку милорда кардинала еще не забрали. И лошадей.

– Вот как? – Он кладет руку Кавендишу на плечо. – Значит, отправляемся вверх по реке, сколько нас поместится на барке. Лошади пусть ждут в... в Патни, а потом мы... что-нибудь одолжим. Ну же, Джордж Кавендиш, проявите изобретательность, в прошлые годы мы с вами совершали дела посложнее, чем переезд в Ишер.

Правда ли это? Он никогда особенно не замечал Джорджа Кавендиша, чувствительного малого, много говорящего про салфетки. Однако он пытается вдохнуть в Кавендиша боевой дух, и лучший способ – сделать вид, будто за их плечами общие успешные кампании.

– Да-да, – подхватывает Кавендиш, – мы снарядим барку.

Хорошо, кивает он, а кардинал спрашивает: Патни? и он натужно смеется. Кардинал говорит, ну, Томас, вы все-таки поставили на место Гаскойна, чем-то этот человек мне всегда не нравился, и он говорит, зачем же вы его тут держали? Кардинал отвечает со вздохом, ну, так получилось, и во второй раз переспрашивает: так значит, в Патни?

Кромвель говорит:

– Что бы ни ждало нас в конце пути, не будем забывать, что для встречи двух королей ваша милость воздвигли парчовый город посреди мокрых пикардийских полей¹¹. С той поры ваша милость только возрастала в мудрости и уважении короля.

Это говорится громко, для всех, про себя же он думает: тогда речь шла о заключении мира, сейчас же мы не знаем, что у нас, первый день долгой или короткой кампании, лучше возвести земляные валы и надеяться, что враг не перережет пути для провианта.

– Думаю, мы сумеем раздобыть кочерги, суповые миски и что там еще, на взгляд Джорджа Кавендиша, нам совершенно необходимо. Я не забыл, как ваша милость снаряжали королевские войска, отправлявшиеся во Францию.

– Да, – говорит кардинал, – мы все помним ваше мнение о той кампании, Томас.

Кавендиш спрашивает: «Что-что?» – и кардинал объясняет:

– Джордж, разве вам не вспоминается, что мой слуга Кромвель сказал в палате общин пять лет назад, когда мы просили денег на новую войну?

– Но он же выступил против вашей милости!

Гаскойн, который внимательно ловит каждое слово, вставляет:

– Не очень-то вы хорошо себя зарекомендовали, сударь, перечая королю и милорду кардиналу; я отлично помню вашу речь и заверяю, как заверят вас еще многие, что вы не снискали себе расположения, Кромвель.

Он пожимает плечами.

– Я не искал расположения. Не все такие, как вы, Гаскойн. Я хотел, чтобы палата общин извлекла урок из прошлой кампании. Одумалась.

– Вы сказали, мы проиграем.

– Я сказал, мы разоримся. Но уверяю вас, наши войны заканчивались бы еще хуже, если бы снабжением войск занимался не милорд кардинал.

– В тысяча пятьсот двадцать третьем году... – начинает Гаскойн.

– Надо ли сейчас разыгрывать те сражения по новой? – спрашивает кардинал.

– ...герцог Суффолк был всего в пятидесяти милях от Парижа.

– Да, – говорит Кромвель, – а вы знаете, что такое пятьдесят миль для полуголодного пехотинца, который засыпает на мокрой земле и просыпается окоченевшим? Для обоза, когда телеги по оси увязают в грязи? А что до побед тысяча пятьсот тринадцатого... оборони нас Господь.

– Турне! Теруан!¹² – восклицает Гаскойн. – Вы что, слепы? Два французских города взято. Король проявил на поле боя чудеса храбрости!

Будь мы на поле боя, думает он, я бы плюнул тебе под ноги.

– Если вы так любите короля, почему бы вам не поступить к нему на службу? Или вы и так уже на жаловании у его величества?

Кардинал тихонько откашливается.

– Мы все служим королю, – говорит Кавендиш.

А кардинал добавляет:

– Томас, мы все – творения его рук.

¹¹ Имеется в виду личная встреча Генриха VIII и короля Франции Франциска I в июне 1520 г. близ Кале, сопровождавшаяся многодневными пышными празднествами и рыцарскими турнирами. Оба короля стремились превзойти друг друга в роскоши, возводя временные дворцы и не скупясь на богатое убранство. Походные шатры государей и знати были изготовлены из золотой парчи, отсюда и название этого события – встреча на «Поле золотой парчи». – (Прим. О. Дмитриевой)

¹² Турне и Теруан – французские крепости, захваченные англичанами в ходе военной кампании против Франции в 1513 г. Эти победы были предметом национальной гордости англичан, в особенности короля Генриха, хотя Томас Кромвель отзывался о них скептически, сравнив обе крепости с собачьей конурой. – (Прим. О. Дмитриевой)

* * *

Они садятся в барку. Над нею реют флаги: роза Тюдоров, две черные корнуольские галки – символ святого покровителя Вулси, Томаса Бекета. Кавендиш, хлопая глазами, восклицает: «Гляньте, сколько лодок на реке! Так и снуют!» В первый миг Вулси думает, что лондонцы вышли попрощаться. Но когда он всходит на барку, с лодок несутся гогот и улюлюканье. На пристани собрались люди, и хотя кардинальская стража их сдерживает, нет сомнений, что намерения у толпы самые враждебные. Когда барка начинает двигаться вверх по реке, а не вниз, к Тауэру, слышны вопли и угрозы.

И вот тут-то кардинал теряет власть над собой: падает на скамью и говорит, говорит, говорит до самого Патни.

– За что меня так ненавидят? Что они от меня видели, кроме добра? Сеял ли я вражду? Нет. Доставал зерно в неурожайные годы. Когда взбунтовались подмастерья, на коленях в слезах молил его величество помиловать зачинщиков, уже стоявших с веревками на шее.

– Толпа, – произносит Кавендиш, – всегда жаждет перемен. Видя, как великий человек вознесся, она хочет его низвергнуть, просто ради новизны.

– Пятнадцать лет канцлером. Двадцать – на службе у короля, а перед тем – у его отца. Не щадил себя – вставал рано, трудился допоздна...

– Вот что значит служить властителям, – замечает Кавендиш. – Следует помнить, что их любовь недолговечна...

– Властитель не обязан быть постоянным, – произносит он, а про себя думает: я ведь могу не утерпеть и выбросить тебя за борт.

Кардинал перенесся на двадцать лет назад, в прошлое, когда молодой король только вступил на престол.

– Заставьте его трудиться, говорили некоторые, но я отвечал, нет, он молод, пусть сражается на турнирах, охотится, выпускает соколов и ястребов...

– Играет на музыкальных инструментах, – подхватывает Кавендиш. – Его величество все время перебирает струны лютни или мандолины. Поет...

– У вас он просто Нерон какой-то.

– Нерон? – Кавендиш вздрагивает. – Я такого не говорил!

– Добрейший, мудрейший государь в христианском мире. Я не слышал, чтобы кто-нибудь сказал о нем хоть одно худое слово...

– И не услышите, – замечает он.

– Чего я только не делал! Пересекал Ла-Манш, как другой переступает через ручеек мочи на улице! – Кардинал качает головой. – Днем и ночью, в седле и за четками... двадцать лет...

– Это как-то связано с английским характером? – пылко спрашивает Кавендиш, все еще вспоминая разъяренную толпу на пристани; даже и сейчас люди еще бегут вдоль берега, свистя и делая непристойные жесты. – Скажите, мастер Кромвель, вы бывали за границей: англичане что, особенно неблагодарная нация? Мне кажется, им нравятся перемены ради перемен.

– Не думаю, что дело в англичанах. Скорее просто в людях. Они всегда надеются, что новое будет лучше.

– Но что они выиграют? – настаивает Кавендиш. – Сытого пса сменит голодный, кусающий ближе к кости. Место человека, разжиревшего от славы, займет тощий и алчный.

Он закрывает глаза. В серой воде смутно отражаются три силуэта – аллегория Фортуны. В центре – Низверженное величие. Справа Кавендиш, олицетворение Добродетельного советчика, бормочет ненужные, запоздалые слова, которые опальный вельможа слу-

шает, склонив голову; он сам в роли Искусителя слева, и кардинальская рука, униженная перстнями с гранатами и турмалинами, до боли сжимает его руку. Джордж давно отправился бы за борт, не будь сказанное, при всей своей банальности, по сути верно. А почему? Из-за Стивена Гардинера. Негоже называть кардинала разжиревшим псом, но Стивен определенно алчен и тощ. Недавно король назначил мастера Стивена своим личным секретарем. Не так уж мало людей, вышколенных кардиналом, служит теперь при дворе, но Гардинер, если сумел правильно себя поставить, ближе к его величеству, чем кто-либо другой, за исключением человека, стоящего подле монаршего стульчака с подтиркой в руках. А было бы неплохо, если б и эту обязанность поручили мастеру Стивену.

Кардинал закрывает глаза. Из-под век проступают слезы.

– Воистину, – вещает Кавендиш, – Фортуна непостоянна, прихотлива и переменчива.

Он быстро – пока кардинал не видит – сдвигает пальцами себе горло. Кавендиш, правильно поняв его жест, умолкает. Они растерянно переглядываются. Один слишком много наговорил, другой слишком много передумал. Есть ли золотая середина? Он скользит взглядом по берегам Темзы. Кардинал по-прежнему плачет, сжимая его руку.

Берег уже не внушает опасений. Не потому, что в Патни англичане менее переменчивы. Просто там еще не знают.

* * *

Лошади ждут. Кардинал как служитель Божий всегда ездит на рослом и сильном муле; впрочем, поскольку его милость все двадцать лет охотился вместе с королем, конюшням Вулси позавидует любой дворянин. Мул, как всегда, под красной попоной, прядает длинными ушами. Рядом кардинальский шут Секстон.

– А дурак-то здесь зачем, ради всего святого? – спрашивает он Кавендиша.

Шут подходит и что-то шепчет кардиналу на ухо; тот смеется.

– Отлично, Заплата. А теперь, будь другом, помоги мне сесть в седло.

Но Заплата – мастер Секстон – не справляется. Кардинал обессилел и как будто стал еще тяжелее. Он, Кромвель, прыгивает с седла, кивает слугам кардинала.

– Мастер Заплата, поддержи Кристофера.

Заплата делает вид, будто не помнит, что Кристофером зовут мула, и хватается ближайшего слугу.

Он говорит: Христа ради, Заплата, не путайся под ногами, или я посажу тебя в мешок и брошу в реку.

Слуга, которому шут чуть не оторвал голову, трет шею, говорит, спасибо, мастер Кромвель, и берет мула под уздцы. Он, Кромвель, вместе с двумя слугами взваливает кардинала в седло. Тот смотрит пристыженно.

– Спасибо, Том. – Смеется жалобно, тоненько. – Ну вот и тебе перепало, Заплата.

Они готовы ехать. Кавендиш поднимает голову.

– Святые угодники! – По дороге галопом приближается одинокий всадник. – Его милость хотят арестовать!

– Один человек?

– Остальные сзади, – говорит Кавендиш. Он отвечает: Патни, конечно, беспокойное место, но не настолько, чтобы высылать дозорных. Тут кто-то кричит: «Это Гарри Норрис!» Всадник торопливо спешивается. Это и впрямь Норрис, один из ближайших друзей короля, смотритель при стульчаке – тот самый человек, который подает его величеству подтирку.

Вулси сразу понимает, что король не отправил бы Норриса взять его под стражу.

– Отдышитесь, сэр Генри. Из-за чего такая спешка?

Норрис говорит, простите, милорд кардинал, срывает шляпу, кланяется, чуть не задев перьями грязь, утирает лоб рукавом, улыбается в высшей степени любезно. Король поручил мне скакать за вашей милостью, догнать вас, сказать вам слова утешения и вручить перстень, который вы сразу узнаете. Протягивает перстень на ладони.

Кардинал слезает с седла и падает на колени. Берет перстень, прижимает к губам. Молится. Молится, благодарит Норриса, призывает благословение Божие на своего монарха. «У меня нет ничего ценного, чтобы послать королю». Озирается, словно ищет глазами подходящий дар – дерево? Норрис пытается поднять кардинала и в конце концов встает рядом на колени – такой пригожий, опрятный молодой человек, – на колени в дорожную грязь. У Норриса выходит, что король лишь притворился разгневанным, а на самом деле ничуть не гневается; его величеству известно, что у кардинала есть враги, к которым он сам, *Henricus Rex*¹³, отнюдь не принадлежит, и мнимая опала должна успокоить этих врагов; все отнятое у кардинала будет возмещено в двойном размере.

Кардинал плачет. Начинается дождь, ветер бросает дождевые струи в лицо. Кардинал что-то быстро, тихо говорит, потом срывает с себя золотую цепь, хочет надеть ее на сэра Генри, но запутывается в пряжках дорожного плаща. Слуги подбегают и безуспешно пытаются ему помочь. Норрис встает и начинает отряхивать колени левой рукой в перчатке, правой прижимая к себе цепь.

– Носите ее, – просит кардинал, – может, как-нибудь глянете на нее и замолвите за меня словечко перед королем.

Кавендиш подъезжает вплотную.

– Реликварий его милости! – Джордж расстроен, изумлен. – Расстаться с таким сокровищем! Там частица истинного креста!

– Мы добудем ему еще. Я знаю человека в Пизе, который продает их по пять флоринов десяток – дюжину, если платишь сразу. С сертификатом, заверенным отпечатком пальца апостола Петра.

– Стыдитесь! – Кавендиш, резко дернув уздечку, поворачивает коня в сторону.

Норрис передал все, что было поручено, и кардинала вновь усаживают в седло. На сей раз четверо дюжих слуг берутся за дело, будто занимались этим спокон веков. Драма превратилась в комическую интерлюдия самого низкого пошиба. Он думает: вот для чего здесь нужен Заплата. Подъезжает к Норрису, спрашивает, глядя сверху вниз:

– Мы можем получить все это в письменном виде?

Норрис отвечает с улыбкой:

– Вряд ли, мастер Кромвель. Это конфиденциальное сообщение для милорда кардинала. Слова моего господина предназначены только его милости.

– А как насчет обещанного возмещения?

Норрис смеется – как всегда, когда хочет обезоружить противника, – и говорит шепотом:

– Думаю, это фигура речи.

Удвоить состояние кардинала?! У Генриха столько нет.

– Похоже на то. Верните то, что забрали. Мы не просим вдвое.

Норрис трогает золотую цепь на шее.

– Все от короля. Нельзя называть это грабежом.

– Я и не называл.

Норрис задумчиво кивает:

– Верно, не называли.

¹³ Король Генрих (лат.).

– У кардинала забрали церковные облачения – знак его сана. Что отнимут следующим? Бенефиции?

– Ишер – вы ведь туда едете, я правильно понимаю? – одно из владений, принадлежащих его милости как епископу Винчестерскому.

– И?

– Кардинал пока сохранит и этот сан, и поместье, но... как бы выразиться?... король еще не принял окончательного решения. Как вы знаете, кардиналу предъявлено обвинение, согласно статуту о превышении власти церковнослужителем, в попытке применить на английской земле несоответствующие полномочия.

– Не учите меня законам.

Норрис наклоняет голову.

Он думает: прошлой весной, когда тучи начали сгущаться, надо было убедить милорда кардинала, чтобы тот разрешил мне перевести часть денег за границу, где мы всегда сможем их получить. Но тогда кардинал ни о какой опасности и слышать не хотел. Почему я позволил ему сохранять благодущие?

Норрис берет за уздечку, говорит:

– Я всегда восхищался вашим господином и надеюсь, что в теперешних бедствиях он это вспомнит.

– Мне казалось, никаких бедствий нет. Согласно вашим словам.

Вот бы сейчас схватить Норриса за шкирку и вытрясти прямые ответы. Увы, простых решений не бывает: этому научили его мир и кардинал. Господи, думает он, в мои лета пора бы знать. Успехи приносит не оригинальность. Не ум. Не сила. Успехов достигают ловкие интриганы вроде – и в этом он все больше уверен – Норриса. В душе крепнет бессознательная неприязнь, он пытается ее прогнать, потому что уж если неприязнь, то пусть лучше осознанная, но, в конце концов, обстоятельства исключительные: кардинал в грязи, унижительная возня с усаживанием на мула, бесконечные причитания в пути и, хуже, бесконечные причитания на коленях, как будто Вулси разматывается, распускается, словно огромный алый клубок, в длинную алую нить, которая заведет тебя в алый лабиринт с умирающим чудищем посередине.

– Мастер Кромвель! – говорит Норрис.

Он не может рассказать, о чем думал, просто смотрит на Норриса сверху вниз и проносит, смягчившись лицом:

– Спасибо за утешение.

– Увезите милорда кардинала из-под дождя. Я расскажу королю, в каком состоянии его нашел.

– Расскажите, как вы вместе стояли на коленях в грязи. Король позабавится.

– Да, – печально кивает Норрис. – Никогда не знаешь, как он все воспримет.

И тут Заплатак начинает вопить. Кардинал – озираясь в поисках подарка – увидел шута и счел того достойным подношением королю. Заплатак, часто говорил Вулси, стоит тысячи фунтов. Шут едет с Норрисом – сейчас самое подходящее время. Четверо слуг пытаются скрутить Заплатаку, тот кусает их, отбивается руками и ногами, пока его не бросают на вьючного мула, освобожденного от поклажи. Теперь Заплатак рыдает в голос, икая, ребра ходят ходуном, дурацкие ноги болтаются, плащ порван, перо на шляпе переломилось.

– Ну же, Заплатак, – уговаривает кардинал, – ну же, мой дорогой. Мы будем часто видаться, как только король вернет меня ко двору. Мой милый Заплатак, я напишу тебе письмо, тебе лично. Сегодня же напишу и скреплю своей большой печатью. Король тебя полюбит, он – добрейшая душа во всем христианском мире.

Заплатак воеет на одной ноте, как пленник, которого турки посадили на кол.

Дурак-то, говорит он Кавендишу, сваял дурака. Не надо было обращать на себя внимание.

* * *

Ишер: епископ спешивается перед старым донжоном, увенчанным восьмиугольными башенками. Пятьдесят лет назад Уэйнфлит, тогдашний епископ Винчестерский, выстроил здесь четырехэтажную надвратную башню. От башни отходит куртина с галереей наверху, по виду мощная, но все эти сооружения – из красного и белого кирпича, сложная орнаментальная кладка. Украшение, не защита.

– Это место невозможно укрепить, – говорит он. Кавендиш молчит. – Джордж, вы должны сказать: «Но его и нет нужды укреплять».

Кардинал не был здесь с тех пор, как выстроил Хэмптон-корт. Они выслали вперед гонцов, но сделано ли хоть что-нибудь? Устройте милорда поудобнее, бросает он и направляется напрямик на кухню. В поварни Хэмптон-корта проведена вода, здесь течет только из носа у поваров. Кавендиш прав. Все куда хуже, чем он думал. Кладовые почти пусты, а то немного, что есть, в основном испорчено. В муке черви. На столе, где раскатывают тесто, – мышинный помёт. Скоро Мартинов день, а здесь еще не начинали заготавливать солонину. На кухонную посуду стыдно смотреть. Котел зарос плесенью. У очага греются мальчишки: за несколько монет они с охотой возьмутся скоблить и чистить. Дети любят все новое, а идея чистоты для них, сдается, совершенно нова.

Милорду, думает он, надо есть и пить *сейчас*, надо будет есть и пить еще... неизвестно сколько. Кухню нужно привести в порядок к предстоящей зиме. Он находит грамотного слугу и начинает диктовать, загибая пальцы на левой руке: во-первых, сделайте то, во-вторых – это. Правой рукой умело разбивает в миску яйца, отцеживая через пальцы тягучий белок и отделяя желтки. «Сколько пролежало это яйцо? Смените поставщика. Мне нужен мускатный орех. Мускатный орех? Шафран?» На него смотрят так, будто он говорит по-гречески. В ушах по-прежнему звучат пронзительные вопли Заплатки. Он возвращается в зал; со стен на него смотрят пыльные ангелы.

Проходит довольно много времени, прежде чем им удастся уложить кардинала в некое подобие постели. Где мажордом? Где гофмейстер? Ему уже кажется, будто они с Кавендишем и впрямь последние уцелевшие ветераны долгой кампании. Они остаются в зале – постелей, чтобы лечь, все равно нет – и составляют список первоочередных надобностей. Столовое серебро, чтобы кардиналу не есть из старых оловянных мисок, постельное белье, скатерти, дрова.

– Я пришлю людей разобраться с кухней, – говорит он. – Итальянцев. Поначалу будет неразбериха, но недели через три все выправится.

Три недели. Надо бы заставить мальчишек отдраить медную посуду.

– Можем ли мы раздобыть лимоны? – спрашивает он, и одновременно Кавендиш произносит: «Так кто станет лордом-канцлером?»

Интересно, думает он, есть ли здесь крысы.

Кавендиш продолжает:

– Вновь призовут его милость Кентербери?

Через пятнадцать лет после того, как кардинал вытеснил архиепископа с этой должности.

– Нет, Уорхем слишком стар. – (И слишком упрям, слишком противится желаниям короля.) – И не герцог Суффолкский. – (Потому что Чарльз Брэндон не умнее мула Кристофера, хотя дерется и наряжается не в пример лучше.) – Не Суффолк, потому что Норфолк этого не потерпит.

– И наоборот, – подхватывает Кавендиш. – Епископ Тунстолл?

– Нет. Томас Мор.

– Мирянин, человек незнатного рода? Который к тому же против нового брака короля?

Он кивает, да-да, канцлером будет Мор. Королю и прежде случалось доверять свою совесть строгим оценщикам. Возможно, его величество надеется таким образом спастись от самого себя.

– Если король и предложит Мору канцлерский пост – тот ведь откажется?

– Нет.

– Пари? – предлагает Кавендиш.

Они договариваются о закладе и ударяют по рукам. Пари помогает отвлечься от насущных забот: крыс, холода, вопроса, как втиснуть несколько сотен человек из Вестминстера в куда меньший Ишерский дворец. Штат кардинала – если взять главные резиденции и пересчитать всех, от священников и поверенных до метельщиков и прачек – больше шестисот душ. Три сотни вот-вот придут.

– По всему выходит, некоторых придется отпустить, – произносит Кавендиш. – Но у нас нет денег, чтобы с ними расплатиться.

– Будь я проклят, если мы отпустим их без жалованья, – говорит он, а Кавендиш замечает:

– Думаю, вы так и так прокляты. После того, как высмеивали реликвии.

Они переглядываются и начинают хохотать. По крайней мере вина хватает, погреба полны, и это хорошо, замечает Кавендиш, потому что пить нам тут еще много недель.

– Что, по-вашему, имел в виду Норрис? – спрашивает Джордж. – Как король мог отстранить милорда кардинала, если не хотел его отстранять? Почему уступил врагам милорда? Разве король не властен над своими врагами?

– Хотелось бы верить.

– Или это *она*? Наверняка она. Король ее боится. Она ведьма.

Он говорит, не глумитесь. Кавендиш отвечает, точно ведьма, так говорит герцог Норфолк, ее дядя – кому еще знать.

Два часа, потом три; на душе странная легкость от мысли, что не надо ложиться, потому что лечь негде. Незачем собираться домой: у него не осталось ни дома, ни семьи. Куда лучше пить с Кавендишем в уголке огромного зала, дрожа от холода, усталости и неуверенности в завтрашнем дне, чем думать о своих утратах.

– Завтра, – объявляет он, – придут из Лондона мои клерки, и мы попытаемся выяснить, что у милорда осталось. Задача непростая, потому что все бумаги изъяты. Кредиторы остановят платежи, как только узнают о случившемся. Правда, французский король платит кардиналу пенсioen и, насколько я помню, сильно задолжал. Возможно, Франциск захочет прислать его милости мешок с золотом под обещание будущих услуг. А вы... вы можете порыскать по округе.

* * *

Утром, чуть свет, Кавендиш – осунувшийся, с запавшими глазами – садится на лошадь.

– Раздобудьте нам хоть что-нибудь. Во всем королевстве едва ли найдется человек, не обязанный милорду кардиналу хоть чем-либо.

Конец октября, солнце – монетка, едва подброшенная над горизонтом.

– Не давайте ему унывать, – просит Кавендиш. – Говорите с ним. Напоминайте о словах Гарри Норриса.

– Езжайте. Если увидите угли, на которых зажарили святого Лаврентия, прихватите их с собой – они тут пригодятся.

– Не надо, – умоляет Кавендиш. После вчерашнего Джордж вполне готов к шуткам насчет святых мучеников, но с похмелья больно смеяться. А не смеяться тоже больно. Лошадь перебирает копытами. Джордж роняет голову, в глазах – растерянность.

– Как до такого могло дойти? Милорд кардинал на коленях в грязи. Как это случилось, ради всего святого?

Кромвель говорит:

– Шафран. Изюм. Яблоки. И кошек. Раздобудьте кошек, больших и голодных. Я не знаю, Джордж, откуда они берутся? О, погодите! Не сможем ли мы достать куропаток?

Если будут куропатки, их можно разделать, и грудки обжарить прямо за столом. Нужно, чтобы все готовили под нашим присмотром; и тогда, если мы постараемся, милорда кардинала не отравят.

II. Потаенная история Британии 1521—1529

Давным-давно, в незапамятные времена, правил в Греции царь, у которого было тридцать три дочери. Сестры взбунтовались и убили своих мужей. Горюя, что породил таких непокорных дочерей, но не желая губить собственную плоть и кровь, царь посадил их на корабль без руля и доверил морским волнам.

Еды на корабле было на полгода. К концу этого срока течения и ветра унесли царевен за пределы известных земель и прибили к острову, окутанному туманом. Он не имел названия, и старшая из сестер-убийц дала ему свое имя: Альбина.

За полгода царевны изголодались по любовным утехам, однако на острове не было людей, только демоны.

Тридцать три царевны сошлись с демонами и породили великанов, которые, в свой черед, пережились на собственных матерях. Их потомство заселило весь остров. У них не было священников, не было церквей и законов. Не умели они и вести счет годам.

Через восемь столетий троянец Брут положил конец правлению великанов.

Брут, праправнук Энея, появился на свет в Италии. Мать его не пережила родов, отца он случайно застрелил на охоте. Брут бежал в Грецию, где стал вождем у троянцев, живших там в рабстве. Вместе они отправились на север; ветер и течения прибили их к тому же острову, куда столетиями раньше вынесло царевен. Здесь беглецам пришлось вступить в бой с великанами, возглавляемыми Гогмагогом. Троянцы одержали победу и сбросили Гогмагога в море¹⁴.

Откуда ни посмотри, все начинается с кровопролития. Брут и его потомки правили островом до прихода римлян. Прежде чем стать городом Луда¹⁵, Лондон звался Новой Троей. А мы были троянцами.

Некоторые утверждают, что Тюдоры вписаны в эту кровавую и демоническую историю; они происходят от Брута по линии Константина, чья мать, святая Елена, была дочерью бриттского вождя.

Артур, верховный король Британии, приходился Константину внуком. Он был женат на женщинах по имени Гвиневера числом от одной до трех и похоронен в Гластонбери, но на самом деле не умер и однажды вернется.

В лето тысяча четыреста восемьдесят шестое родился его благословенный потомок, принц Артур Английский, старший сын Генриха – первого короля из династии Тюдоров. Этот Артур женился на арагонской принцессе Екатерине, умер в пятнадцать лет и похоронен в Вустерском соборе. Будь он жив, он бы сейчас правил Англией. Его младший брат Генрих был бы, вероятно, архиепископом Кентерберийским и не домогался (по крайней мере, мы благочестиво в это верим) женщины, о которой кардинал не слышал ничего хорошего; женщины, на которую его милости стоило обратить внимание задолго до прихода разгневанных герцогов – и в чью историю ему следовало бы хорошенько вникнуть, не дожидаясь королевской опалы.

За каждой историей – другая история.

¹⁴ Здесь изложена авторитетная в глазах англичан того времени теория, согласно которой Британия была заселена выходцами из Трои, покинувшими город после его падения, потомками царевича Брута. Широкой популярности этого этногенетического мифа весьма способствовали труды Гальфрида Монмутского. – (Прим. О. Дмитриевой)

¹⁵ Луд, Луг – в кельтской мифологии покровитель ремесел, искусств и торговли. В средние века считался особым покровителем города Лондона. – (Прим. О. Дмитриевой)

* * *

Упомянутая дама появилась при дворе на Рождество 1521 года и танцевала в желтом платье. Ей было... дай Бог памяти... лет двадцать? Дочь дипломата Томаса Болейна, она росла при бургундском дворе в Мехелене и Брюсселе, затем в свите королевы Клод разъезжала по дивным замкам Луары, потому и на родном языке говорит с едва уловимым акцентом, вставляя французские словечки, когда делает вид, будто не может вспомнить английского. На Масленицу она танцует в придворном спектакле. Дамы наряжены Добродетелями, и ей досталась роль Упорства, которую она исполняет с большим изяществом, но чуть торопливо; на губах блуждает самодовольная улыбка, в чертах сквозит неприступность. С тех пор за ней увивается много захудалых джентльменов и один отнюдь не захудалый. Пополз слухок, будто она выходит замуж за Гарри Перси, наследника герцога Нортумберлендского.

Кардинал вызывает к себе ее отца.

– Сэр Томас Болейн, побеседуйте с вашей дочерью, или я с ней побеседую. Мы привезли ее из Франции, чтобы выдать замуж в Ирландию, за наследника Батлеров¹⁶. Почему она медлит?

– Батлеры... – начинает сэр Томас.

– Да? Так что Батлеры? Если дело за ними, я разберусь. А хочу я знать вот что: это по вашей указке она связалась с тем глупым мальчишкой? Поскольку, сэр Томас, позвольте мне сказать со всей откровенностью: я такого не потерплю. Король такого не потерпит. Шашням следует немедленно положить конец.

– Последние несколько месяцев я почти не бывал в Англии. Вашей милости не следует думать, будто я здесь как-то замешан.

– Мне лучше известно, что мне следует думать. Так больше вам сказать нечего? Кроме того, что вы не способны приглядеть за собственными детьми?

Сэр Томас усмехается и разводит руками, намереваясь отпустить замечание про нынешнюю молодежь, но кардинал не дает ему открыть рот. Кардинал подозревает – и высказывает свои подозрения вслух, – что юной особе не по душе скучная обстановка Килкенни и не по нраву редкие увеселения, доступные в тех краях, если раз в сезон отправиться по ужасной дороге в Дублин.

– Кто это? – спрашивает Болейн. – Там, в углу?

Кардинал отмахивается.

– Один из моих стряпчих.

– Пусть уйдет.

Кардинал вздыхает.

– Он записывает наш разговор?

– Томас, вы записываете? – спрашивает кардинал. – Если да, то перестаньте, пожалуйста.

Половину мужчин в Англии зовут Томасами. Позже Болейн не сумеет вспомнить наверняка, действительно ли это был он.

– Послушайте, милорд... – Дипломат использует весь богатейший диапазон своего голоса, сейчас регистр – прямодушие, улыбка словно говорит: ну же, Вулси, мы оба с вами люди взрослые, светские, нам ни к чему друг перед другом притворяться. – Они молоды. – Движение руки, долженствующее подчеркнуть искренность. – Молодому человеку она приглянулась. Ничего удивительного. Мне пришлось с ней поговорить. Она все поняла. Она знает свое место.

¹⁶ Батлеры – ирландское аристократическое семейство, носители титула графов Ормондов. – (Прим. О. Дмитриевой)

– Вот и хорошо, – говорит кардинал, – потому что ее место внизу. Я о родовитости, а не о том, что бывает теплой ночью на сеновале.

– Молодой человек не принял отказа. Его хотят женить на Мэри Тэлбот, но... – Болейн сопровождает свои слова беспечным смешком, – молодой человек не хочет. Молодой человек считает, что вправе сам выбрать себе жену...

– Выбрать жену! – взрывается кардинал. – В жизни не слышал ничего подобного! Он что, пастух или землепашец? Ему предстоит оборонять наш север. Либо он осознает свою ответственность, либо простится с наследством. Дочь Шрусбери – самая подходящая для него партия, я сам ее выбрал, а король одобрил предстоящий союз. И уверяю вас, граф Шрусбери не станет смотреть сквозь пальцы на шутовские выходки дочкиного жениха.

– Затруднение в том... – Болейн выдерживает дипломатическую паузу, – что Гарри Перси и моя дочь, кажется, зашли слишком далеко.

– Что?! – восклицает кардинал. – Вы хотите сказать, мы все-таки говорим о сеновале в теплую ночь?

Кромвель наблюдает из темного угла и думает: Болейн феноменально хладнокровен.

– Насколько я понял с их слов, они обручились перед свидетелями. И как это теперь отменить?

Кардинал грохает кулаком по столу.

– Я вам объясню как! Я вызову его отца с границы, и если блудный сын не послушается родителя, не видать ему наследства, как своих блудных ушей. У графа есть другие сыновья, получше. А вы, если не хотите, чтобы Батлер отказался от вашей дочки и она осталась у вас на шее старой девой, забудьте и думать про всякие обручения и свидетелей. Знаю я этих свидетелей – когда я за ними пошлю, они все попрячутся. Так что я больше не желаю об этом слышать. Обручение. Свидетели. Контракты. Силы небесные!

Болейн по-прежнему улыбается. Чтобы сохранять улыбку на лице, требуется усилие каждой мышцы крепкого, жилистого тела.

– Я не спрашиваю, – безжалостно продолжает кардинал, – советовались ли вы по этому поводу со своими родичами Говардами. Мне не хочется думать, что вы затеяли вашу авантюру с их одобрения. Меня бы очень огорчило, если бы выяснилось, что герцог Норфолк ее одобрил. Очень, очень огорчило. Так что не рассказывайте мне, ладно? Идите к родичам и попросите дать вам на сей раз *добрый* совет. Отправьте дочь в Ирландию, пока Батлеры не прослышали, что она – порченный товар. Я не стал бы такого говорить, но придворным сплетникам не укажешь.

На лице у сэра Томаса горят алые пятна.

– Вы закончили, милорд кардинал?

– Да. Ступайте.

Болейн поворачивается в вихре темного шелка. Глаза блестят – неужели в них слезы гнева? В комнате темно, но он, Томас Кромвель, очень зорек.

– Ах да, минуточку, сэр Томас. – Слова кардинала настигают и, как аркан, разворачивают жертву. – Так вот, сэр Томас, не забывайте свою родословную. Семейство Перси – одно из знатнейших в стране. Вам, конечно, очень повезло взять жену из Говардов, но ведь Болейны, если не ошибаюсь, раньше занимались торговлей? Ваш предок был лордом-мэром Лондона, не так ли? Или я спутал ваш род с более именитыми Болейнами?

Красные пятна исчезли с лица сэра Томаса; сейчас оно бледно, словно дипломат от гнева вот-вот лишится чувств. Покидая комнату, сэр Томас шепчет: «Сын мясника», – а проходя мимо стряпчего – который сидит, сложив тяжелые руки на столе, – бросает: «Пес мясника».

* * *

Дверь хлопает.

Кардинал говорит:

– Выходи, пес.

Его милость смеется, подперев голову руками.

– Смотрите и учитесь, Томас. Вам не исправить свою родословную – а видит Бог, она еще постыднее моей. Трюк в том, чтобы напоминать им об их же собственных мерках. Придумали правила – не обижайтесь, когда я строже других требую эти правила соблюдать. Перси выше Болейнов. И пусть не воображает о себе лишнего!

– Разумно ли злить людей?

– Конечно, нет. Однако я устаю от трудов, и мне надо иногда позабавиться. – Кардинал смотрит на него ласково, и это наводит на подозрение, что следующая забава сегодняшнего вечера (после того как Болейн изорван в клочья и брошен на землю, словно апельсиновая кожура) – наставительная беседа с Томасом Кромвелем. – К кому следует проявлять почтение? К Перси, Стаффордам, Говардам, Тэлботам, да. Если уж дразнить их, то берите палку подлиннее. А Болейн... в фаворе у короля, да и вообще способный малый. Вот почему я вскрываю все письма сэра Томаса вот уже много лет.

– В таком случае милорду известно... о нет, простите, вам такое слушать негоже.

– Что? – спрашивает кардинал.

– Всего лишь сплетни. Я бы не хотел вводить вашу милость в заблуждение.

– Нельзя говорить и не говорить. Выкладывайте.

– Да просто женщины болтают. Мастерицы. Жены суконщиков. – Он ждет, улыбаясь. – Я уверен, вашей милости не до бабских пересудов.

Кардинал со смехом встает из кресла, тень прыгает по стене. Рука стремительно тянется вперед, вседосягающая, словно десница Божья.

Однако когда Бог сжимает пальцы в кулак, они хватают воздух. Человек, только что стоявший напротив, теперь на другом конце комнаты, у стены.

Тень колышется и замирает. Кардинал неподвижен. Стена ловит ритм его дыхания. Кардинал склоняет голову (волосы в свете камина окружены нимбом), смотрит на пустой кулак. Растопыривает исполинскую, в отблесках пламени пятерню. Упирается ею в стол, и она исчезает, сливается с камчатной скатертью. Лицо кардинала в тени.

Он – Томас, а также Томос, Томмазо и Томаэс Кромвель – вбирает все свои прежние образы в нынешнее тело и осторожно возвращается на прежнее место. Его единственная тень скользит по стене – гость, неуверенный, что ему рады. Который из Томасов увидел нацеленный в грудь удар? В такие мгновения тело действует по памяти. Ты отпрыгиваешь, пригибаешься, бежишь; или прошлое выбрасывает твой кулак без посредства воли. А если бы у тебя в руке был нож? Так и происходят убийства.

Он что-то говорит, кардинал что-то говорит. Оба умолкают. Кардинал опускается в кресло. Томас мгновение медлит, потом тоже садится. Его милость произносит:

– Я и впрямь хотел узнать лондонские сплетни, но не собирался их из вас выбивать.

Кардинал некоторое время изучает бумаги на столе, давая неловкости пройти, а когда заговаривает, то уже совсем другим тоном – беспечным, словно рассказывает после ужина забавный анекдот:

– У моего отца был знакомый... точнее, покупатель... с очень красным лицом. Вот таким. – Трогает для иллюстрации рукав. – Ревелл его звали, Майлс Ревелл. – Рука снова ложится на темную камчатную скатерть. – Добропорядочный горожанин, любитель пропустить стаканчик рейнского. Только я почему-то вообразил, будто он пьет кровь... может,

нянька мне сказала, может, кто-то из детей. Когда отцовские подмастерья узнали... по моей глупости, конечно, потому что я плакал от страха... они завели обыкновение кричать: «Ревелл идет, сейчас будет пить кровь, беги, Томас Вулси, спасайся!» Я убежал, будто за мной черт гонится, на другой конец рынка. Странно, что не угодил под телегу. – Кардинал берет со стола восковую печать, вертит, кладет на место. – Даже и теперь, когда я вижу красноту лица человека – например, герцога Суффолка, – мне хочется плакать. – Пауза. – Итак, Томас... неужто клирик не может встать без того, чтобы его сочли кровопийцей? – Снова берет печать, вертит в руках, отводит взгляд, продолжает, явно забавляясь: – Пугаетесь ли вы епископов? А приходских священников? Дрожите ли при виде настоятеля?

Он говорит:

– Как это называется? Я не знаю английского слова. *Эсток*...

Может быть, и нет английского слова для узкого клинка, который вгоняют под ребра. Кардинал спрашивает:

– И это было?..

Это было двадцать лет назад. Урок усвоен накрепко. Ночь, лед, застывшее сердце Европы; лес, озеро, серебристое под зимними звездами; комната, свет камина, скользнувшая по стене тень. Он не видел убийцу, только движение тени.

– И все равно, – продолжает кардинал. – Я не встречался с мастером Ревеллом сорок лет. Он, небось, давно в могиле. А тот человек?.. Тоже давно мертв?

Деликатнейший из всех мыслимых способов полюбопытствовать у собеседника, есть ли за ним убийство.

– Да, милорд. Горит в аду, если вашей милости угодно.

Вулси улыбается – не из-за упоминания ада, а из-за учтивого признания широты своей власти.

– Значит, всякий поднявший руку на юного Кромвеля повинен геенне огненной?

– Вы бы его видели, милорд. Он был так грязен, что в чистилище его бы не пустили. Кровь Агнца, как нас учат, спасает грешников, но даже она не отмыла бы того малого дочи-ста.

– Я за то, чтобы в мире было как можно меньше грязи. – Вулси смотрит печально. – Вы ведь исповедались?

– Это было давно.

– Вы, конечно, исповедались?

– Милорд кардинал, я был солдатом.

– Солдаты чают Царствия Небесного.

Он смотрит Вулси в лицо. Поди пойми, во что кардинал верит.

– Мы все его чаем.

Как там в считалочке? Солдат, моряк, король, босяк.

– Итак, вы в юности были не сахар, – говорит кардинал. – *Ça ne fait rien*¹⁷. А тот грязный малый, который на вас напал... он ведь не был духовным лицом?

Улыбка.

– Я не спрашивал.

– Да, странные шутки выкидывает с нами память. Томас, я постараюсь в вашем присутствии не совершать резких движений, и все у нас будет хорошо.

И все же Вулси продолжает его разглядывать: удивление еще не улеглось. Они знакомы совсем недавно, и кардинал только-только – быть может, как раз сегодня вечером – взялся придумывать ему характер. В грядущие годы Вулси будет говорить: «Я часто сомневаюсь, так ли хорош монашеский идеал, особенно для молодых. Взять хотя бы моего слугу Кром-

¹⁷ Не важно (фр.).

веля – он всю юность провел в тиши, почти исключительно за молитвой, постом и чтением Отцов Церкви. Потому-то теперь он такой буйный».

А когда собеседники, смутно припоминая человека исключительной сдержанности, удивятся: «Ваш слуга Кромвель? Неужто?» – кардинал будет отвечать, качая головой: «Разумеется, я пытаюсь загладить его выходки. Когда он бьет окна, я приглашаю стекольщика. А что до девушек, попавших в беду... я плачу бедняжкам из своего кармана».

Однако сейчас кардинал занят другим. Большие руки сцеплены, будто пытаются задержать уходящий вечер.

– Итак, Томас, вы собирались пересказать мне сплетни.

– Из того, сколько шелка заказывает король у торговцев тканями, женщины делают выводы, что у его величества новая... – Он не заканчивает фразу. – Милорд, как вы называете шлюху, если она – дочь рыцаря?

– Ммм... – задумчиво тянет кардинал, вникая в проблему. – В лицо – «миледи». За глаза... а как ее имя? Что за рыцарь?

Он кивает на то место, где десять минут назад стоял Болейн.

Кардинал подается вперед.

– Почему вы не сказали сразу?

– Как я мог?

Кардинал кивает, соглашаясь, что вклиниться с такой щекотливой темой в разговор было бы непросто.

– Но это не та Болейн, которая с Гарри Перси. Ее сестра.

– Ясно. – Кардинал снова откидывается в кресле. – Конечно.

Мария Болейн – миниатюрная блондиночка, по слухам, переспавшая со всем французским двором. Теперь она при английском дворе: всем улыбается, со всеми мила, не то что вечно хмурая младшая сестрица, ходящая за нею как тень.

– Конечно, я наблюдал, на ком его величество задерживает взгляд, – говорит кардинал. Кивает самому себе. – Так, значит, теперь они близки? Знает ли королева? Или вы не в курсе?

Кромвель утвердительно склоняет голову.

– Екатерина – святая, – со вздохом произносит кардинал. – Впрочем, будь я королевой и святой, я бы, наверное, не тревожился из-за Марии Болейн. Подарки, значит? Не слишком роскошные, говорите? В таком случае мне ее жаль. Ей надо спешить извлечь из расположения монарха хоть какие-то выгоды, пока он не остыл. Не то чтобы у короля сейчас было так много интрижек, но говорят... говорят, когда его величество был молод и еще не король, именно супруга Болейна сделала его из девственника мужчиной.

– Элизабет Болейн? – Он удивлен, что случается не так часто. – Мать нынешней?

– Она самая. Возможно, король не стремится к разнообразию. Впрочем, я никогда не верил этому слуху... Будь мы по ту сторону... – он указывает в направлении Дувра, – мы бы и не пытались считать женщин короля. Рассказывают, мой друг Франциск однажды подошел к даме, с которой перед тем провел ночь, поцеловал ей ручку, спросил, как ее зовут, и выразил надежду, что они познакомятся поближе. – Кардинал встряхивает головой, довольный, что история произвела впечатление. – Впрочем, из-за Марии Болейн неприятностей не будет. Она покладистая. Король мог выбрать и похуже.

– Однако семейство захочет что-нибудь за это получить. Что доставалось прежним?

– Возможность услужить государю. – Кардинал умолкает и что-то записывает – видимо, заметку для памяти: «Узнать, чего может добиться Болейн, если вежливо попросит». Поднимает голову: – Так мне в беседе с Томасом Болейном следовало быть... как бы это сказать... немного помягче?

– Не думаю, что милорд мог вести себя еще ласковее. Я видел, с каким лицом сэр Томас отсюда вышел. Воплощение блаженного довольства.

– Томас, впредь, если услышите любые лондонские слухи... – Кардинал трогает камчатную скатерть, – сразу сообщайте мне, от кого бы они ни исходили. Не тревожьтесь, достойны ли они моих ушей, – тревожиться буду я. А я обещаю никогда на вас не нападать. Честное слово.

– Я уже забыл.

– Сомневаюсь, учитывая, что вы помнили урок все эти годы. – Кардинал откидывается в кресле, произносит задумчиво: – По крайней мере, она замужем. – Имеется в виду Мария Болейн. – Так что если она понесет, король может признать ребенка или не признать, как захочет. У него уже сын от дочери Джона Блаунта, а лишние бастарды его величеству ни к чему.

Многочисленные побочные дети – помеха монарху, как учит история и пример соседних народов. Матери соперничают за влияние, интригуют, чтобы сделать своих детей законными наследниками. Сын, которого Генрих признал, зовется Генри Фицрой. Это красивый белокурый мальчуган, точная копия родителя. Отец сделал его герцогом Сомерсетским и герцогом Ричмондским; мальчик, не достигший и десяти лет, уже сейчас знатнее всех дворян Англии.

Королева Екатерина, все сыновья которой умерли, переносит это стоически; другими словами, она страдает.

* * *

Выходя от кардинала, он мучительно злится. К себе давнишнему – полумертвому мальчишке на мощеном дворе в Патни – у него жалости нет, только легкая досада: отчего тот не встает? К юнцу, который по-прежнему готов был лезть в драку или, по крайней мере, оказывался в таких местах, где дерутся, он испытывает что-то вроде презрения с примесью легкой тревоги. Таков мир: нож во тьме, мельканье, замечаемое краем глаза, череда предостережений, вошедших в плоть. Он напугал Вулси, а это не дело. Его работа, как он ее для себя определил, – снабжать кардинала сведениями, умерять кардинальский нрав, подыгрывать шуткам. Просто все неудачно сошлось. Если бы кардинал не двигался так быстро! Если бы он сам не был как на иголках из-за того, что не сумел вовремя подать знак насчет Болейна. Беда Англии, думает он, в том, что у нас слишком мало жестов. Надо выработать условный сигнал: «Полегче, ваш государь кувыркается с дочерью этого человека!» Странно, что итальянцы не придумали такого жеста. А может, придумали, просто он не знает.

* * *

В 1529 году, когда милорда кардинала постигнет королевская немилость, он будет вспоминать тот вечер.

Они в Ишере, ночь без огня и света, великий человек лежит в своей (вероятно, сырой) постели, рядом лишь один товарищ по несчастью – Джордж Кавендиш. Что было потом, спрашивает он Джорджа, с Гарри Перси и Анной Болейн?

История известна ему лишь в сухом пересказе кардинала. Джордж говорит:

– Я вам расскажу, как это было. Сейчас. Встаньте, мастер Кромвель.

Он встает.

– Чуть левее. Кем вы хотите быть? Милордом кардиналом или юным наследником?

– А, так мы разыгрываем пьесу? Наследником. Кардинала мне не потянуть.

Кавендиш просит его чуть повернуться от окна, за которым ночь и голые деревья – единственные зрители пьесы. Он смотрит в темную комнату, как если бы и впрямь различал призрачные фигуры из прошлого.

– Можете сделать взволнованное лицо? – спрашивает Кавендиш. – Как будто вы готовили дерзкую речь, но не смеете открыть рот? Нет-нет, не так. Вы молоды, нескладны, вы смотрите в пол и покраснели до ушей. – Вздых. – Думаю, вы никогда в жизни не краснели, мастер Кромвель. Вот гляньте. – Кавендиш мягко берет его за плечи. – Давайте поменяемся ролями. Сядьте вот сюда. Вы – кардинал.

И тут же Джордж преображается: стискивает пальцы, переступает с ноги на ногу, только что не плачет – становится мямлящим Гарри Перси, влюбленным юнцом.

– Почему я не могу на ней жениться? Пусть она простая девушка...

– Простая? – переспрашивает он. – Девушка?

Кавендиш гневно сверкает глазами.

– Кардинал бы в жизни такого не сказал!

– Тогда бы не сказал, согласен.

– Теперь я снова Гарри Перси. «Пусть она простая девушка, а ее отец – всего лишь рыцарь, у них хороший род»...

– Она ведь доводится королю кем-то вроде кузины?

– Кем-то вроде кузины?! – Кавендиш от возмущения выходит из роли. – Перед милордом лежала бы подробнейшая родословная, составленная герольдмейстерами!

– Так что мне делать?

– Просто играть! Итак, ее предки не такого уж низкого рода, упорствует юный Перси. Но чем больше мальчишка спорит, тем больше сердится кардинал. Гарри говорит, мы заключили брачный договор, это все равно что венчание...

– А что, правда? В смысле, они и впрямь заключили брачный договор?

– Да, в том-то вся суть. Самый что ни на есть законный.

– И что ответил милорд кардинал?

– Он ответил: милый мой, что я слышу? Если вы и впрямь заключили какую-то мнимую сделку, о ней придется доложить королю. Я пошлю за вашим отцом, и мы вместе аннулируем эту блажь.

– И что сказал Гарри Перси?

– Почти ничего. Повесил голову.

– Интересно, девушка его хоть сколько-нибудь уважала?

– Ничуть. Ей нравился титул.

– Ясно.

– Итак, когда с севера приехал отец... Вы будете графом или юношей?

– Юношей. Теперь я знаю, как себя вести.

Он встает и делает пристыженное лицо. Судя по всему, граф с кардиналом долго разговаривали, потом выпили по бокалу вина. Видимо, довольно крепкого. Граф некоторое время расхаживал по галерее, потом сел, говорит Кавендиш, на скамью, где лакеи отдыхают между переменах блюд. Потребовал к себе наследника и распек при слугах.

– «Сэр, – говорит Кавендиш, – вы всегда были гордым, заносчивым, высокомерным и крайне расточительным мотом». Неплохое начало, а?

– Мне нравится, как вы все воспроизводите дословно, – говорит он. – Вы тогда же и записали? Или позволили себе долю художественного вымысла?

Кавендиш смущен.

– Разумеется, никто не может тягаться с вами памятью, мастер Кромвель. Милорд кардинал спрашивает что-нибудь по счетам, и вы сразу называете цифры.

– Может, я выдумываю их на ходу.

– Ну уж нет! – возмущается Кавендиш. – Вы бы так долго не продержались.

– Это мнемоническая система. Я научился ей в Италии.

– Многие люди, в этом доме и в других, немало бы отдали, чтобы узнать все, чему вы научились в Италии.

Он кивает. Конечно, отдали бы.

– Так на чем мы остановились? Гарри Перси, по вашим словам, практически женатый на леди Анне Болейн, стоит перед отцом, и тот говорит...

– Что если неблагодарный сын унаследует титул, это погубит их знатный род. Что Гарри станет последним графом Нортумберлендом. «Благодарение небесам, – говорит он, – у меня довольно и других сыновей». Граф развернулся и вышел. Сын остался в слезах. Кардинал все-таки женил его на Мэри Тэлбот, и теперь их жизнь тосклива, как утро Пепельной среды. А леди Анна сказала – ну и смеялись же мы тогда! – сказала, что если сможет устроить кардиналу какую-нибудь неприятность, то непременно устроит. Представляете, как мы хохотали? Какая-то, простите за выражение, замухрышка, дочь рыцаря, угрожает милорду кардиналу! Она, видите ли, обижена, что ей не дали выйти замуж за графа! Но мы не знали, что она будет возвышаться и возвышаться.

Он улыбается.

– Так скажите мне, – просит Кавендиш, – где мы просчитались? Погодите, я сам скажу. Мы все – кардинал, юный Гарри Перси, его отец, вы, я – не понимали главного. Когда король говорил, что мистрис Анна не должна выходить за Нортумберленда, он уже тогда присмотрел ее для себя.

– Был со старшей, а думал про младшую?

– Да-да!

– Занятно, – говорит он, – как так получается: все думают, будто знают королевские желания, а его величество на каждом шагу встречает препоны?

Препоны и досадные разочарования. Леди Анна, которую Генрих выбрал забавой на время, пока будет избавляться от старой жены и ждать приезда новой, не допускает короля до себя. Как она смеет? Все в недоумении.

Кавендиш расстроен, что они не продолжают пьесу.

– Вы, должно быть, устали.

– Нет, просто задумался. Как вышло, что милорд кардинал... – Ему хочется сказать «дал маху», но это чересчур непочтительно. – Так что было дальше?

* * *

В мае 1527 года кардинал с тяжелым сердцем открывает судебное заседание, чтобы рассмотреть законность королевского брака. Суд тайный, королеву не пригласили, нет даже ее представителей; считается, будто она ничего не знает, зато вся Европа в курсе. Генриху указано прибыть лично и предъявить разрешение на брак с вдовой брата. Король уверен, что суд найдет в документе какие-нибудь огрехи. Кардинал готов объявить, что законность брака под сомнением. Однако, объясняет его милость королю, легатский суд может сделать лишь этот предварительный шаг, поскольку Екатерина, без сомнения, будет апеллировать к Риму.

Насколько известно, Екатерина и король шесть раз ждали наследника.

– Я помню зимнее дитя, – говорит Вулси. – Вы, Томас, как я понимаю, тогда были не в Англии. Схватки начались преждевременно, точно на переломе года, и принц родился недоношенным. Ему было меньше часа, когда я взял его на руки. В комнате ярко пылал камин, за окном валил снег, к трем часам стемнело, а к утру все следы животных и птиц замело, а с ними остались в прошлом и наши горести. Мы называли его Новогодним принцем. Говорили, что он будет самым богатым, самым красивым, самым обожаемым. Весь Лондон ликовал, на улицах жгли костры... Принц прожил пятьдесят два дня, и я считал каждый. Думаю,

выживи он, наш король был бы... нет, не лучше, потому что лучшего государя просто невозможно вообразить... но более в мире с Богом.

Следующий ребенок – мальчик – умер через час после рождения. Через год, в 1516 году, родилась девочка, принцесса Мария, маленькая, но здоровая. На следующий год у королевы случился выкидыш (снова мальчик). Еще одна маленькая принцесса прожила всего несколько дней; ее звали бы Елизаветой, в честь матери короля.

Иногда, говорит кардинал, король вспоминает свою мать, Елизавету Плантагенет, и в глазах его величества стоят слезы. Она, как вы знаете, отличалась редкой красотой и с удивительной кротостью переносила все ниспосланные Богом несчастья. У них с прежним королем было много детей; некоторые умерли. Но все же, говорит король, мой брат Артур родился у батюшки с матушкой в первый же год, а вскоре появился и второй сын – я. Так почему у меня после двадцати лет брака лишь одна слабенькая дочь, которую может погубить любой сквозняк?

К тому времени они, прожившие столько лет в супружестве, раздавлены сознанием греха. Быть может, говорят некоторые, развод и впрямь будет избавлением для обоих? «Вряд ли Екатерина так думает, – говорит кардинал. – Если у королевы есть на совести грех, поверьте мне, она его отмолит. На это уйдет еще двадцать лет».

В чем я провинился? – спрашивает кардинала король. В чем я провинился, в чем она провинилась, в чем провинились мы оба? Кардинал не знает, что ответить, хоть и сочувствует добрейшему государю всем сердцем. Отвечать нечего, а в самом вопросе есть доля неискренности. Кардинал думает (хотя признается в этом лишь своему поверенному, дома, с глазу на глаз), что ни один здравомыслящий человек не может верить в столь прямолинейно-мстительного Бога, а король в остальном мыслит вполне здраво.

– Давайте посмотрим на примеры, – говорит кардинал. – Возьмите Джона Колета, настоятеля собора Святого Павла, видного ученого-богослова. Все его братья и сестры – числом двадцать один – умерли в младенчестве. Можно было бы подумать, что сэр Генри Колет с супругой – неслыханные грешники, поношение всего христианского мира, коли Господь их так сурово покарал. Однако сэр Генри был лордом-мэром Лондона...

– Дважды.

– ...и нажил весьма значительное состояние, то есть ничуть не обойден Божьими милостями, а, напротив, явно снискал благоволение в очах Всевышнего.

Не рука Господня убивает наших детей, а болезни, голод и войны; крысиные укусы и миазмы от чумных ям; недород, как в этом году и прошлом; нерадение кормилиц. Он спрашивает у Вулси:

– Сколько сейчас королеве?

– Будет сорок два, если не ошибаюсь.

– И король утверждает, что она больше не может иметь детей? Моя мать родила меня в пятьдесят два.

Кардинал спрашивает: «Вы уверены?» – и заливается смехом – веселым, беспечным, наводящим на мысль, что хорошо быть князем церкви.

– Во всяком случае, около того. За пятьдесят.

– И она не умерла родами? Что ж, поздравляю. Но не рассказывайте об этом никому, ладно?

Живой итог беременностей королевы – крохотная Мария, не целая принцесса, а скорее две трети. Он видел ее, когда был при дворе с кардиналом, и подумал, что Мария ростом с его Энн, которая года на два-три младше.

Энн Кромвель – крепенькая девчушка. Она могла бы съесть принцессу на завтрак. Как Бог апостола Павла, она не смотрит на лица, и ее глаза, маленькие и цепкие, как у отца, холодно скользят по тем, кто ей перечит. В семье любят шутить о том, какие порядки заве-

дет в Лондоне Энн, когда станет лордом-мэром. Мария Тюдор – умненькая кукла, бледная и рыжеволосая; она говорит важнее и рассудительнее, чем иной епископ. Ей было всего десять, когда король отправил ее в Ладлоу – держать там двор в качестве принцессы Уэльсской. Туда, в Ладлоу, Екатерина приехала после венчания, там скончался ее муж Артур, там она сама едва не умерла от английской потовой лихорадки и лежала, ослабевшая и всеми позабытая, пока супруга старого короля за свой счет не распорядилась доставить ее в Лондон на носилках. Екатерина не выказала горя от разлуки с дочерью, как не выказывала многого другого. Она сама – дочь царствующей королевы. Почему бы Марии не править Англией? Екатерина сочла это знаком, что король успокоился по поводу престолонаследия.

Теперь она знает, что ошибалась.

* * *

Как только тайные слушания созваны, Екатерина выплескивает все наболевшие обиды. По ее словам, главный виновник – кардинал. «Я вам говорил, – заметил Вулси. – Я вам сказал, что так будет. Заподозрить короля? Нет, такого у нее и в мыслях нет. Король в ее глазах безупречен».

С самого своего возвышения, утверждает королева, Вулси пытался оттеснить ее с законного места доверенной советчицы Генриха. Он делал все, говорит она, чтобы я ничего не знала о королевских планах и чтобы он, кардинал, единолично всем заправлял. Он не давал мне встречаться с испанским послом. Окружил меня своими шпионами – мои фрейлины передают ему каждое мое слово.

Я никогда не оказывал предпочтения одной стороне, устало говорит кардинал, ни императору, ни французам: я искал только мира. Я не препятствовал ей встречаться с испанским послом, лишь выдвинул очень скромное и разумное требование: чтобы они не беседовали наедине и я знал, какую ложь посол ей нашептывает. Что до фрейлин, это английские дамы, имеющие полное право служить своей государыне; с какой стати, прожив в Англии тридцать лет, окружать себя одними испанками? И как бы я оттеснил ее от короля? Да я только и слышал: «Это надо показать королеве» и «Давайте посоветуемся с Екатериной – прямо сейчас к ней и пойдем». Еще не было женщины, столь внимательной к нуждам своего господина.

Она и сейчас знает королевские нужды, только, впервые в жизни, не хочет до них снизойти.

Должна ли супруга покоряться в том, что лишит ее статуса супруги? Он, Кромвель, восхищается Екатериной. Приятно смотреть, как она плывет по дворцу, величественная, дородная, затянута в платья, столь густо ошетилившиеся драгоценными камнями, словно ее туалеты предназначены не для украшения, а для защиты от мечей. Золотисто-каштановые волосы давно потускнели и пронизаны сединой; они выглядывают из-под жесткого чепца, словно крылья скромного воробышка. Под одеждой у королевы – холщовая нижняя рубаша францисканской монахини. Всегда старайтесь выяснить, говорит Вулси, что у людей под одеждой. В юности такие слова его бы удивили: тогда он думал, что у людей под одеждой – тело.

* * *

Есть много прецедентов, говорит Вулси, которые могут помочь королю в нынешнем затруднении. Людовику XII разрешили аннулировать первый брак. Если брать ближе, сестра Генриха, Маргарита, развелась со вторым мужем и вышла замуж в третий раз. А близкий

друг короля, Чарльз Брэндон, женатый на младшей сестре его величества Марии, расторг брачный договор с первой супругой при обстоятельствах, в которые лучше не вникать¹⁸.

Однако это скорее исключения, в целом же церковь не склонна аннулировать браки и объявлять прижитых в них детей незаконнорожденными. Если диспенсация была формально безупречна, давайте выдадим новую. Так скажет папа Климент, утверждает Вулси.

Когда он так говорит, король начинает кричать. Крики можно перетерпеть, это вопрос привычки. Он, Кромвель, наблюдает, как ведет себя кардинал, когда над головой разражается гроза: с почтительной, чуть грустной полуулыбкой ждет, пока буря отшумит и наступит затишье. Но сейчас Вулси весь извелся, дожидаясь, пока дочка Болейна – не старшая, уступчивая, а младшая, плоскогрудая – бросит ломаться и удовлетворит короля. Тогда король станет проще смотреть на жизнь и меньше говорить о своей совести – у счастливых любовников другие мысли. Впрочем, некоторые поговаривают, будто Анна ведет с королем торг: хочет быть следующей королевой. Это смешно, говорит Вулси, но король влюблен не на шутку, так что, возможно, не возражает ей в лицо. Он спрашивает, видел ли кардинал перстень с изумрудом, который носит теперь леди Анна; рассказывает, сколько стоил королевский подарок. Кардинал возмущен, расстроен.

После скандала с Гарри Перси Вулси настоял, чтобы Болейн отправил Анну в родовое поместье, но та как-то сумела пробраться назад во дворец, в свиту королевы, и теперь один Бог ведает, где она сегодня и не умчится ли король через полстраны к своей любезной. Кардинал думает, не сделать ли сэру Томасу еще одно внушение, но – даже если не приплетать старые слухи про Генриха и леди Болейн – как сказать человеку, что коли его старшая дочь шлюха, то и младшая пойдет по ее стопам? Как будто дело сэра Томаса – подкладывать их под короля одну за другой?

– Болейн не богат, – замечает он. – С ним можно поладить. Расписать по графам: приход, расход.

– Ах да, вы мастер практических решений, но мне как служителю церкви негоже своими руками подталкивать монарха к прелюбодейственной связи. – Кардинал вздыхает, перебирает перья на столе, шуршит бумагами. – Томас, если вы когда-нибудь будете... Как бы это сказать?

Он понятия не имеет, к чему клонит кардинал.

– Если вы когда-нибудь будете ближе к королю, когда меня не станет... – Очень трудно говорить о собственном небытии, даже если уже заказал себе надгробие. Вулси не может представить мира без Вулси. – Ладно. Вы знаете, что я предпочел бы видеть вас на службе его величества и не чинил бы вам помех, но затруднение в том...

Патни, имеет в виду кардинал. Непреложный факт. А поскольку он мирянин, никаким церковным титулам не смягчить это обстоятельство, как смягчили они непреложный факт Ипсвича¹⁹.

– Сумеете ли вы, – говорит Вулси, – относиться к своему монарху с терпением? Когда уже полночь, а он пьет и хохочет с Брэндоном или поет, а бумаги за день еще не подписаны, и если вы проявляете настойчивость, он отвечает: я иду спать, завтра мы едем на охоту... Если вам доведется ему служить, принимайте его таким, каков он есть, – жизнелюбивым государем. А ему придется принимать вас таким, каков вы есть, – вроде тех коренастых

¹⁸ Близкий друг Генриха Чарльз Брэндон еще при жизни своей первой жены заключил в Париже в 1515 г. тайный брак с сестрой Генриха VIII Марией, вдовой короля Франции Людовика XII (причем по ее инициативе). С помощью Генриха ему удалось добиться от римской курии подтверждения законности второго брака. – (Прим. О. Дмитриевой)

¹⁹ Имеется в виду низкое происхождение кардинала Вулси, родившегося в Ипсвиче, как полагали современники, в семье мясника и торговца скотом. В настоящее время принято считать, что, возможно, эта версия была пущена в ход его политическими противниками с целью дискредитации кардинала. Роберт Вулси, его отец, мог быть достаточно состоятельным торговцем сукном. – (Прим. О. Дмитриевой)

бойцовых псов, которых простолюдины таскают за собой на поводках. Хотя вы и не лишены своеобразного обаяния, Том.

Мысль, что он или кто-то другой займет место Вулси при короле, кажется нелепой: с тем же успехом Энн Кромвель может стать лордом-мэром Лондона. Впрочем, кто знает. Была ведь Жанна д'Арк; и не обязательно все должно заканчиваться костром.

Дома он рассказывает Лиз про бойцового пса. Она соглашается, что сравнение удачно. Про своеобразное обаяние он не упоминает, на случай если кардинал разглядел в нем что-то невидимое остальным.

* * *

Кардинал уже готов закрыть судебные слушания, оставив вопрос для дальнейшего рассмотрения, когда приходят вести из Рима: испано-немецкие войска императора, не получавшие жалованья несколько месяцев, взбунтовались и разорили Святой город. Ландскнехты в награбленных священнических ризах насиловали римских жен и девственниц, валили на землю статуи и монашек, разбивали их головы о мостовую. Простой солдат похитил наконец копья, пронзившего Спасителя, и закрепил на древке своей пики. Его товарищи вскрыли древние гробницы и развеяли по ветру прах. Воды Тибра переполнены трупами, на берег выбрасывает тела заколотых и задушенных. И самое прискорбное известие – папа захвачен в плен²⁰. Поскольку формально войском командует молодой император Карл, который наверняка воспользуется случившимся, в деле об аннуляции королевского брака возникли неодолимые препятствия. Покуда Карл – племянник Екатерины – может диктовать папе свою волю, прошения английского легата вряд ли будут удовлетворены.

Томас Мор говорит, что наемники для забавы жарили младенцев на вертелах. О да, он скажет! – восклицает Томас Кромвель. Послушайте, солдатам не до того. Они слишком заняты грабежом.

Мор носит под одеждой власяницу из конского волоса и бичует себя маленькой плеткой, вроде тех, что в ходу у некоторых монашеских орденов. У Томаса Кромвеля никак не идет из головы, что кто-то ведь изготавливает эти орудия для ежедневных истязаний. Кто-то расчесывает конский волос на грубые пряди, сплетает их и обрезает покороче, зная, что назначение щетины – впиваться в кожу, вызывая мокнущие болячки. Может, это монахи плетут власяницы, в праведном упоении щелкая ножницами и радостно предвкушая, какую боль причинят неизвестным людям? Или простые селяне долгими зимними вечерами мастертят плетки с вощенными узлами и продают по дюжине? Принимая деньги за честный труд, думают ли они о руках, в которые отдадут эти плетки?

Нет надобности самим причинять себе боль, думает он, она и без того нас найдет – и скорее рано, чем поздно. Спросите римских девственниц.

И еще он думает: лучше бы эти люди нашли себе другую работу.

* * *

Давайте, говорит кардинал, взглянем на ситуацию со стороны. Его милость не на шутку встревожен: залог европейской стабильности – в независимости папы и от императора, и от

²⁰ Отсылка к трагическому эпизоду Итальянских войн – разграблению Рима взбунтовавшимися наемниками императора Карла V, учинившими там кровавую резню, известную как «Sacco di Roma» (6 мая 1527). В ходе этих событий папа Климент VII, состоявший в антиимперской коалиции, был вынужден бежать, а его резиденция – Латеранский дворец, подверглась разграблению. Позднее папа сдался императору. – (Прим. О. Дмитриевой)

Франции. Однако гибкий ум придворного уже изыскивает способы обратить случившееся на пользу Генриху.

Допустим... ибо папа будет ждать, что в нынешних бедственных условиях сохранение порядка в христианском мире возьму на себя я, – допустим, я пересеку Ла-Манш, ненадолго задержусь в Кале, чтобы успокоить тамошних жителей и пресечь вредные слухи, затем отправлюсь во Францию и проведу переговоры с королем, дальше – в Авиньон, где знают, как принимать папский двор, и где мясники и пекари, сапожники и портные, держатели постоянных дворов и, конечно, шлюхи, ждут-пождут. Я приглашу к себе кардиналов, и мы соберем собор для управления делами церкви на то время, пока Климент вынужден терпеть гостеприимство императора. И если среди вопросов, вынесенных на собор, будет и частное дело нашего короля, что в том дурного? Не дожидаться же христианскому государю завершения военных событий в Италии? Почему бы нам не взять правление на себя? Вполне в силах человеческих или ангельских переправить письмо Клименту, пусть и томящемуся в плену, а затем тот же ангел или человек доставит ответ – без сомнения, подтверждающий наши полномочия. А когда, Божьей милостью, – мы все будем с нетерпением ждать этого дня – папа Климент вновь обретет свободу, его святейшество будет благодарен нам за поддержание порядка в Европе, и за такими мелочами, как подписи и печати, дело не станет. И – оп-ля! – король Англии снова холостяк.

* * *

Однако прежде король должен поговорить с Екатериной: не может его величество вечно быть на охоте, пока она ждет, терпеливая и непреклонная, за накрытым на двоих столом в своих личных покоях. В июне 1527 года тщательно выбритый и завитой, высокий и, в известном смысле, еще вполне ладный, одетый в белые шелка Генрих вступает в покои королевы, окутанный ароматом розовой эссенции: ему принадлежат все розы, все летние ночи.

Король говорит тихо, мягко, убедительно, с глубоким раскаянием. Будь он свободен выбирать, из всех женщин он бы выбрал только ее. Отсутствие сыновей не имеет значения; на все Божья воля. Он был бы счастлив обвенчаться с нею заново: на сей раз по закону. Увы, это невозможно. Она была женой его брата. Их брак нарушает Божьи установления.

Все слышат, что отвечает Екатерина. В дряблом теле, удерживаемом шнуровкой и китовым усом, голос, который слышно отсюда до Кале, от Кале до Парижа, от Парижа до Мадрида и Рима. Она не откажется от своего статуса, не откажется от своих прав; оконные стекла дрожат аж в Константинополе.

Что за женщина, замечает Томас Кромвель по-испански, ни к кому не обращаясь.

* * *

В середине июня кардинал готовится к поездке на континент. С наступлением тепла в Лондон вернулась потовая лихорадка, и город пустеет. Многие уже слегли, многим чудится, будто они заразились: голова болит, все тело ломит. В мастерских и лавках только и разговоров что о пилюлях и настоях; на улицах монахи бойко торгуют образками. Лихорадка впервые пришла к нам в 1485 году вместе с войсками первого Генриха Тюдора, и с тех пор каждые несколько лет снимает свой страшный урожай. Она убивает за день. Утром пел, говорят люди, к полудню помер.

Кардинал рад покинуть город, хоть и не может отправиться без свиты, приличествующей князю церкви. Надо убедить Франциска, чтобы тот освободил папу силой оружия, заверить, что английский король готов всячески поддерживать французского собрата, но при этом не обещать ни денег, ни войск. Если Господь пошлет попутный ветер, кардинал привезет не

только аннуляцию брака, но и договор о дружбе между Англией и Францией – такой договор, что у молодого императора задрожит массивная нижняя челюсть, а из узкого габсбургского глаза выкатится слеза.

Почему же кардинал не весел, расхаживая по своему кабинету в Йоркском дворце? «Так что я получу, Кромвель, за все свои старания? Королеву, которая меня не любит, отошлют прочь, и, если король будет упорствовать в своем безумии, ее место займут Болейны, которые меня тоже не любят: девица, затаившая на меня обиду, отец, давний мой ненавистник, и дядя, Норфолк, чья извечная мечта – увидеть меня мертвым в канаве. Как вы думаете, лихорадка к моему возвращению закончится? Говорят, моровые поветрия насылает Бог, но я не буду притворяться, будто знаю Его Промысел. А вы, пока меня не будет, уезжайте из города».

Он вздыхает: можно подумать, кардинал – единственный его клиент. Нет, не единственный, просто отнимающий больше всего времени. Работая на его милость, он сам оплачивает издержки: свои и тех, кого отправляет по кардинальским делам. Вулси говорит: компенсируйте себе расходы и не забудьте о вознаграждении; говорит без лукавства, ведь то, что хорошо для Томаса Кромвеля, хорошо для Томаса Вулси, и наоборот. Его юридическая практика процветает, он дает деньги в рост и договаривается о крупных займах за границей, получая за это посреднический процент. Рынок неустойчив: хорошие вести из Италии через день сменяются дурными. Однако как некоторые с первого взгляда оценивают достоинства лошади, так он с первого взгляда оценивает риск. Многие дворяне ему обязаны – не только за посредничество в займах, но и за увеличение доходов с поместий. Дело не в том, чтобы взыскать недоимки с арендаторов; главное – предоставить землевладельцу точную роспись земель, посевов, водных ресурсов, построек; оценить, сколько это все должно приносить, назначить толковых управляющих и одновременно ввести понятную, проверяемую систему учета. Торговцы обращаются к нему за советом, с кем из зарубежных партнеров можно иметь дело. Он разбирает арбитражные споры, по большей части коммерческие; его способность вникнуть в факты и вынести быстрое непредвзятое суждение ценится и здесь, и в Антверпене, и в Кале. Если вы с противной стороной согласны хотя бы в том, что не стоит тратить время и деньги на судебную тяжбу, значит, вам к Кромвелю, что обойдется куда дешевле; он часто находит решение, удовлетворяющее обе стороны.

Для него это хорошие дни; каждый день – сражение, в котором можно победить. «По-прежнему, как я вижу, служите своему иудейскому богу, – замечает сэр Томас Мор, – я имею в виду, своему идолу Мздоимства». Мор, прославленный на всю Европу ученый, проснувшись, взывает к Господу на латыни, – его же бог вещает стремительным говором рынков; пока Мор бичует себя плеткой, они с Рейфом бегут на Ломбард-стрит узнать сегодняшние обменные курсы. Не то чтобы он и впрямь бегал: старые раны дают о себе знать, и когда он устает, ступня выворачивается внутрь, словно пытаясь направить его назад. Люди перешептываются, что это наследие лета с Цезаре Борджиа. Ему нравится, что он окружен легендой. Но где теперь Цезаре? В могиле.

«Томас Кромвель? – говорят люди. – Вот у кого умище! Вы знаете, что он помнит наизусть весь Новый Завет?» Никто лучше его не разрешит богословский спор и не назовет арендаторам двенадцать убедительных причин, почему они должны платить столько и не пенсом меньше. Никто другой не выпутает вас из тяжбы, которую вы ведете на протяжении вот уже трех поколений, и не уговорит вашу хнычущую дочку выйти за человека, на которого она глядеть не хочет. С женщинами, животными и робкими истцами он мягок, но ваши кредиторы от него плачут. Он может поддержать разговор о цезарях или раздобыть вам венецианские бокалы по сходной цене. Если уж он открыл рот, никто его не переговорит. Никто другой не сохраняет такую ясную голову, когда рынок обваливается и плачущие люди на улице рвут заемные письма.

– Лиз, – говорит он однажды вечером. – Думаю, через год или два мы будем богаты.

Она вышивает Грегори рубаху – черной ниткой по белому полотну, как у короля, чьи рубахи королева шьет своими руками.

– На месте Екатерины я бы оставлял в них иголки, – говорит он.

Лиз улыбается.

– Нимало не сомневаюсь.

Когда он рассказал ей про встречу короля с Екатериной, Лиз замолчала и нахмурилась. Король убеждал королеву, что до вынесения окончательного решения им следует разъехаться. Быть может, ей лучше удалиться от двора. Екатерина ответила: нет, этому не бывать; она обратится к правоведам, а ему самому стоит подыскать себе лучших правоведов, лучших священников; а когда крики улеглись, люди, припавшие ухом к стене, услышали, что Екатерина плачет. Королю были неприятны ее слезы.

– Мужчины говорят, – Лиз тянется за ножницами, – «я не выношу женских слез», так же, как «я не выношу слякоти». Будто слезы льются сами по себе, а мужчины тут ни при чем.

– Но я ведь никогда не заставлял тебя плакать.

– Только от смеха.

Разговор сменяется умиротворенным молчанием. Она вся в вышивании, он думает о том, что делать с деньгами. Он поддерживает двух студентов, не родственников, в Кембридже; благословенна рука дающего. Эти пожертвования можно увеличить...

– Мне надо составить завещание, – произносит он вслух.

Она хватается его за руку.

– Не умирай, Том.

– Господи Боже, да я и не собираюсь!

Он думает: пусть я еще не богат, но я удачлив. Ни Уолтер меня тогда не убил, ни лето с Чезаре, ни лихие люди в темных проулках. Считается, что мужчины хотят передать свои знания сыновьям; он многое бы отдал, чтобы уберечь сына от своих знаний. Откуда у Грегори такой мягкий нрав? Не иначе как молитвами Лиз. Ричард Уильямс, сын Кэт, умен и настойчив. У Кристофера, сына другой сестры, тоже ясная голова. Но у Томаса есть Рейф Сэдлер, которому он доверяет, как сыну; не то чтобы династия, но, по крайней мере, начало. А тихие минуты, как сейчас, редки: дом все время полон людьми. Приходят те, кто хочет, чтобы их представили кардиналу. Художники в поисках заказчиков. Важные голландские богословы с книгами под мышкой, любекские купцы, длинно излагающие тяжеловесные немецкие шутки. Проезжие музыканты со странными инструментами, шумные представители итальянских банков; алхимики предлагают рецепты, астрологи – благоприятную судьбу; одинокие поляки, торговцы мехами, ищут кого-нибудь, говорящего на их языке; печатники, граверы, переводчики и шифровальщики, поэты, садовые архитекторы, каббалисты и геометры. Где-то они нынче ночью?

– Тсс, – говорит Лиз. – Прислушайся к дому.

В первый миг – ни звука. Затем – потрескивание деревянных панелей. Шуршание гнездящихся в дымоходе птиц. Легкий шелест деревьев за окном. Сонное дыхание детей в соседних комнатах.

– Идем в постель, – говорит он.

Этого король не может сказать жене. Да и женщине, в которую влюблен, тоже.

* * *

Тюки упакованы; свита немногим уступает в великолепии той, с которой кардинал семь лет назад прибыл на Поле золотой парчи. Поедут неспешно: Дартфорд, Рочестер, Февершем, три-четыре дня в Кентербери, чтобы вознести молитвы у гробницы Бекета.

Итак, Томас, говорит кардинал, если узнаете, что король добился Анны, напишите мне в тот же день. Я поверю, только если услышу от вас. Как узнаете? Думаю, по его лицу. Что если вы не удостоитесь чести видеть короля? Справедливое возражение. Надо было представить вас ко двору, пока у меня была такая возможность.

– Если король не пресытится ею скоро, – говорит он кардиналу, – я не представляю, что вам делать. Всем известно, что властители не отказывают себе в удовольствиях, но обычно их выбор можно как-то оправдать. Однако что вы можете сказать в защиту дочери Болейна? Что она принесет королю? Ни династического союза. Ни земли. Ни денег. Как вы изобразите ее достойной партией?

Вулси сидит, уперев локти в стол, вдавливая пальцы в закрытые веки. Потом глубоко вздыхает и начинает говорить. Кардинал говорит об Англии.

Вы не поймете Альбион, пока не обратитесь к той поре, когда Альбиона не было и в помине. Ко дням до легионов Цезаря, когда на месте будущего Лондона лежали кости испанских животных. Вы должны вернуться к эпохе Новой Трои, Нового Иерусалима, к грехам и преступлениям вождей, которые сражались под знаменами Артура и брали за себя женщин, вышедших из моря или из яйца, – женщин с чешуей, плавниками и перьями. Если вспомнить о них, говорит кардинал, брак с Анной не покажется таким уж необычным. Истории давние, однако не забывайте, Томас, некоторые в них верят.

Кардинал говорит о смерти королей: о том, как второго Ричарда заточили в замок Понтефракт и не то закололи, не то умили голодом. О том, как четвертый Генрих, узурпатор, умер от проказы – король так съезжился перед смертью, что стал не больше карлика или младенца. Кардинал говорит о победах пятого Генриха во Франции, о той цене – не деньгами, – которую пришлось заплатить за Азенкур. Говорит о французской принцессе, на которой женился великий монарх, – она была всем хороша, но ее отец сошел с ума и считал, будто сделан из стекла. От этого брака – пятого Генриха со стеклянной принцессой – родился еще один Генрих, правивший Англией, темной, как зима, зябкой, скудной, злосчастной. Эдуард Плантагенет, герцог Йоркский, пришел с первыми проблесками весны: он родился под знаком Овна – тем самым, под которым сотворен мир.

Когда Эдуарду было восемнадцать, он захватил корону – а все потому, что получил знамение. Его войско обессилело от боев и утратило всякую надежду, стояло самое темное время темнейшей из Господних зим, и он только что получил известие, которое должно было его сломить: отец и младший брат захвачены сторонниками Ланкастеров и, после многих издевательств и насмешек, казнены. Было Сретенье; в шатре, вместе со своими военачальниками, Эдуард молился о душах убиенных отца и брата. Наступило третье февраля, день святого Власия, холодный и пасмурный. В десять утра взошли три солнца: три облачных серебряных диска, лучащихся в морозной дымке. Их свет воссиял над пустыми полями и мокрыми лесами валлийского приграничья, над усталым, давно не получавшим жалованья войском. Рыцари и латники преклонили колени на мерзлой земле и вознесли молитвы сияющему небу. Жизнь Эдуарда обрела крылья и воспарила: в потоке лучезарного света он узрел свое будущее, увидел то, чего не видел никто другой, а это и значит быть королем. В битве при Мортимер-кроссе он пленил некоего Оуэна Тюдора, обезглавил того на ярмарочной площади Херефорда и бросил голову гнить на перекрестке дорог. Безвестная женщина принесла таз с водой, омыла отрубленную голову, расчесала окровавленные кудри.

С того дня – дня трех солнц – каждый взмах меча приносил Эдуарду победу. Через три месяца он короновался в Лондоне, но никогда больше не видел будущего так ясно, как в тот год. Эдуард брел через свое правление, как сквозь туман, слепо внимая советам астрологов, предсказателей и безумцев. Он не женился, как следовало, на заморской принцессе; вся его жизнь стала чередой полуобещаний неведомому числу женщин. Среди них была и некая Элеонора Тэлбот – что король в ней нашел? Говорят, будто она происходила – по материн-

ской линии – от девы-лебедя. И почему он в конце концов остановил свой выбор на вдове рыцаря из стана Ланкастеров? Потому ли, что ее холодная краса зажгла ему кровь? Нет; потому что леди Грей якобы вела свой род от женщины-змеи Мелузины. Ее можно видеть на старинных пергаментях: она обвиняет хвостом Древо познания и председательствует на бракосочетании Солнца и Луны. Мелузина выдавала себя за обычную принцессу, но однажды муж увидел ее нагой и приметил змеиный хвост. Выскользнув из его объятий, Мелузина предрекла, что ее дети дадут начало династии, которая будет править вечно и получит от дьявола безграничную власть. Она исчезла, говорит кардинал, и больше ее не видели.

Часть свечей догорела, но Вулси не требует, чтобы принесли новые.

– Итак, советники Эдуарда хотели женить его на французской принцессе, как... как и я. И что в итоге? Кого он выбрал?

– Сколько времени с тех пор прошло, со дней Мелузины!

Поздно; огромный Йоркский дворец затих, спит; река неслышно струится в берегах, намывая ил. В этих вопросах, говорит кардинал, нет счета времени; эти существа выскалывают из наших рук сквозь века, лукавые, змеистые, переменчивые.

– Однако эта женщина, на которой женился Эдуард, вроде бы имела какие-то права на кастильский трон? Очень древние, очень запутанные.

Кардинал кивает.

– Это и означали три солнца. Трон Англии, трон Франции и трон Кастилии. Так что когда наш король женился на Екатерине, он приблизился к своим старинным правам. Не то чтобы кто-нибудь посмел изложить это королеве Изабелле и королю Фердинанду именно в таких выражениях. Однако полезно помнить и при случае упоминать, что наш король – правитель трех королевств. Должен быть по справедливости.

– По вашему рассказу, милорд, выходит, что дед нашего короля Плантагенет обезглавил его прадеда Тюдора.

– Это тоже следует помнить, однако не упоминать вслух.

– А Болейны? Мне казалось, они были купцами. Мне следовало знать, что у них есть змеиные жала или крылья?

– Вы надо мной насмехаетесь, мастер Кромвель.

– Отнюдь. Просто если вы оставляете меня приглядывать за делами, мне необходимо иметь самые полные сведения.

Кардинал заводит речь об убийствах, о грехах, которые предстоит искупить. Рассказывает о шестом Генрихе, убитом в Тауэре, о короле Ричарде, рожденном под созвездием Скорпиона – знаком тайных сделок, бедствий и пороков. При Босворте, где пал Скорпион, не все поняли, куда дует ветер удачи. Герцог Норфолкский бился на проигравшей стороне и был лишен титула. Много усилий стоило его сыну вернуть себе земли и звания. Мудрено ли, что Норфолк до сих пор трепещет монаршего гнева, страшась под горячую руку вновь все потерять?

Кардинал видит, что его поверенный берет сказанное на заметку, и продолжает рассказ. Кардинал говорит о костях под мостовыми Тауэра, костях, вмурованных в пристани и затянутых речным илом. О двух сыновьях Эдуарда, младший из которых упорно воскресал и едва не сбросил Генриха Тюдора с трона. О монетах, которые чеканил самозванец, с посланием Тюдору: «Твои дни сочтены. Ты взвешен на весах и найден очень легким».

Говорит о том, как страшились тогда новых междоусобиц. Екатерину обручили с наследником английского трона еще в младенчестве. В три года она уже звалась принцессой Уэльской, но прежде чем отправить дочь из Коруньи, Изабелла и Фердинанд требовали за нее плату плотью и кровью. Они попросили будущего свата обратить внимание на главного претендента из рода Плантагенетов – племянника братьев-королей Эдуарда и Ричарда, которого с десяти лет содержали в Тауэре. Король сдался на уговоры. Белую розу, двадцати

четырёх лет от роду, вывели на свет Божий и обезглавили. Однако всегда есть другая Белая роза; Плантагенеты плодятся, хоть и не безнадзорно. Всегда будет необходимость убивать, говорит кардинал, надо ожесточить сердце; правда, я не знаю, смогу ли когда-нибудь ожесточиться в должной мере. Мне всегда худо, когда кого-нибудь казнят. Я молюсь о них всех. Порой даже о гнусном короле Ричарде, хотя, как утверждает Томас Мор, Ричард горит в аду.

Вулси смотрит на свои руки, крутит на пальцах перстни.

– Любопытно... любопытно, который из них...

Завистники утверждают, будто у кардинала есть перстень, который позволяет владельцу летать по воздуху и сводить в могилу врагов. Кольцо обезвреживает яды, укрощает диких зверей, привлекает любовь властителей и спасает от утопления.

– Другие, видимо, знают, милорд: они нанимают магов сделать копию.

– Если бы я знал, я бы сам сделал копию. И подарил вам.

– Я как-то взял в руки змею. В Италии.

– Зачем вам это понадобилось?

– На пари.

– Она была ядовитая?

– Мы не знали. В том-то и была суть пари.

– Она вас укусила?

– Конечно.

– Почему конечно?

– Тогда не о чем было бы рассказывать, верно? Если бы я просто подержал ее и отпустил.

Кардинал невольно хмыкает.

– Что я буду без вас делать, Томас, среди жалящих исподтишка французов?

* * *

Дома, в Остин-Фрайарз, Лиз уже спит, но ворочается в постели. Она наполовину просыпается и принимает к нему. Он говорит:

– Дед нашего короля женился на змее.

Лиз бормочет: «Я сплю или нет?» Мгновение – и она уже повернулась на бок, выбросив руку. Интересно, что ей теперь приснится? Он лежит без сна, думает. Все победы, все свершения Эдуарда оплачены деньгами Медичи; их заемные письма куда важнее всех знамений и чудес. Если король Эдуард был, как многие полагают, не сын своего отца, герцога Йоркского, если, как гласит молва, мать родила Эдуарда от честного английского лучника по имени Блейбурн и если Эдуард женился на женщине-змее, то их потомство... на ум приходит слово «ненадежно». Если верить всем старым историям, а некоторые, не будем забывать, им верят, наш король отчасти бастард, отчасти тайный змей, отчасти валлиец и весь целиком – должник итальянских банков... Он тоже уплывает в сон: место страниц с аккуратными колонками цифр занимают призрачные миры. Всегда старайтесь, говорит кардинал, узнать, что у людей под одеждой, поскольку там не только тело. Выверни короля наизнанку – найдешь чешуйчатых предков: теплую, плотную, змеиную плоть.

Когда в Италии он на пари взял в руки змею, ее надо было держать, пока свидетели сосчитают до десяти. Они считали довольно медленно, на медленном языке: *айн, цвай, драй*... На счет «четыре» испуганная змея дернулась и укусила его. Между четырьмя и пятью он крепче стиснул кулак. Кто-то кричал: «Да брось ты ее, Христа ради!» Одни молились, другие сыпали ругательствами, третьи продолжали считать. Змейка выглядела полузадушенной; когда свидетели досчитали до десяти, не раньше, он мягко опустил ее на землю, и она ускользнула в свое будущее.

Боли не было, однако ранка покраснела. Он машинально попробовал ее на вкус, укусил собственное запястье, дивясь белизне английской плоти с внутренней, сокровенной стороны руки; увидел тонкие сине-зеленые сосуды, куда змея выпустила яд.

Он получил выигрыш и стал ждать смерти, однако не умер, напротив, стал крепче, проворнее, изворотливее. Ни один миланский каптенармус не мог его переорать, ни один прожженный бернский капитан не решался спорить с человеком, который, по слухам, сначала втыкает клинок под ребра, а потом торгуется. Июль, жарко. Он спит и видит сон. Где-то в Италии змейка вывела детенышей и назвала их Томасами; они хранят в памяти образ Темзы, низкие илистые берега, не заливаемые даже в прилив, даже по высокой воде.

На следующее утро, когда он просыпается, Лиз еще спит. Простыни влажные. Она теплая, разморенная, лицо – гладкое, как у молоденькой. Он целует прядь волос на лбу, чувствует губами соль. Она бормочет: «Скажи, когда вернешься».

– Лиз, – говорит он, – я не уезжаю с Вулси.

Приходит цирюльник его побрить. Он видит в отполированном зеркале свои глаза: живые и как будто змеиные. До чего странный сон, думает он про себя.

На лестнице ему кажется, будто Лиз вышла его проводить – наверху вроде бы мелькнул ее белый чепец. «Лиз, иди, спи дальше». И тут же, обернувшись, видит, что обознался, – на лестнице никого нет. Он берет бумаги и уходит в Грейз-инн.

* * *

Встреча не деловая, тайная: обсуждают тексты, местонахождение Тиндейла (где-то в Германии) и насущные проблемы коллеги-юриста (кто скажет, что он не может находиться в Грейз-инн?) Томаса Билни, за детский рост и вертлявость прозванного Маленьким Билни. Маленький Билни – правовед, священник, член Тринити-холла – ерзает по скамье худым задом и, суча ножками, рассказывает о своем служении прокаженным.

– Писание для меня – мед. Я упиваюсь словом Божиим.

– Христа ради, – говорит он, – не вздумайте вылезать из своей норы. Кардинал уехал, теперь у епископа Лондонского, не говоря уже о нашем друге из Челси, руки развязаны.

– Мессы, посты, бдения, индульгенции – все бесполезно, – говорит Билни. – Мне это явлено. Осталось только пойти в Рим и побеседовать с его святейшеством. Я уверен, что папа примет мою точку зрения.

– Вы находите свои взгляды оригинальными? – мрачно спрашивает он. – Да, отец Билни, я согласен: мысль, что папа обрадуется вашим советам, и впрямь оригинальна.

Он выходит, бросая напоследок: вот человек, готовый прыгнуть в огонь. Будьте осторожнее, государи мои.

* * *

Рейфа он на эти встречи не берет: не хочет втягивать никого из домочадцев в опасное общество. Кромвели – образец набожности и правоверия. Мы не должны вызывать нареканий, говорит он.

Остаток дня ничем не примечателен. Он вернулся бы домой рано, если бы не договорился встретиться в немецком квартале, Стильярде, с человеком из Росток, который привез своего друга из Штеттина, пообещавшего учить его польскому.

Польский – еще хуже валлийского, говорит он в конце вечера. Мне надо будет чаще практиковаться. Заглядывайте в гости. Если предупредите заранее, мы засолим селедку, если нет, то, как говорится, чем богаты.

* * *

Когда приходишь домой в сумерках, а там горят факелы, сразу понимаешь – что-то стряслось. Летний воздух упоительно свеж, и ты, входя в дом, чувствуешь себя молодым, беспечным и тут замечаешь убитые лица. При виде тебя все отворачиваются.

Мерси выходит и встает рядом; хотя ее имя означает «милость», милости ждать неоткуда.

– Говори, – молит он.

Она отводит глаза.

Он думает: Грегори. Думает: мой сын умер. И тут же понимает кто, потому что не видит Лиз.

– Говори, – повторяет он.

– Мы искали тебя. Мы сказали, Рейф, беги в Грейз-инн, приведи его, но сторожа ответили, что не видели тебя весь день. Рейф сказал, верьте мне, я его приведу, хоть бы пришлось обыскать весь город. Но тебя нигде не было.

Он вспоминает утро: влажные простыни, влажный лоб. Лиз, думает он, неужто ты не боролась? Будь я здесь, я бы ударил смерть по костлявой башке. Я бы распял ее на стене спальни.

Девочки еще не спят, хотя кто-то передел их в ночные сорочки, будто сейчас обычный вечер. Ножки и ручки голенькие, ночные чепцы – круглые, кружевные, сшитые матерью – кем-то из взрослых аккуратно завязаны под подбородком. Энн с каменным лицом держит Грейс за руку. Та смотрит на него удивленно: почему он здесь? Она почти никогда не видит отца, но безропотно дает взять себя на руки. Приникает к плечу и тут же засыпает, обвив ручонками его шею.

– А сейчас, Энн, мы должны отнести Грейс в постель, потому что она маленькая. Знаю, ты сейчас не заснешь, но тебе придется лечь с ней – вдруг она замерзнет.

– Я тоже могу замерзнуть, – говорит Энн.

Мерси идет с ним в детскую. Он укладывает спящую Грейс. Энн плачет, но беззвучно. Я с ними посижу, говорит Мерси, он отвечает: я сам. Ждет, пока у Энн перестают течь слезы, а ее ладошка в его руке становится мягкой и тяжелой.

Такое случается, но не с нами.

– Теперь покажите мне Лиз, – говорит он.

Комната – еще сегодня утром их общая спальня – пропахла ароматическими травами, которые жгут, чтобы прогнать заразу. В голове и ногах горят свечи. Челюсть Лиз подвязали платком, так что она уже не похожа на себя. Лицо бесстрашное и такое, будто она сейчас примет его судить. На поле брани он видел убитых с выпущенными кишками – Лиз выглядит мертвее.

* * *

Он спускается вниз – выслушать отчет о ее смерти. В десять утра, говорит Мерси, она села: Господи Иисусе, как я утомилась. Среди бела дня. Непохоже на меня? – спросила она. Я сказала: непохоже, Лиз. Потом тронула ее лоб и сказала: Лиз, голубушка... Я сказала, иди сейчас же ляг, ты вся вспотела. Она ответила, нет, я только минуточку посижу, голова кружится, наверное, надо что-нибудь съесть, но когда мы сели за стол, она отодвинула тарелку...

Ему хочется, чтобы Мерси сократила рассказ, но он понимает, что ей надо проговорить все вслух, минута за минутой. Как будто она упаковала слова и протягивает ему сверток – теперь это твое.

В полдень Элизабет легла. Ее бил озноб, хотя кожа пылала. Она спросила: здесь ли Рейф? Пусть сбегает за Томасом. Рейф ушел, а за ним и другие, но тебя не нашли.

В половине первого она сказала: передайте Томасу, чтобы он позаботился о детях. А дальше? Жаловалась на головную боль. А мне ничего еще не просила передать? Нет, говорила, что хочет пить, больше ничего. Ну да, Лиз всегда была немногословной.

В час она попросила позвать священника. В два исповедалась. Сказала, что как-то взяла в руки змею, в Италии. Священник объяснил, что она бредит, и дал ей отпущение. Он очень торопился, говорит Мерси, очень торопился уйти из дома – боялся подхватить заразу и умереть.

К трем она впала в забытие, к четырем навсегда оставила бремя земной жизни.

Думаю, говорит он, она бы хотела, чтобы ее похоронили с первым мужем.

Почему ты так думаешь?

Потому что я появился позже.

Он уходит. Незачем давать распоряжения о траурной одежде, плакальщиках, свечах. Как всех умерших от морового поветрия, Лиз придется хоронить быстро. Он не сможет послать за Грегори и собрать родственников. По закону семья должна повесить на дверь пучок соломы – знак, что в доме зараза, и в течение сорока дней никого без крайней необходимости не впускать и не выходить.

Мерси говорит, это могла быть любая горячка, нам не обязательно признаваться, что у нас потовая лихорадка... Если бы все оставались дома, жизнь в Лондоне бы замерла.

Нет, говорит он, мы должны соблюдать правила. Их составил милорд кардинал, и я обязан им подчиняться.

Мерси спрашивает: так где же ты все-таки был? Он смотрит ей в лицо, говорит: ты знаешь Маленького Билни? Я был с ним, предупредил, чтобы он не прыгал в огонь.

А потом? Потом я учил польский.

Ах ну да, конечно, говорит она.

Она даже не пытается понять, он и не рассчитывает понять лучше, чем сейчас. Он знает наизусть Новый Завет, но попробуй найди текст – для такого.

Позже он будет вспоминать то утро и вновь захочет увидеть мелькнувший белый чепец, хотя когда он обернулся, на лестнице никого не было. Ему хочется воображать ее на фоне домашней суеты и тепла, на пороге со словами: «Скажи мне, когда вернешься». Однако он видит ее одну, в дверях; за спиной у нее пустота, голубовато-белесый свет.

Он вспоминает их свадебный вечер: ее длинное платье из тафты и то, как она настороженно обнимала себя за локти. На следующее утро она сказала: «Вот и славно».

И улыбнулась. Вот и все, что она ему оставила. Лиз всегда была немногословной.

* * *

Месяц он дома, читает. Читает Писание, но знает, что там написано. Читает любимого Петрарку, который обличал лекарей. Они бросили его, еще живого, умирать от лихорадки, а когда вернулись наутро, он сидел и писал. После этого поэт больше не верил врачам, однако Лиз не дожидаясь врачебного совета, доброго или дурного, не дожидая аптекаря с кассией, калгановым корнем, полынью и молитвами на листочках.

У него есть книга Никколо Макиавелли «Государь», латинское издание, скверно отпечатанное в Неаполе и сильно затрепанное прежними владельцами. Он думает о Никколо на поле брани, о Никколо в пыточной камере. Он сам в пыточной камере, но знает, что однажды отыщет выход, потому что ключи у него. Кто-то спрашивает: что у тебя в этой книжечке? Он отвечает: несколько афоризмов, несколько общих мест, ничего такого, чего мы не знали бы раньше.

Всякий раз, когда он поднимает глаза от книги, Рейф Сэдлер рядом. Рейф тоненький, как тростинка; любимая шутка – притворяться, будто его не видишь и спрашивать: «Интересно, где Рейф?» Ричард и другие мальчишки всякий раз хохочут, как маленькие. Глаза у Рейфа голубые, волосы – соломенно-желтые, сразу видно: не Кромвель. Однако характером юноша весь в воспитателя: упорный, ехидный, все ловит на лету.

Они с Рейфом читают книгу про шахматы, отпечатанную еще до его рождения, но с картинками. Изучают рисунки, совершенствуются в игре. Иногда подолгу – кажется, будто часами – ни один не делает хода.

– Я болван, – говорит Рейф, кладя палец на голову пешки. – Когда мне сказали, что вы не в Грейз-инн, я должен был сообразить, что вы там.

– Откуда ты мог знать? Я не всегда там, где мне быть не след. Ты двигаешь пешку или просто ее трогаешь?

– *J'adoube*²¹. – Рейф торопливо отдергивает руку.

Довольно долго они смотрят на фигуры и наконец соображают, что расстановка неизбежно ведет к пату.

– Мы слишком друг для друга хороши.

– Быть может, следует играть с кем-нибудь еще.

– Попозже. Когда будем готовы разнести любого в пух и прах.

– Погодите. – Рейф делает ход конем. В ужасе смотрит на результат.

– Рейф, ты *foutu*²².

– Не обязательно. – Рейф трогает лоб. – Вы еще можете допустить промах.

– Верно. Надеяться надо всегда.

Снаружи голоса, солнечный свет. Он чувствует, что уже почти может спать, но во сне Лиз Уайкис возвращается, и потом надо заново привыкать, что ее нет.

На втором этаже слышится детский плач, потом шаги. Плач затихает. Он берет короля и переворачивает, чтобы посмотреть, как сделана фигура. Бормочет: «*J'adoube*», ставит короля на место.

* * *

На улице моросит. Энн Кромвель сидит с ним, пишет в тетрадке латинские слова. К Иоаннову дню она знает все правильные глаголы. Энн сообразительнее брата, и он ей об этом говорит. Ну-ка, дай глянуть. Оказывается, она исписала всю страницу своим именем: Энн Кромвель, Энн Кромвель...

Из Франции приходят вести об успехах кардинала, парадах, многолюдных мессах, блистательных латинских речах, произнесенных без подготовки. Впечатление такое, будто его милость служил у каждого алтаря в Пикардии и даровал всем молящимся отпущение грехов. Несколько тысяч французов могут теперь грешить с чистого листа.

Король по большей части в Болье, эссекском поместье, которое его величество приобрел у сэра Томаса Болейна, теперь – виконта Рочфорда. Днем король охотится, невзирая на дожди, по вечерам развлекается. Герцог Суффолк и герцог Норфолк ужинают в тесном кругу со своим монархом и новоиспеченным виконтом. Герцог Суффолк – старинный друг короля, и если Генрих скажет: сделайте мне крылья, чтобы я полетел, Суффолк спросит: какого цвета? Герцог Норфолк, разумеется, старший из Говардов, шурин Болейна – поджарый гончий пес, всегда гонится за своей выгодой.

²¹ Поправляю (фр.).

²² Влип (фр.).

Он не пишет кардиналу, что вся Англия уверена: король женится на Анне Болейн. Новостей, которых хочет кардинал, у него нет, поэтому он не пишет вовсе. Поручает клеркам уведомлять его милость о состоянии юридических дел и финансов. Напишите, что у нас все хорошо, говорит он. Заверьте его милость в моем совершеннейшем почтении. Добавьте, что мы очень ждем возвращения его милости.

Никто в доме больше не заболевает. В этом году Лондон отделался легко – по крайней мере, так говорят. Во всех церквах возносят благодарственные молитвы – или, может, правильнее называть их молитвами облегчения? На тайных ночных сборищах вопрошают Божий Промысел. Лондон знает свои грехи. Как учит нас Библия, «купец едва ли может избежать прегрешений». А еще написано: «Кто спешит разбогатеть, тот не останется безнаказанным». Привычка цитировать – верный знак душевного смятения. Кого Господь любит, того и карает.

В начале сентября уже можно собраться всей семьей, чтобы помолиться о Лиз, совершить церемонии, без которых они ее проводили. Двенадцать приходских бедняков получают черное платье – те самые плакальщики, что шли бы за гробом. Каждый из членов семьи заказывает мессы за упокой ее души на семь лет вперед. В назначенный день небо ненадолго проясняется, но теплее не становится. «Прошла жатва, кончилось лето, а мы не спасены».

Маленькая Грейс просыпается ночью и говорит, что видела маму в саване. Она плачет не как ребенок, икая и заходясь в рыданиях, а как взрослая, тихо роняя слезы.

Все реки текут в море, но море не переполняется.

* * *

Морган Уильямс с каждым годом все усыхает. Маленький, седой, растерянный, Морган стискивает ему руки и говорит: «Почему уходят лучшие? Ну почему?» и «Я знаю, Томас, ты был с нею счастлив».

Дом в Остин-Фрайарз вновь полон: женщины, дети, солидные мужчины в траурных одеждах, почти неотличимых от повседневной деловой одежды судейских и купцов, счетоводов и торговых посредников. Приехала его сестра Бет с двумя сыновьями и маленькой дочкой Алисой. Кэт тоже приехала: сестры советуются, кто поселится в доме, чтобы помогать Мерси с детьми, «пока ты, Том, снова не женишься».

Его племянницы, две славные девчушки, перебирают четки и озираются, не зная, что надо делать дальше. Все разговаривают, не обращая на них внимания. Они прислоняются к стене, стреляют друг в друга глазами и медленно-медленно сползают на корточки, так что их почти и не видно. Тут же слышится: «Алиса! Джоанна!» Девочки медленно выпрямляются; лица – торжественно-серьезные. Подходит Грейс, они молча хватают ее, стаскивают чепец и начинают заплетать белокурые волосы. Зятя и свояки говорят о миссии кардинала во Франции; он наблюдает за дочерью. Девочки так сильно тянут Грейс за волосы, что глаза у нее стали совсем круглые от страха, рот раскрыт, как у рыбы. Наконец она тихонько вскрикивает, и старшая Джоанна, сестра Лиз, подбежав, хватает ее в охапку. Глядя на Джоанну, он думает, как и прежде думал не раз: до чего сестры похожи. Были похожи.

Его дочь Энн поворачивается спиной к женщинам и берет за руку дядю.

– Мы беседуем про Нидерланды, – говорит ей Морган.

– Могу точно сказать, дядя, в Антверпене не обрадуются, если Вулси подпишет договор с Францией.

– То же самое мы говорим твоему отцу. Но он упорно стоит за кардинала. Ну же, Томас! Ты ведь любишь французов не больше нашего!

Они не знают, а он знает, как сильно кардиналу нужна дружба Франциска: без поддержки одной из главных европейских держав как королю получить развод?

– Договор о вечном мире? Дай-ка вспомнить, когда у нас был последний вечный мир? Ручаюсь, нынешнего хватит на три месяца, – со смехом говорит его зять Уэллифед, а Джон Уильямсон, муж Джоанны, предлагает пари: три месяца, шесть месяцев? Потом вспоминает, что они собрались по скорбному поводу. «Прости, Том», – говорит Уильямсон и заходится в приступе кашля.

– Если старый спорщик будет так кашлять, – подает голос Джоанна, – он до весны не дотянет, и тогда я выйду за тебя, Том.

– Правда?

– Конечно. Как только получу из Рима нужную бумагу.

Все прячут улыбки. Переглядываются многозначительно. Грегори говорит: а что тут смешного. На свояченице ведь жениться нельзя. Потом отходит в уголок поболтать с двоюродными братьями – сыновьями Бет Кристофером и Уиллом, сыновьями Кэт Ричардом и Уолтером. Зачем они назвали сына Уолтером? Чтобы отец и по смерти напоминанием о себе не давал им быть слишком счастливыми? Он благодарит Бога, что Уолтера с ними уже нет. Конечно, надо быть добрее к отцу, но его доброты хватает только на оплату заупокойных месс.

В год перед окончательным возвращением в Англию он несколько раз переправлялся туда-сюда, не зная, что выбрать. У него было много добрых друзей в Антверпене, не говоря уже о деловых связях, а растущий с каждым годом город подходил ему как нельзя лучше. Если он и тосковал, то лишь по Италии: по свету, языку, по тому, как там обращались к нему: Томмазо. Венеция навсегда излечила его от ностальгии, Флоренция и Милан научили мыслить более гибко, чем принято у англичан. Однако что-то его тянуло обратно: желание узнать, кто умер, а кто родился, увидеть сестер, вспомнить детство, посмеяться (почему-то задним числом такое всегда смешно). Он написал Моргану Уильямсу: я собираюсь переехать в Лондон. Только не сообщайте отцу, что я возвращаюсь.

В первые месяцы на него наседали, мол, надо бы тебе навестить отца. Уолтер Кромвель переменился – не узнать. Бросил пить – понял, что пьянство сводит его в могилу. Ладит с законом. Даже отработал в свою очередь церковным старостой.

Да неужто? И не упивался вином для причастия? Не прикарманивал деньги за свечи?

Никакие уговоры не заставили его поехать в Патни. Он ждал больше года, и только женившись и став отцом, решил, что теперь можно.

Он прожил за границей двенадцать лет и теперь дивился перемене в людях. Годы ожесточили одних, смягчили других, но постарели все. Стройные отощали и усохли, полнотелые раздались еще больше. Лица обрюзгли и утратили выразительность, яркие глаза потускнели. Некоторых он и вовсе не узнавал, по крайней мере, с первого взгляда.

Однако Уолтера он бы узнал в любом случае. Глядя на приближающегося отца, он подумал: это я вижу себя через двадцать – тридцать лет, если Бог даст столько прожить. Говорили, что пьянство чуть не загнало Уолтера в гроб, но старик выглядел отнюдь не полумертвым, а таким же, как всегда: будто может одним ударом свалить тебя с ног и, если надумает, свалит. Низенькое коренастое тело стало еще более кряжистым, темные курчавые волосы почти не тронуты сединой. Маленькие желтовато-карие глазки по-прежнему буравили насквозь. Кузнецу нужен хороший глаз, говаривал Уолтер. Всякому нужен хороший глаз, иначе тебя оберут до нитки.

– Где ты был? – полубопытствовал Уолтер. Раньше это прозвучало бы угрозой, сейчас – только брюзжанием. Как будто Уолтер отправил сына с поручением в Мортлейк и тот долго не возвращался.

– Да так... Там-сям.

– Ты похож на иностранца.

– Я и есть иностранец.

– И что же ты там делал?

Он представил себе, как отвечает: «то-се», в итоге так и ответил.

– А каким тем-сем занимаешься сейчас?

– Изучаю право.

– Право! – проворчал Уолтер. – Если бы не так называемое право, мы бы сейчас были лордами. Хозяевами поместья. И всех здешних поместий.

Интересная мысль, подумал он. Если бы лордами становились те, кто сильнее, драчливее и нахрапистее других, Уолтер был бы лордом. Однако все еще хуже: Уолтер считал себя ограбленным. Все детство он слышал: Кромвели-де были богачами, владели поместьями. «Когда, где?» – спрашивал он, и Уолтер орал: «Где-то там, на севере! Вечно ты к словам цепляешься!» Уолтер злился, когда ему не верили, даже если врал в глаза. «Как же мы доказались до нынешней бедности?» – спрашивал сын. А все сутяжники, да крючкотворы, да те мошенники, что отбирают землю у честных людей, отвечал отец. Разберись, если сможешь, а я вот не могу, хотя умом меня Бог не обидел. Как можно тащить меня в суд и штрафовать за выпас овец на общинной земле? Будь все по-честному, это была бы моя земля.

Как же так, если земли были на севере? Бесполезно спрашивать – только нарвешься на очередную трепку. «А деньги? – не отставал он. – Они-то куда делись?»

Лишь один раз, по трезвому делу, Уолтер сказал нечто очень похожее на правду: думаю, мы их спустили. Что сплыло то сплыло. Если богатство промотано, его уже не вернуть.

Он думал над этими словами все двенадцать лет и теперь спросил:

– Если Кромвели когда-то были богаты и я верну наше состояние, ты будешь доволен?

Это было произнесено мягко, но Уолтера смягчить нелегко.

– Вернешь и разделишь, так, что ли? С этим чертом Морганом, с которым вы друзья – не разлей вода. Будь все по-честному, это были бы мои деньги.

– Это были бы семейные деньги, – сказал он, а про себя подумал: мы что, взбесились? Не прошло и пяти минут, а мы уже ругаемся из-за несуществующего богатства. – Теперь у тебя есть внук, – и добавил мысленно: и ты его не увидишь.

– У меня они уже давно есть. Внуки. И кто она? Голландка?

Он рассказал про Лиз Уайкис, признавшись таким образом, что по приезду в Англию успел жениться и завести сына.

– Подцепил богатую вдовушку, – хмыкнул Уолтер. – Видать, это было важнее, чем навестить меня. Да уж, конечно, ты думал, я помру. Законник, говоришь? У тебя с детства язык без костей. Никакой оплеухой тебя было не заткнуть.

– Но видит Бог, ты пытался.

– Небось теперь и не признаешься никому, что работал в кузне. Или что ходил помогать дяде Джону и спал на очистках от репы.

– Господь с тобой, отец, какая репа в Ламбетском дворце? Неужто ты думаешь, будто кардинал Мортон ел репу?

Дядя Джон был поваром у великого человека; маленький Том бегал в Ламбет, потому что там можно было сытно поесть. Обычно он вертелся у входа, ближайшего к реке – Мортон тогда еще не построил надвратной башни, – и смотрел на въезжающих и выезжающих, спрашивал, кто они, чтобы в следующий раз узнать их по цветам одежды, животным и предметам на гербах. «Не стой как пень, – кричали ему, – займись чем-нибудь полезным!»

Другие мальчишки занимались чем-нибудь полезным на кухне: подавали и уносили, ошипывали детскими пальчиками жаворонков и обрывали цветоножки у клубники. Каждый день перед обедом челядь выстраивалась в процессию; торжественно вносили скатерти и большую солонку. Дядя Джон измерял хлебы, и если они оказывались больше или меньше, чем нужно, бросал их в корзину для прислуги. Те, что проходили проверку, дядя Джон отправлял в обеденную залу; стоя рядом и изображая его помощника, племянник научился

считать. Туда же, в залу, отправлялись мясо и сыр, засахаренные фрукты и пряные лепешки – на архиепископский (тогда Мортон еще не был кардиналом) стол. Когда остатки и объедки возвращались на кухню, их делили. Лучшее доставалось поварам, то, что похуже – больнице и богадельне, а также нищим у ворот. То, что не годилось даже нищим, отдавали детям и свиньям.

Утром и вечером кухонные мальчишки носили наверх и ставили в шкафы хлеб и пиво для молодых джентльменов, служивших у кардинала пажами. Пажи были из хороших семей. Они прислуживали за столом и таким образом знакомились с великими мужами, слушали их беседы и учились. Когда пажи не прислуживали, они черпали знания у преподавателей музыки и других наук. Преподаватели расхаживали по дворцу с бутоньерками и ароматическими шариками и говорили по-гречески. Ему указали на одного из пажей, мастера Томаса Мора, про которого сам архиепископ говорил, что тот станет великим человеком – так обширны уже были его познания и так приятна речь.

Однажды он принес пшеничный хлебец и положил в буфет, но не ушел, и мастер Томас спросил: «Чего ты ждешь?» – однако ничем в него не бросил. «Что в этой большой книге?» – спросил он, и мастер Томас ответил с улыбкой: «Слова, слова, просто слова».

Кто-то сказал, мастеру Томасу в этом году четырнадцать и он едет в Оксфорд.

Том Кромвель не знает, где это – Оксфорд и по своей ли воле мастер Томас туда едет или его отправляют. Мальчика можно отправить не спрашивая, а мастер Томас еще не взрослый мужчина.

Четырнадцать это дважды семь. Мне семь? – спрашивает он. Отец кричит: Бога ради, Кэт, придумай ему день рождения! Скажи что угодно, лишь бы отстал.

Когда отец говорит «глаза бы мои на тебя не глядели», он уходит в Ламбет. Когда дядя Джон говорит «на этой неделе у нас достаточно мальчишек» и «дьявол найдет занятие праздным рукам», возвращается в Патни. Иногда дядя дает ему с собой гостинец. Это могут быть голуби, связанные лапками, с открытыми окровавленными клювами. Он идет вдоль реки и крутит их над головой, так что они как будто летают, пока кто-нибудь не кричит: перестань! Что бы он ни делал, кто-нибудь принимается орать. Мудрено ли, говорит дядя Джон, если ты участвуешь во всех мальчишеских проказах, дерзишь и вечно оказываешься там, где тебе быть не след.

В холодной каморке рядом с кухней сидит женщина по имени Изабелла. Она лепит марципановые фигурки, которыми архиепископ с друзьями играют после ужина. Иногда это герои – король Александр, король Цезарь. Иногда святые; сегодня я леплю святого Томаса Бекета, говорит она. Как-то она лепила марципановых зверей и подарила ему льва. Можешь съесть, сказала Изабелла. «Нет, я лучше его сохранию», – сказал он, но Изабелла посоветовала этого не делать, ведь фигурка скоро развалится. «У тебя что, матери нет?» – спросила она.

Он учился читать по запискам из буфетной: столько-то муки, столько-то сушеных бобов, ячменя и утиных яиц. Для Уолтера смысл умения читать в том, чтобы дурить неграмотных; для того же надо уметь писать. Поэтому отец отправляет его к священнику. И снова он все делает не так, потому что у священников странные правила: на урок надо приходить специально, а не по дороге куда-нибудь, и не приносить с собой жабу в мешочке или ножи, которые надо поточить; нельзя являться в синяках и ссадинах от двери (по имени Уолтер), на которую он вечно налетает. Священник орет и забывает его покормить, так что он снова уходит в Ламбет.

Когда он возвращается в Патни, отец спрашивает, где тебя черти носили, если только отец не в доме, на мачехе. Мачехи обычно надолго не задерживаются; отец, получив свое, выставляет их из дома, так что он узнает про то, что они были, только от хохочущих сестер. Однажды он приходит домой грязный и вымокший; сегодняшняя мачеха спрашивает: «Чей это мальчишка?» – и пытается выгнать его взащей.

Как-то раз, уже на подходе к дому, он находит первую Беллу: она лежит на улице, никому не нужная, размером не больше крысы, и так замерзла и напугана, что даже не скулит. Он входит в дом, неся в одной руке щенка, в другой – завернутый в листья шалфея сыр.

Та Белла умерла. Сестра Бет сказала, заведешь себе другую собаку. Он ищет, но больше никого не находит. Собак много, но у всех у них есть хозяин.

Дорога из Ламбета в Патни длинная; иногда он съедает гостинец, если это не что-нибудь сырое. А если ему дают только капусту, он пинает кочан на ходу, пока не растреплет до полного неpotребства.

В Ламбете он ходит за приказчиками и запоминает числа, которые те называют. Люди говорят: если некогда записать, просто скажи Джонову племяннику. Он может на глаз определить вес мешка с мукой или бобами и предупредить дядю, чтобы тот проверил – кажется, сюда не досыпали.

Вечерами в Ламбете, когда еще светло, а котлы уже вычищены, мальчишки гоняют во дворе мяч. Они орут, чертыхаются и налетают друг на друга, пока кто-нибудь не велит им утихнуть; они дерутся на кулаках и, бывает, кусаются. За открытыми окнами наверху юные джентльмены поют правильно поставленными, высокими голосами.

Иногда в окне появляется лицо мастера Томаса Мора. Он машет рукой, но мастер Томас смотрит на детей, не узнавая его, потом бесстрастно улыбается и белой рукой, непривычной ни к какой работе, кроме письма, закрывает ставни. Встает луна. Пажи ложатся на низенькие выдвижные кровати. Кухонные мальчишки заворачиваются в мешковину и засыпают у очага.

Он помнит один летний вечер, когда мальчишки, игравшие в мяч, затихли и подняли головы. Смеркалось. Нота одинокой флейты висела в воздухе, тонкая и пронзительная. Дрозд подхватил ее и пропел из кустов у шлюза. Лодочник с реки ответил дрозду свистом.

* * *

1527 год. Кардинал вернулся из Франции и тут же приказал готовить пиры. Ожидались французские послы, чтобы поставить печати на конкордат²³. Надо расстараться для этих господ, говорит кардинал, расшибиться в лепешку, чтобы им угодить.

27 августа двор возвращается из Болье, и король впервые с начала июня принимает кардинала. «Вам скажут, его величество принял меня холодно, – говорит Вулси, – это не так. Она... леди Анна, присутствовала, что было, то было».

По большому счету миссия во Францию провалилась. Кардинал не едет в Авиньон под предлогом, что не хочет отправляться в жару на юг. «Однако теперь у меня другой план, лучше. Я попрошу папу прислать мне со-легата и попытаюсь решить королевское дело в Англии».

Покуда вы были во Франции, говорит он, моя жена Элизабет умерла.

Кардинал поднимает голову. Хватается двумя руками за сердце, потом правой стискивает распятие на груди. Спрашивает, как это произошло, слушает. Гладит большим пальцем истерзанное тело Христа, словно обычный металл. Склоняет голову, шепчет: кого Бог любит... Они сидят в молчании. Чтобы нарушить тишину, он начинает задавать кардиналу ненужные вопросы.

На самом деле ему незачем выслушивать отчет о планах прошедшего лета. Кардинал обещал помочь деньгами французской армии, которая отправится в Италию, чтобы выбить

²³ Имеется в виду договор о вечном мире, заключенный в 1527 г. между старыми противниками – Англией и Францией, сплотившимися ввиду чрезмерного усиления императора Карла после его победы над французами в битве при Павии (1525). Подписание договора расценивается как «дипломатическая революция» в истории взаимоотношений двух стран, достигнутая во многом благодаря усилиям Вулси. – (Прим. О. Дмитриевой)

оттуда императора. Папа, который утратил не только Ватикан, но и папские области, а его родичей Медичи вышвырнули из Флоренции, будет благодарен Генриху²⁴. Но что до продолжительного союза с Францией – тут Кромвель разделяет скептицизм своих приятелей из Сити. Если вы бывали на улицах Парижа или Руана и видели, как мать тянет ребенка за руку, приговаривая: «Перестань ныть, не то англичанина позову», – вы не станете верить в прочность соглашений между двумя государствами. Англичанам никогда не простят того таланта к разрушению, который они проявляют всякий раз, как высаживаются на континенте. Английские войска оставляли за собой пустыню. Словно нарочно задавшись такой целью, англичанин совершал все, что запрещал кодекс рыцарства, преступая все законы войны. Битвы не в счет – след оставляет то, что происходит между битвами. Англичане грабили и насиловали все живое, жгли хлеба на корню – и дома вместе с людьми. Разбив лагерь, вымогали у окрестных жителей плату за каждый день, когда тех не трогали. Убивали священников и вешали их голыми на ярмарочных площадях. Словно язычники, разоряли церкви, уносили чаши для причастия, жгли костры из бесценных манускриптов, выкидывали мощи на землю, сдирали покровы с алтарей. Требовали выкуп за тела убитых, а если не получали, сжигали трупы на глазах у родных, без отпевания, без единой молитвы, словно павшую в мор скотину.

Короли могут друг друга простить; обычные жители не прощают. Он не говорит этого Вулси, которому и без того хватает дурных вестей. Покуда кардинал был в отъезде, король отправил для секретных переговоров в Рим собственного посла. Из затеи, разумеется, ничего не вышло. «Но если его величество не вполне со мной откровенен, это весьма печально».

Раньше за королем такого не водилось. Беда в том, что Генрих знает: закон не вполне на его стороне. Знает, но не хочет знать. Король убедил себя, что никогда не состоял в браке, а значит, может жениться. Скажем так: убедил свою волю, но не совесть. Король – большой знаток канонического права, и если в его познаниях и были какие-то пробелы, они восполнены недавними штудиями. Генриха, как младшего брата, готовили к церковному служению, причем на самых высоких постах. «Будь жив брат его величества Артур, – говорит Вулси, – кардиналом был бы его величество, а не я. А ведь если подумать... Знаете, Томас, я ведь ни разу не отдыхал с тех пор... с тех пор, как взошел на корабль. С того дня, как меня укачало на выходе из Дувра».

Как-то они пересекали Ла-Манш вместе. Вулси лежал в каюте пластом и вопил к Господу. Томас почти все время проводил на палубе: рисовал паруса, такелаж и умозрительные корабли с умозрительным такелажем, убеждая капитана, что – не считите за обиду – можно двигаться быстрее. Капитан посмотрел рисунки, обдумал и сказал: «Когда будете снаряжать собственное торговое судно, можете сделать и так. Разумеется, все добрые христиане примут вас за пиратов, так что не обижайтесь, когда попадете в беду. Моряки, – добавил капитан, – не любят новшеств».

– Их никто не любит, – сказал он тогда. – Насколько я вижу.

В Англии не может быть нового. Может быть старое в новой обертке или новое, раскрашенное под старое. Новые люди, чтобы им доверяли, должны сочинять себе лживые родословные, как Уолтер, или идти на службу к древним семействам. Не пытайся вылезти в одиночку – тебя примут за пирата.

Этим летом, на суше вместе с кардиналом, он вспоминает тогдашнее путешествие и ждет, когда противник подойдет борт к борту, чтобы схватиться врукопашную.

²⁴ На самом деле восстановить правление семейства Медичи, уже не в первый раз изгнанного из Флоренции, удалось отнюдь не благодаря англичанам, а с помощью императора Карла, осадившего город. После падения Флоренции он передал власть Алессандро Медичи, племяннику Климента VII. – (Прим. О. Дмитриевой)

Однако пока он идет на кухню, чтобы увидеть, как движется подготовка к тому, чтобы ошеломить французских послов. Повара уже пристроили колокольню к сахарному собору Святого Павла, но никак не могут сделать державу и крест. Он говорит: «Слепите марципановых львов – так распорядился кардинал».

Повара закатывают глаза и вздыхают: когда же это закончится?

С возвращения из Франции хозяин необычно ворчлив. Кардинала угнетают не столько явные неудачи, сколько подлые происки за спиной. Против Вулси печатали клеветнические памфлеты – не успеешь скупить одну партию, уже появилась новая. Все вору Франции нацелились на его добро. В Компьени, хотя кардинал велел стеречь свою золотую посуду день и ночь, заметили мальчишку, который бегал по черной лестнице вверх-вниз, передавая блюда взрослому сообщнику.

– И что? Их поймали?

– Большого вора посадили в колодки. Мальчишка сбежал. А ночью какой-то негодяй проник в мою спальню и выцарапал у окна такое...

На следующее утро луч солнца, пробившись сквозь туман и дождь, осветил изображение виселицы, на которой болталась кардинальская шапка.

* * *

Лето вновь выдалось сырым. Он готов поклясться, что не помнит ни одного ясного дня. Урожая не будет. Король и кардинал обмениваются рецептами пилуль. Король, стоит ему чихнуть, откладывает государственные заботы и прописывает себе музицирование либо – если погода позволяет – прогулки в саду. После обеда они с Анной иногда остаются наедине. Сплетники доносят, будто она разрешает королю себя раздевать. Вечерами доброе вино прогоняет озноб, и Анна – она читает Библию – поддерживает его величество строками из Писания. После ужина Генрих впадает в мрачную задумчивость, твердит, что Франциск над ним смеется, что император над ним смеется. С наступлением темноты короля охватывает любовная тоска. Он много пьет и много спит; спит в одиночестве. Просыпается – поскольку он по-прежнему молод и силен – с ясной головой и верой в грядущий день. Вместе со светом дня возрождается надежда.

Вулси не оставляет трудов даже во время болезни: сидит за столом, чихает, жалуется на ломоту в костях.

Задним числом легко понять, когда начался закат кардинала, но в то время они еще не понимали. Оглянись назад и вспомнишь себя на корабле. Горизонт кренится, берег исчез в тумане.

Приходит октябрь. Его сестры вместе с Мерси и Джоанной вытаскивают платья Лиз и кроют из них новую одежду. Ничто не пропадает. Каждый кусок доброй материи на что-нибудь да пойдет.

На Рождество при дворе поют:

Зелен всегда остролист,
Что летом, что зимой.
Так и я, сердцем чист,
Верен тебе одной.

Остролист зеленеет
Круглый год.
Пусть ярится зима, круглый год напролет
Остролист зеленеет.

Остролист зелен всегда,
Цвета он не меняет
Даже в зимние холода,
Когда все увядает.²⁵

Весна 1528 года. Томас Мор подходит легким неторопливым шагом, приветливый, открытый, неряшливый.

– Вас-то мне и надо, Томас, Томас Кромвель. Вас-то я и искал.

Томас Мор сердечен, всегда сердечен; ворот рубашки засалился.

– Вы едете в этом году во Франкфурт, мастер Кромвель? Нет? Я думал, кардинал отправит вас на ярмарку, посмотреть, что там еще напечатали еретики. Его милость тратит немало денег на то, чтобы скупать их сочинения, однако поток мерзости не оскудевает.

В своем памфлете против Лютера Мор назвал немца калом. Написал, что рот Лютера – анус мира. Кому бы пришло в голову, что от Томаса Мора могут исходить такие слова? Однако в латинском срамословии этому ученому мужу нет равных.

– Не совсем мое дело, – говорит Кромвель, – еретические книги. Заморских еретиков судят за морем. Церковь везде одна.

– Да, но как только эти библиисты добираются до Антверпена, сами знаете... Что за город! Ни епископа, ни университета, ни пристойного гнезда учености, ни настоящей власти, чтобы остановить распространение так называемых переводов, которые, на мой взгляд, суть умышленный обман... Но вам это все, разумеется, известно, вы же провели там много лет. А теперь, говорят, Тиндейла²⁶ видели в Гамбурге. Вы ведь узнали бы его при встрече?

– Как и епископ Лондонский. Да и вы, наверное.

– Правда. Истинная правда. – Мор задумывается, покусывает губу. – И вы скажете, что не дело юриста гоняться за лживыми переводами. Однако я рассчитываю, что найду средство привлечь братьев за крамолу. – Слово «братья» звучит нарочито глумливо; Мор так и сочтется ядом. – Если есть преступление против государства, вступают в силу международные договоренности, и я могу требовать экстрадиции. Пусть отвечают перед более правомочным судом.

– Нашли ли вы крамолу в трудах Тиндейла?

– Ах, мастер Кромвель! – Мор потирает руки. – Беседовать с вами – чистое наслаждение. Я чувствую себя, как мускатный орех, когда его трут на терке. Менее великий человек – менее великий юрист – сказал бы: «Я читал труды Тиндейла и не нашел в них ничего предосудительного». Однако Кромвеля не поймать – он набрасывает на меня мой же аркан, спрашивает, а читали ли *вы* Тиндейла? Да, не стану запираяться, читал. Я исследовал его так называемые переводы буква за буквой. Разумеется, я его читаю. С разрешения моего епископа.

– В Книге премудрости Иисуса, сына Сирахова, сказано: «Кто прикасается к смоле, тот очернится». Если его имя не Томас Мор.

²⁵ Пер. А. Петровой.

²⁶ Уильям Тиндейл (Тиндел, Тиндал; ок. 1494—1536) – сторонник Реформации, ученый, переводчик Библии на английский язык, политический писатель. Он задумал осуществить перевод Библии с древнееврейского и греческого текстов, предназначенный для мирян. Не получив поддержки церковных властей в Англии, уехал в Германию, где закончил к 1525 г. перевод Нового Завета, печатные тексты которого нелегально распространялись на континенте и в Англии. Скрываясь в Гамбурге, Тиндейл продолжал работу над текстом Ветхого Завета. Он навлек на себя гнев Генриха VIII, издав труд, в котором утверждал, что развод с Екатериной Арагонской незаконен с точки зрения Писания. Гнев короля был настолько велик, что Генрих обратился к императору Карлу с просьбой задержать Тиндейла и выдать английским властям. Томас Мор вел теологическую полемику с Тиндейлом, которого считал опасным еретиком. В 1535 г. последний был арестован в Антверпене и сожжен на костре неподалеку от Брюсселя в 1536 г., несмотря на попытки Т. Кромвеля ходатайствовать за него. – (Прим. О. Дмитриевой)

– Ну вот, я знал, что вы читаете Библию! Очень к месту. Но если священник слушает на исповеди о делах блуда, становится ли он блудником? – Мор снимает шапочку и рассеянно принимается ее мять; ясные, усталые глаза стреляют вокруг, как будто со всех сторон сыплются возражения противников. – И я уверен, что кардинал Йоркский сам дозволил юным богословам в Кардинальском колледже читать сектантские памфлеты. Быть может, его милость распространил свое разрешение и на вас, а?

Странно было бы Вулси давать такое разрешение стряпчему; это вообще дело не законовеев.

– Мы описали круг и вернулись к тому, с чего начали, – говорит он.

Мор улыбается во весь свой большой рот.

– Ну что же, сейчас весна. Скоро начнем водить хороводы вокруг майского дерева. Самая погода для морского путешествия. Вы ведь можете воспользоваться случаем прикупить и перепродать шерсть, или теперь вы предпочитаете стричь людей? И если кардинал попросит вас отправиться во Франкфурт, вы же поедете? Когда его милости угодно разогнать маленький монастырь, если он считает, что монахи, дай им Бог здоровья, староваты и немного выжили из ума, а житницы полны и пруды кишат рыбой, скот жирен, а приор дряхл и тощ... вы, Томас Кромвель, не мешкая пускаетесь в путь. На север, на юг, на запад, на восток. Вы и ваш маленький подмастерье.

У другого такие слова послужили бы вызовом к драке, у Томаса Мора это пролог к приглашению на обед.

– Заглядывайте в Челси. У нас всегда интересные беседы, и мы будем рады, если вы к ним присоединитесь. Еда простая, но вкусная.

Тиндейл пишет, что мальчик, моющий посуду на кухне, так же угоден Господу, как проповедник за амвоном или апостол на берегу Галилейского моря. Может быть, думает он, мне не стоит приводить мнение Тиндейла.

Мор похлопывает его по плечу.

– Не собираетесь снова жениться, Томас? Нет? Возможно, вы правы. Мой отец всегда говорит: выбирать жену – все равно что сунуть руку в мешок, где на одного угря приходится шесть змей. Каковы шансы вытащить угря?

– Ваш отец был женат сколько раз, три?

– Четыре. – Улыбка непритворна. Складки собираются в уголках глаз. – Молю о вас Бога, Томас.

И Мор уходит все той же легкой, неторопливой походкой.

Когда умерла первая жена Мора, вторая появилась в доме еще до того, как вынесли гроб. Мор принял бы священный сан, если бы не плоть с ее неуместными потребностями. Не желая быть плохим священником, он стал мужем. Он полюбил девушку шестнадцати лет, но ее семнадцатилетняя сестра была еще не замужем, и Мор женился на старшей, нелюбимой, дабы не уязвлять ее гордость. Невеста была неграмотна; Мор считал, что научит ее читать, но так и не преуспел. Тогда он велел ей учить проповеди наизусть, однако она ворчала и упорствовала в своем невежестве. Мор отвел молодую жену к отцу, и тот предложил ее побить; она так испугалась, что пообещала больше не жаловаться. «И действительно не жаловалась, – рассказывал потом Мор, – но и проповеди ни одной не выучила». Видимо, он считал соглашение успешным: ничья гордость не пострадала. Упрямица рожала ему детей, а когда в двадцать четыре года умерла, он женился на вдове, еще старше и еще упрямее. Она тоже не умела читать. Что ж, если ты потворствуешь плоти и живешь с женщиной, ради блага души выбирай такую, которая тебе неприятна.

Кардинал Кампеджо, которого папа прислал в Англию по просьбе Вулси, до того, как сделаться священником, был женат. Предполагалось, что Кампеджо, более умудренный в таких вопросах, поможет Вулси (ничего не смыслящему в семейных делах) отвратить короля

от женитьбы на даме сердца. Хотя армия императора отступила из города, весенние переговоры не принесли ощутимого результата. Стивен Гардинер съездил в Рим с письмом от кардинала, восхваляющим леди Анну. Целью послания было развеять возможные сомнения папы в разумности королевского выбора. Кардинал долго сидел над письмом, собственноручно перечисляя добродетели леди Анны.

– Женская скромность... целомудрие... Можно написать «целомудрие»?

– Обязательно напишите.

– Вам что-то известно? – Кардинал поднял голову, подождал и снова вернулся к письму. – Способна родить королю детей... Ну, в ее семье все были плодовиты. Любящая и преданная дочь церкви... Может быть, легкое преувеличение... говорят, она держит у себя в покоях Писание на французском и дает его своим служанкам, но я могу и ошибаться.

– Король Франциск позволяет Библию на французском. Думаю, леди Анна начала читать священные книги еще во Франции.

– Да, но женщины, как вы понимаете... Женщины, читающие Писание, – еще один источник разногласий. Вы знаете, что брат Мартин думает о женской участи? Мы не должны скорбеть, говорит он, если жена или дочь умирает родами – она всего лишь исполнила то, к чему предназначил ее Господь. Брат Мартин очень суров, непреклонен. А может, на нее клеветают, и она вовсе и не библейстка, просто обижена на церковников. Как бы я хотел, чтобы она не винила в своих бедах меня. Не винила столь яростно.

Леди Анна слала кардиналу дружеские послания, но тот не верил в ее искренность.

– Если бы, – продолжал Вулси, – королевский брак можно было аннулировать, я бы сам отправился в Ватикан, вскрыл себе вены и дал написать документ моей кровью. Как вы полагаете, узнай это Анна, она успокоится? Нет, не думаю, но если увидите кого-то из Болейнов, сделайте им такое предложение. Кстати, мне кажется, вы знакомы с неким Хемфри Монмаутом. Это он полгода прятал у себя Тиндейла, прежде чем тот скрылся неведомо куда. Говорят, он по-прежнему шлет тому деньги. Явная нелепость: если Тиндейл неведомо где, как бы Монмаут знал, куда их слать? Монмаут... я просто упомянул его имя. Потому что... хм, почему же? – Кардинал закрыл глаза. – Потому что просто упомянул.

Тюрьмы епископа Лондонского уже полны, схваченных сектантов и лютеран бросают в Ньюгейт и во Флит вместе с обычными преступниками. Там их держат, пока они не отречутся и не принесут публичное покаяние. Повторного снисхождения не будет: тех, кого после покаяния вновь уличили в ереси, сжигают на костре.

Когда приставы врываются в дом Монмаута, они не находят уличающих писаний, словно хозяина кто-то предупредил: ни книг, ни писем от Тиндейла и других единоверцев. Тем не менее его уводят в Тауэр. Семья перепугана. Монмаут – добрый человек и заботливый отец, торговец сукном, уважаемый в гильдии и во всем Сити. Он любит бедных и, даже когда спрос невелик, покупает ткань, чтобы поддержать ткачей. Без сомнения, его надеются сломить – пока хозяин в тюрьме, дело чахнет. Впрочем, его выпустят за отсутствием улик: кучка золы в камине – не доказательство.

Монмаут и сам стал бы кучкой золы, будь на то воля Томаса Мора.

– Так и не заглянули к нам, мастер Кромвель? По-прежнему преломляете черствый хлеб в подвалах? Бросьте, мой язык острее, чем вы заслуживаете. Лучше нам быть друзьями, сами понимаете.

Это звучит угрозой. Мор уходит, качая головой. Лучше нам быть друзьями.

Зола, черствый хлеб. Англия всегда была, говорит кардинал, несчастной страной, прибежищем изгоев, которые долго и трудно идут к своему избавлению, преследуемые карой Божьей. Если на английской земле и впрямь лежит Господне или какое иное проклятие, пришло время золотому королю и золотому кардиналу его снять – по крайней мере, так казалось.

Однако золотые годы минули, и нынешней зимой море замерзнет – те, кто это увидит, будут помнить увиденное до конца дней.

* * *

Джоанна переехала в Остин-Фрайарз вместе с мужем Джоном Уильямсоном и дочерью – маленькой Джоанной, которую дети зовут просто Джо, считая, что она еще не доросла до полного имени. Джон Уильямсон нужен Кромвелю в делах.

– Томас, – наседает на него Джоанна, – чем именно ты сейчас занимаешься?

– Тем, чтобы у людей стало больше денег, – отвечает он. – Есть разные способы этого добиться, и Джон будет мне помогать.

– Но Джону не придется иметь дел с милордом кардиналом?

Ходят слухи, будто некие влиятельные люди обратились к королю с жалобой на кардинала по поводу закрытия монастырей и король передал жалобу Вулси. Эти люди не думают о добрых целях, на которые кардинал пустил монастырские доходы, о колледжах и школах, которые там учатся, об основанных кардиналом библиотеках. Им самим лишь бы пожить, вот они и делают вид, будто верят, что несчастных монахов вышвырнули на улицу. Это неправда. Монахов перевели в другие монастыри, крупные, находящиеся под управлением более умелых приоров. Самых молодых – юнцов, не чувствующих призвания к монашеской жизни, – отпустили. Расспрашивая их, он часто натывается на полное невежество, опровергающее уверения, будто аббатства распространяют свет учености. Мальчишки могут с грехом пополам пробубнить латинскую молитву, но вопрос: «А теперь объясни мне, что это значит?» – ставит их в тупик. «Что значит, сударь?» – переспрашивают они, словно думают, что смысл привязан к словам еле-еле – дерни чуть посильнее, и ниточка оборвется.

– Не волнуйся из-за того, что болтают люди, – говорит он Джоанне. – Я за все отвечаю сам.

Кардинал выслушал жалобу с высокомерным безразличием и записал имена кляузников, а список передал своему слуге Кромвелю. Его милость занимают другие мысли: о новых домах с гербом Вулси над входом, о колледжах, куда он переманил лучших молодых преподавателей из Кембриджа. Перед Пасхой случились неприятности: декан обнаружил у шести новоприбывших запрещенные книги. Заприте их, сказал Вулси, и постарайтесь урезонить. Если будет не слишком жарко и не слишком сыро, я, может быть, приеду и сам с ними потолкую.

Бесполезно объяснять все это Джоанне. Ей всего лишь хочется убедиться, что мужа не затронет направленная против кардинала хула.

– Наверное, ты знаешь, что делаешь. – Она вскидывает глаза. – Во всяком случае, Том, на простачка ты не похож.

Ее голос, звук шагов, ехидная улыбка и поднятые брови – все напоминает ему Лиз. Иногда он оборачивается, думая, что это Лиз вошла в комнату.

* * *

Грейс запуталась в родственниках. Она знает, что маминого первого мужа звали Том Уильямс – его поминают на семейной молитве. А дядя Уильямсон – его сын? – спрашивает она.

Джоанна пытается объяснить.

– Не трать слов, – говорит Энн, постукивая тоненькими пальчиками по расшитому мелким жемчугом чепцу. – Она у нас глупая.

Позже он говорит ей:

- Грейс не глупая, просто маленькая.
- Я в ее возрасте такой тупой не была.
- Все тупые, кроме нас? Так?
- Судя по лицу, Энн более или менее согласна с этим утверждением.
- Зачем люди женятся? – спрашивает она.
- Чтобы завести детей.
- Лошади не женятся, а жеребята у них есть.
- Большинство людей, – отвечает он, – считает, что вместе им лучше.
- Это верно, – радуется Энн. – А я могу выбрать себе мужа?
- Конечно, – говорит он, подразумевая, что по его совету.
- Тогда я выбираю Рейфа.

Минуту, даже две минуты он думает, что его жизнь еще может выправиться. Потом соображает: как же я уговорю Рейфа подождать? Даже пять лет спустя Энн будет еще слишком юна.

– Знаю, – говорит она. – А время тянется так медленно.

Верно: мы всю жизнь как будто чего-то ждем.

– Сдается, ты хорошо все обдумала, – произносит он. Нет надобности втолковывать, чтобы она держала свои мысли при себе; Энн сама знает, когда говорить, а когда смолчать. В разговоре с этой маленькой женщиной не нужны уловки, которых обычно требует ее пол. Она не похожа на цветок или соловья, скорее... скорее на предприимчивого торговца. Пристальный взгляд, чтобы оценить твои намерения, и по рукам.

Она снимает чепец, крутит пальцами жемчужины, тянет локон, распрямляя во всю длину. Потом сворачивает волосы в жгут и оборачивает вокруг шеи.

– Я могла бы обернуть их дважды, – говорит Энн, – будь у меня шея потоньше. – В голосе ясно слышится нетерпение. – Грейс считает, что я не могу выйти замуж за Рейфа, потому что мы родственники. Она думает, все, кто живет в одном доме, двоюродные.

– Вы с Рейфом не родственники.

– Точно?

– Точно. Энн... надень сейчас же чепец. Что скажет твоя тетя?

Энн корчит гримасу – получается очень похоже на тетю Джоанну – и говорит:

– Томас, ты всегда так в себе уверен!

Он поднимает руку, пряча улыбку. На мгновение «Джоанна» становится не такой строгой.

– Надень чепец, – мягко повторяет он.

Энн натягивает чепец на голову. Она такая маленькая, думает он, и все равно ей больше подошел бы шлем.

– А откуда взялся Рейф? – спрашивает она.

* * *

Рейф взялся из Эссекса, где тогда жил его отец, Генри Сэдлер, эконо́м сэра Эдварда Белкнепа. Сэр Эдвард состоял в родстве с Греями, а через них – с маркизом Дорсетским; маркиз покровительствовал Вулси, когда тот учился в Оксфорде. Так что да, родство в этой истории фигурирует; не пробыв в Англии двух лет, он, Кромвель, уже в некотором смысле стал близок кардиналу, хотя еще ни разу не видел великого человека воочию. С Дорсетами его связывали дела – он вел несколько их запутанных тяжб и одновременно раздобывал для старой маркизы то ковер, то балдахин на кровать. Для нее весь мир состоял из челяди. Отправляйтесь туда. Принесите это. Если маркиза хотела омара или осетра, то заказывала их, и точно так же заказывала хороший вкус. Маркиза гладила флорентийские шелка, тихонько

окая от удовольствия. «Чудесная покупка, мастер Кромвель, – говорила она. – Ваша следующая задача – придумать, чем мы за них заплатим».

Где-то в этом лабиринте хлопот и обязанностей он свел знакомство с Генри Сэдлером и согласился взять в дом его сына. «Научите Рейфа всему, что знаете», – не без робости попросил Генри. Он договорился, что заберет мальчика на обратном пути, когда покончит с делами в этой части графства, но выбрал неудачный день: лил дождь, дороги развезло, ветер гнал тучи с побережья. Когда он спешил в луже у двери, было чуть больше двух, но уже темнело. Генри Сэдлер сказал, оставайтесь, вы все равно не успеете в Лондон до закрытия ворот. Я должен быть дома сегодня, ответил он. Завтра у меня дела при дворе, а потом придут кредиторы леди Дорсет – сами знаете, как это бывает... Мистрис Сэдлер боязливо покосилась на окно, потом на сына, которого – в семь лет – доверяла дорогам и непогоде.

Ничего особенного, обычное дело, но Рейф был так мал, что он, Кромвель, чуть не почувствовал себя бессердечным. Детские локоны недавно обстригли, и рыжие волосы топорщились на макушке. Отец и мать, стоя на коленях, гладили Рейфа по спине. Потом мальчика обмотали и обвязали шальями так, что тот стал похож на бочонок. Он глядел на будущего воспитанника, на дождь за окном и думал: а ведь я мог бы сидеть сейчас в сухости и тепле. Как другим это удастся? Мистрис Сэдлер прижала ладони к щекам сына и зашептала: «Помни все, чему мы тебя учили. Читай молитвы. Мастер Кромвель, пожалуйста, следите, чтобы он не забывал молиться».

Она подняла мокрые от слез глаза, и он понял: ребенку этого не выдержать, мальчик дрожит под своим тряпьем и сейчас ударится в рев. Поэтому он плотнее закутался в плащ – несколько капель упало на пол, окропив сцену. «Ну, Рейф? Если ты мужчина... – и протянул руку в перчатке. Детская ручонка скользнула в нее. – Посмотрим, как далеко мы можем ускакать».

Мы выйдем быстро, чтобы ты не оглядывался, подумал он. Ветер и дождь прогнали родителей от открытой двери. Он забросил Рейфа в седло. Дождь бил почти горизонтально. Ближе к Лондону ветер утих. Кромвели жили тогда на Фенчерч-стрит. В дверях слуга хотел принять Рейфа на руки, но он сказал: «Мы, утопающие, должны держаться друг за друга».

Ноша казалась необычно тяжелой – съездившееся обмякшее тельце под семью слоями промокшей шерсти. Он поставил Рейфа перед огнем, и от того сразу повалил пар. Проснувшись в тепле, мальчик принялся замерзшими пальцами распутывать свои платки, потом вежливо, отчетливо спросил, что это за место.

– Лондон. Фенчерч-стрит. Дом.

Он взял льняное полотенце и мягко промокнул мальчику лицо, потом вытер голову, отчего волосы у Рейфа встали торчком. Вошла Лиз. «Силы небесные, это мальчик или еж?» Рейф посмотрел на нее, улыбнулся, да прямо так, стоя, и заснул.

* * *

Когда летом 1528 года вернулась потовая лихорадка, люди, как и в прошлом году, говорили: если не думать о ней, не заболеешь. Однако как не думать? Он отправил девочек за город – сперва в Степни, затем дальше. На сей раз поветрие затронуло и двор. Генрих пытался убежать от болезни, переезжая из одного охотничьего дома в другой. Анну отправляют в Хивер. Лихорадка настигла Болейнов. Первым слег отец Анны, однако остался в живых; умер муж ее сестры Марии. Следом заболела Анна, но через сутки она уже была на ногах. Правда, болезнь может обезобразить. Даже и не знаешь, о каком исходе молиться, говорит он кардиналу.

Тот отвечает:

– Я молюсь за королеву Екатерину... и за любезнейшую леди Анну. Молюсь за войска короля Франциска в Италии, чтобы Господь даровал им успех, но не слишком большой – иначе они забудут, что нуждаются в дружбе и союзничестве короля Генриха. Молюсь о его королевском величестве и советниках его королевского величества, о зверях полевых, и о святейшем отце, и о курии, да направит Господь ее решения. Молюсь о Мартине Лютере, и о всех зараженных его ересью, и обо всех, кто против него воюет, особенно же о канцлере герцогства Ланкастерского, нашем дорогом друге Томасе Море. Вопреки всякому здравому смыслу и свидетельству собственных глаз я молюсь об урожае и о том, чтобы дождь перестал. Я молюсь обо всех. Обо всем. Это и значит быть кардиналом. И только когда я говорю Богу: «Ну, а как насчет Томаса Кромвеля?» – Господь отвечает мне: «Вулси, что я тебе говорю? Неужто ты не понимаешь, когда следует уняться?»

Поветрие достигает Хэмптон-корта, и кардинал затворяется от мира. Только четверем слугам дозволено входить во внутренние покои. У кардинала, когда он наконец оттуда выходит, вид такой, будто он и вправду молился.

В конце лета девочки возвращаются в Лондон. Обе заметно подросли, у Грейс волосы выгорели на солнце. Она сторонится отца, и он думает: неужто, глядя на меня, она вспоминает одно – как я нес ее на руках вечером того дня, когда умерла Лиз? Энн говорит, на следующее лето, что бы ни случилось, я хочу остаться с тобой. Болезнь отступила, но в остальном молитвы кардинала не так успешны – в стране недород, французские войска в Италии терпят поражение за поражением, а их предводитель умер от чумы.

Приходит осень. Грегори пора возвращаться к своему наставнику. Мальчик едет с неохотой, это очевидно, хотя это почти все, что ему очевидно в отношении сына. Он спрашивает, в чем дело, но не получает ответа. С другими мальчик весел и оживлен, с отцом – настороженно-вежлив, словно держит официальную дистанцию. «Неужто Грегори меня боится?» – спрашивает он Джоанну.

Язык у Джоанны острее иглы и так же проворен.

– Он не монах; с чего бы? – бросает она. Потом смягчается. – Томас, с какой стати ему тебя бояться? Ты добрый отец. На мой взгляд, даже чересчур.

– Если он не хочет возвращаться к наставнику, я отправлю его в Антверпен к моему другу Стивену Возну.

– Грегори никогда не станет дельцом.

– Верно. – Трудно себе представить, что Грегори торгуется из-за процентов с агентом Фуггера или ухмыляющимся представителем Медичи. – Так что мне с ним делать?

– Я тебе скажу: как только еще немного подрастет, жени его на девушке из хорошей семьи. Грегори – джентльмен, это сразу видно.

Энн хочет учить греческий. Он думает, кого бы пригласить в учителя, спрашивает знакомых. Ему хочется, чтобы это был кто-то молодой, умный – человек, который поселится в доме и с которым будет приятно беседовать за ужином. У сына и племянников наставник неудачный, однако теперь поздно что-либо менять. Вот ведь вздорный старый брюзга! Как-то один из мальчиков устроил в комнате пожар, потому что читал в постели при свече. «Но ведь это, как я понимаю, был не Грегори?» – спросил он тогда, и учитель обиделся, усмотрев в вопросе неуместную шутку. И еще вечно присылает счета, которые, кажется, уже давно оплачены. Ему нужен домашний счетовод.

Он сидит за столом, заваленным планами и сметами из Ипсвича и Кардинальского колледжа, проектами будущих садов Вулси, и разглядывает шрам на ладони – давнюю метку от ожога, похожую на обрывок веревки. Думает о Патни. Об Уолтере. Вспоминает нервную лошадь в кузне, запах пивоварни. Вспоминает ламбетскую кухню и белобрысого мальчишку, который приносил угрей. Как-то он схватил этого мальчишку за волосы, окунул лицом в чан с водой и держал. Неужто я и впрямь это сделал? – думает он. Зачем? Наверное, кардинал

прав, я безнадежный грешник. Шрам твердый, будто выступающая косточка, и временами чешется. Он думает: мне нужен счетовод. Мне нужен учитель греческого. Мне нужна Джоанна. Но кто сказал, что я получу все, что мне нужно?

Он вскрывает письмо от священника Томаса Берда, который пишет, что кардинал должен ему столько-то денег. Делает пометку: проверить и заплатить, потом снова берет письмо. Там говорится о неких Клерке и Самнере. Имена ему известны – они были в числе тех шестерых оксфордцев, у которых нашли лютеранские книги. Заприте их, сказал тогда кардинал, заприте и урезоньте. Он отводит взгляд от письма, чувствуя приближение чего-то дурного: по стене скользнула тень.

Читает. Клерк и Самнер умерли, пишет Берд, надо известить кардинала. За неимением более подходящего места декан запер их в погребе, глубоком холодном погребе для рыбы. Даже туда, в ледяную тишь, проникла летняя зараза. Они умерли в темноте, без исповеди.

Все лето мы молились, но, значит, недостаточно. Неужто кардинал забыл о своих еретиках? Надо сообщить его милости.

Первая неделя сентября. Подавляемое горе перерастает в ярость. Но что проку от ярости? Ее тоже надо подавлять.

Однако в конце года, когда Вулси спрашивает: «Томас, что подарить вам на Новый год?» – он говорит: «Подарите мне Маленького Билни». И, не дожидаясь ответа, добавляет:

– Милорд, он в Тауэре с прошлой зимы. Тауэр способен напугать любого, а Билни робок и слаб. Боюсь, его содержат слишком строго. Вы помните, как умерли Самнер и Клерк? Милорд, употребите свое влияние, напишите письма, обратитесь с прошением к королю. Добейтесь, чтобы его отпустили.

Кардинал откидывается в кресле и складывает пальцы.

– Томас. Томас Кромвель. Очень хорошо. Но отец Билни должен вернуться в Кембридж и оставить всякую мысль о поездке в Рим, чтобы направить папу на путь истинный. Подземелья Ватикана очень глубоки, туда не дотянуться даже мне.

Он чуть не говорит: «Вам даже до подвалов собственного колледжа не дотянуться», но вовремя прикусывает язык. Ересь – легкий ее налет – поблажка, которую дает своему слуге кардинал. Его милость не прочь выслушать отчет о последних вредных сочинениях и сплетни из Стил-ярда, где живут немецкие купцы, обсудить после ужина текст-другой. Однако все спорное, прежде чем передать кардиналу, следует оплести тончайшей паутиной слов. Всякое опасное мнение надо так обложить шутивными оправданиями, чтобы оно стало мягким и безобидным, словно подушка. Да, когда милорду сообщили о смерти в погребе, его милость даже всплакнул. «Как же я ничего не знал? Такие замечательные молодые люди!»

В последние месяцы у кардинала глаза на мокром месте, однако это не означает, что слезы менее искренни. Вот и сейчас его милость смахивает слезинку, поскольку знает всю историю: Маленький Билни в Грейз-инн, поляк из Штеттина, сбитые с толку посланцы, растерянные дети, лицо Элизабет Кромвель, застывшее в посмертной суровости. Кардинал подается вперед и говорит:

– Томас, пожалуйста, не отчаивайтесь. У вас есть дети. И не исключено, что со временем вы захотите жениться снова.

Я – ребенок, думает он, которого нельзя утешить. Кардинал накрывает его руку своей. Драгоценные камни поблескивают, являя таинственные глубины: гранат словно кровавой пузырь, бирюза с серебристым налетом, алмаз с желтовато-серой искрой, как глаз кошки.

Он никогда не расскажет кардиналу про Марию Болейн, как бы порой ни тянуло. Кардинал может посмеяться, может возмутиться. Надо как-то проташить общее содержание без контекста.

* * *

Осень 1528 года: он при дворе по кардинальским делам. Мария бежит к нему, приподняв юбки, так что видны зеленые шелковые чулки. Не сестра ли Анна за нею гонится? Он ждет.

Мария резко останавливается.

– Ах, это вы!

Он и не думал, что Мария Болейн его знает. Она хватается одной рукой за стенную панель, другой – за его плечо, будто он часть стены. Мария по-прежнему обворожительна: белокурая, пухленькая. Она запыхалась от бега.

– Мой дядя... сегодня утром. Мой дядя Норфолк. Метал в вас громы и молнии. Я спросила сестру, кто этот ужасный человек, и она сказала...

– Тот, кого не отличить от стены?

Мария отдергивает руку. Смеется, краснеет, силится раздышаться, грудь под платьем ходит ходуном.

– На что сетовал милорд Норфолк?

– О... – Она начинает обмахиваться рукой. – Он сказал, кардиналы, легаты, от них в Англии никакой жизни. Он сказал, кардинал Йоркский разоряет знатные семейства: хочет править сам, а лорды чтобы дрожали, как мальчишки, которых могут в любую минуту выпороть. Разумеется, вам не обязательно меня выслушивать...

Мария выглядит такой хрупкой... Она еще не отдышалась, но он взглядом просит ее продолжать.

– Мой брат Джордж тоже бушевал. – Смешок. – Мол, кардинал Йоркский родился в приюте для бедных и взял себе на службу человека, который родился в канаве. Милорд мой отец сказал, милый мальчик, ты ничего не потеряешь, если будешь строго придерживаться истины: не в канаве, а в пивоварне, ибо он определенно не джентльмен. – Мария отступает на шаг. – А вы похожи на джентльмена. Мне нравится этот серый бархат, откуда он?

– Из Италии.

Теперь он уже не стена, а кое-что получше – Мария вновь кладет руку ему на плечо, рассеянно гладит ткань.

– А не могли бы вы раздобыть мне такой же? Впрочем, наверное, для женщины такой цвет мрачноват?

Она не сказала «для вдовы», думает он, однако мысль, видимо, отражается на его лице, потому что Мария говорит:

– Да, конечно. Уильям Кэри умер.

Он склоняет голову и тщательно подыскивает слова – Мария его пугает.

– Двор о нем скорбит. Как и вы.

Вздых.

– Он был добрый. Учитывая обстоятельства.

– Вам, наверное, приходилось нелегко.

– Когда король перенес свое внимание на Анну, он думал, будет как во Франции. Думал, она согласится... занять некое положение при дворе. И в его сердце, как он выразился. Обещал порвать со всеми другими любовницами. Письма, которые он писал ей собственной рукой...

– Вот как?

Кардинал говорит, короля ни за что не убедишь написать письмо. Даже другому королю. Даже папе. Даже если от этого зависит успех дела.

– Да, с прошлого лета. Он пишет и там, где стояло бы «Henricus Rex»... – Мария берет его руку и рисует пальцем на ладони. – Вместо подписи он рисует сердце, а внутри сердца – инициалы, его и ее. Ой, не смейтесь... – Она сама невольно улыбается. – Он говорит, что страдает.

Ему хочется сказать, Мария, а нельзя ли выкрасть для меня эти письма?

– Сестра говорит, здесь не Франция, а я не такая дуручка как ты, Мария. Она знает, что я была любовницей Генриха и он меня бросил. Отсюда она извлекла урок.

Он задерживает дыхание, но ее уже не остановить – она решила выговориться во что бы то ни стало.

– Я вам скажу, они поженятся, чего бы это ни стоило. Дали друг другу такую клятву. Анна говорит, что выйдет за него, и гори они все синим пламенем, Екатерина с ее испанцами. Генрих всегда получает, что хочет, и Анна тоже, можете мне поверить – уж я-то их знаю, как никто. – В глазах у нее блестят слезы. – Вот почему я горюю по Уильяму Кэри. Она теперь все, а меня надо вымести после ужина, словно солому с пола. Отец говорит, я нахлебница, а дядя Норфолк называет меня шлюхой.

Как будто не он вас такой сделал.

– У вас нехватка в деньгах?

– О да! – говорит Мария. – Да, да, да и никто не хочет об этом думать! Вы первый, кто спросил. У меня дети. Вам это известно. Мне нужно... – Губы у нее дрожат, и она прижимает к ним палец, чтобы унять дрожь. – Вы видели моего сына... как по-вашему, почему я назвала его Генри? Король мог бы признать его, как признал Ричмонда, но моя сестра не разрешила. Он во всем ей потворствует. Она намерена сама родить ему принца и не хочет, чтобы рядом был мой.

Кардиналу докладывали: сын Марии Болейн – здоровый золотисто-рыжий мальчуган с отменным аппетитом. У нее есть и дочь, постарше, но в данном случае дочери никого не интересуют.

– Сколько лет вашему сыну, леди Кэри?

– В марте будет три. Моей дочери Кэтрин пять. – Она испуганно прикрывает рукой рот. – Ой, я и забыла, что у вас умерла жена. Как я могла?

Да откуда вам вообще знать, удивляется он, но она тут же отвечает:

– Про людей кардинала Анна знает все. Она задает вопросы и записывает ответы в книжечку. – Мария поднимает на него глаза. – А дети у вас есть?

– Да... а знаете, у меня ведь тоже никто до вас этого не спрашивал. – Он прислоняется плечом к стене, Мария подступает чуть ближе, и, может быть, их лица немного мягчеют – двое заговорщиков, объединенные болью утрат, на мгновение сбрасывают маску несокрушимой стойкости.

– У меня взрослый мальчик, в Кембридже, с наставником. И маленькая девочка по имени Грейс, она хорошенькая и белокурая, в отличие от меня... Моя жена была не красавица, а я таков, каким вы меня видите. И еще у меня есть дочь Энн. Она хочет учить греческий.

– Бог ты мой!.. Для женщины это...

– Да, но она говорит: «Почему дочке Мора можно, а мне нельзя? За что ей такая преференция?» Она знает множество умных слов и умеет их использовать.

– Она ваша любимица.

– С нами живут ее бабушка и моя свояченица, но это не... для Энн это не самое удобное. Мне следовало бы отдать ее в другой дом, да только... ну, греческий... и вообще я и так ее почти не вижу. – Ему кажется, что он уже давно не говорил так долго, разве что с Вулси. – Ваш отец должен обеспечивать вас как подобает. Я попрошу кардинала с ним побеседовать.

Кардиналу понравится, думает он про себя.

– Однако мне нужен новый муж. Чтобы меня не обзывали всякими словами. Кардинал может раздобыть женщине мужа?

– Кардинал может все. Какого мужа вы хотите получить?

Мария задумывается.

– Чтобы он заботился о моих детях. Защищал меня от родных. И не умер.

Она сводит пальцы.

– Вам следовало добавить: молодого и красивого. Кто не просит, тот не получает.

– Правда? Мне в детстве внушали другое.

Коли так, вам внушали не то же самое, что вашей сестре, думает он.

– В придворном спектакле, помните, в Йоркском дворце... вы были Красотой или Добротой?

– Ой, – смеется она, – это было семь лет назад, я и не помню. Я кем только не наряжалась.

– Вы по-прежнему и красивы, и добры.

– Я тогда только об этом и думала: как бы нарядиться. А вот Анну помню. Она была Упорством.

Он говорит:

– Этой ее главной добродетели предстоит трудное испытание.

Кардинал Кампеджо приехал из Рима с указанием тянуть время. Делайте что угодно, ищите любые поводы для отсрочки, но не выносите окончательного решения.

– Анна все время что-нибудь пишет – или письма, или у себя в книжечке. И ходит: взад-вперед, взад-вперед. Когда она видит милорда отца, то поднимает руку, мол, не заговаривайте со мной, а когда видит меня, то щиплет. Вот так... – Мария пальцами левой руки показывает в воздухе, как сестра ее щиплет. Потом гладит себя по горлу, отыскивая пульсирующую ямочку над ключицами. – Вот сюда. Иногда у меня остаются синяки. Она хочет меня изуродовать.

– Я поговорю с кардиналом, – обещает он.

– Поговорите. – Мария ждет.

Ему надо идти. У него дела.

– Я больше не хочу быть Болейн, – говорит она. – Или Говард. Признай король моего сына, все было бы иначе, а так я больше не хочу балов и спектаклей с переодеванием в Добродетели. Нет у них никаких добродетелей, одно притворство. Раз они не желают меня знать, и я не хочу иметь с ними ничего общего. Лучше я буду побираться...

– Полноте, леди Кэри, в этом не будет нужды.

– А знаете, чего я хочу? Мужа, который задаст им страху. Я хочу выйти за человека, которого они боятся.

Голубые глаза вспыхивают внезапной мыслью. Мария кладет тонкий пальчик на приглянувшийся ей серый бархат и тихо произносит:

– Кто не просит, тот не получает.

Заполучить Томаса Говарда дядей? Томаса Болейна – тестем? Короля, со временем, свояком?

– Они вас убьют, – говорит он, чувствуя, что объяснять ничего не нужно.

Она смеется, закусывает губу.

– Конечно. Конечно, убьют. О чем я думаю! В любом случае спасибо за то, что вы уже для меня сделали. Подарили мне целое спокойное утро – потому что когда они ругают вас, они не ругаются на меня. Когда-нибудь, – продолжает Мария, – Анна пригласит вас поговорить. Она пошлет за вами, и вы будете польщены. Она спросит совета или поручит вам какое-нибудь мелкое дело. Так вот, пока этого не произошло, выслушайте от меня совет: развернитесь и быстро идите в другую сторону.

Она целует кончики пальцев и прикладывает их к его губам.

Сегодня он кардиналу не нужен, поэтому едет домой в Остин-Фрайарз. Главное желание – оказаться как можно дальше от всех Болейнов, сколько их ни есть. Некоторых, возможно, пленила бы женщина, спавшая с двумя королями, но только не его. Он думает про Анну – с какой стати ей его приглашать? Возможно, у нее какие-то сведения от тех, кого Томас Мор зовет «вашим евангелическим братством», хотя странно: Болейны не слишком заботятся о спасении души. У дяди Норфолка, который ненавидит всякую мысль и вряд ли хоть когда-нибудь заглядывает в книги, для этой цели есть священники. Брат Джордж любит женщин, охоту, наряды, драгоценности и теннис. Сэр Томас Болейн, обворожительный дипломат, интересуется только собой.

Ему хочется рассказать кому-нибудь о встрече с Марией, но рассказывать никому нельзя, и он делится только с Рейфом.

– Думаю, вы неправильно поняли. – Слушая про сердце с инициалами, Рейф широко распахнул голубые глаза, но даже не улыбнулся. Историю с предложением брака юноша находит неправдоподобной. – Она наверняка имела в виду что-то другое.

Он пожимает плечами; как тут еще можно понять.

– Герцог Норфолкский нас бы с костями съел, – качает головой Рейф. – Прискакал бы сюда и поджег наш дом.

– Но щипки? От них какая защита?

– Доспехи, больше ничего, – отвечает Рейф.

– Могут пойти пересуды.

– А никто не смотрит нынче на Марию Болейн, – говорит юноша и добавляет укоризненно: – Кроме вас.

С приездом в Лондон папского легата квазикоролевский двор Анны Болейн распадается. Король не хочет путаницы: Кампеджо здесь по вопросу его брака с Екатериной, никак не связанного, настаивает король, с чувствами к леди Анне. Анна уезжает в Хивер и забирает с собой сестру. В Лондон просачиваются слухи, что Мария беременна. Рейф спрашивает: «При всем уважении, хозяин, вы точно только к стене прислонялись?» Родственники покойного мужа утверждают, что ребенок не его, король, по собственным словам, тоже ни при чем. Печально видеть, как охотно многие решают, что король лжет. Как-то приняла новость Анна? В глуши у нее будет много времени злиться. «Она исщиплет Марию до синяков», – замечает Рейф.

Все вокруг пересказывают ему сплетню, не зная, насколько близко она его затрагивает. Он опечален и думает: что это за порода такая, болейновская? Все происшедшее между ним и Марией видится и слышится теперь совершенно иначе. Мурашки бегут по коже при мысли, что, поддайся он тогда на лесть, скажи «да», вскоре он стал бы отцом ребенка, не похожего на Кромвелей, но очень похожего на Тюдоров. Уловка, конечно, отменная. Мария, несмотря на кукольную внешность, отнюдь не дурочка. Когда она бежала по галерее, показывая зеленые чулки, ее цепкий взгляд выискивал жертву. Люди для Болейнов – вещь, которую можно использовать и выбросить. Им нет дела до чужих чувств, имени, репутации.

Смешно. Как будто у Кромвелей есть имя. Или репутация, которую нужно беречь.

Слухи слухами, однако ничего не происходит. Возможно, Мария ошиблась, или ее оклеветали по злобе: видит Бог, Болейнов есть за что не любить. Или беременность была, но закончилась выкидышем. Сплетни утихают. Ребенка нет. Это почти как в тех странных сказках, которые так любит кардинал, где природа извращена, а женщины-змеи исчезают и появляются по собственному желанию.

У королевы Екатерины тоже был ребенок, который исчез. В первый год брака с Генрихом у нее случился выкидыш, но врачи говорили, что она носит двойню. Кардинал отлично

помнит ее в ослабленном корсете и с загадочной улыбкой на лице. Какое-то время ее не видели, затем она вновь появилась – туго зашнурованная, с плоским животом и без ребенка.

Наверное, это что-то специфически тюдоровское.

Некоторое время спустя он слышит, что Анна взяла под свою опеку Генри Кэри. Интересно, не собирается ли она отравить племянника. Или съесть.

* * *

Новый, 1529 год. Стивен Гардинер в Риме угрожает папе Клименту от имени короля; содержание угроз кардиналу не сообщают. Климент и в лучшие-то времена довольно пуглив; неудивительно, что когда мастер Стивен дышит серой ему в уши, он заболевает. Из Рима доносят, что папа при смерти; агенты кардинала по всей Европе прощупывают почву и закидывают крючки, бодро позвякивая монетами в кошельках. Если Вулси станет папой, все королевские затруднения разрешатся в одночасье. Кардинал легонько ворчит: его милость любит свою страну, майские гирлянды, щебет птиц, и с ужасом думает о приземистых злобных итальянцах, лесах из виселиц, усеянных трупами равнинах.

– Вам придется поехать со мной, Томас. Вы будете стоять рядом и действовать быстро, если какой-нибудь кардинал попытается меня заколоть.

Он представляет своего господина, утыканного кинжалами, как святой Себастьян – стрелами.

– Почему папа должен жить в Риме? Где это сказано?

По лицу кардинала медленно расплывается улыбка.

– Перенести Святой престол сюда? Отличная мысль! А почему бы и нет? – Вулси любит смелые планы. – В Лондон, наверное, не удастся. Будь я архиепископом Кентерберийским, я бы мог держать свой папский двор в Ламбетском дворце, но старый Уорхем невероятно живуч... вечно он у меня на пути.

– Ваша милость может переехать в собственную епархию.

– Йорк слишком далеко. А что если Винчестер? Древняя столица Англии. И к королю близко.

Очень интересно получится. Король ужинает с папой, который в то же время его лорд-канцлер... Должен ли будет король подавать его святейшеству салфетку?

Когда приходит известие о выздоровлении Климента, кардинал никак не выражает разочарования, только говорит: Томас, что нам делать дальше? Надо открывать суд легатов²⁷, больше тянуть нельзя. Разыщите и доставьте мне человека по имени Антони Пойнс.

Он стоит, скрестив руки, и ждет более внятных указаний.

– Скорее всего, он на острове Уайт. И еще привезите сэра Уильяма Томаса – думаю, его можно найти в Кармартене. Он стар, так что велите своим людям ехать не торопясь.

– Я не держу людей, которые мешкают. – Он кивает. – Впрочем, я понял. Не уморить свидетеля по дороге.

Суд по важнейшему королевскому вопросу близится. Генрих намерен доказать, что королева Екатерина, когда он на ней женился, была уже не девственница, то есть ее с Артуром брак осуществился. Для этой цели собирают джентльменов, бывших при августейшей чете после свадьбы в Байнардском замке, затем в Виндзоре, куда двор переехал в ноябре того года, и, наконец, в Ладлоу, куда молодых отправили играть в принца и принцессу Уэль-

²⁷ Поскольку кардинал Вулси обладал статусом папского легата в Англии, как и прибывший сюда кардинал Лоренцо Кампеджо, два прелата могли провести от имени папы слушания по делу о разводе короля. Вулси старался обеспечить благоприятный для короля исход, однако Кампеджо всячески затягивал разбирательство. Неспособность Вулси быстро добиться желаемого навлекла на кардинала гнев короля и опалу. – (Прим. О. Дмитриевой)

ских. «Артур, – говорит Вулси, – был бы сейчас примерно ваших лет, Томас». Свидетели по меньшей мере на поколение старше. Да и столько лет прошло – двадцать восемь, если быть точным. Что они могут помнить?

Не следовало доводить до такого публичного непотребства. Кардинал Кампеджо умолял Екатерину склониться перед королевской волей, признать брак недействительным и уйти в монастырь. Конечно, любезно отвечала она, я стану монахиней. Если король станет монахом.

Тем временем Екатерина приводит обоснования, почему легаты не должны разбирать этот вопрос. Во-первых, он по-прежнему на рассмотрении в Риме, во-вторых, она чужая в чужой стране, утверждает королева, забыв, что два десятилетия кряду ничто в английской политике не происходило без ее участия. Судьи, по уверениям королевы, настроены против нее; в этом есть определенный резон. Кампеджо, положив руку на сердце, клянется, что будет судить по чести, пусть даже рискуя головой. Екатерина находит, что он слишком близок со вторым легатом; всякий, проводящий столько времени с Вулси, считает она, забыл, что такое совесть.

Кто советует Екатерине, как вести себя в суде? Джон Фишер, епископ Рочестерский.

– Знаете, за что я его терпеть не могу? – спрашивает кардинал. – Он весь – кожа да кости. Ненавижу тощих прелатов. Рядом с ними мы, остальные, выглядим такими земными!

В полном блеске земного великолепия, в лучшем багряном облачении, кардинал заседает в Блэкфрайарз, где король с королевой должны предстать перед легатами. Все думали, что Екатерина пришлет своего представителя, однако она является сама. Собралась целая коллегия епископов. Король, когда выкликают его имя, отзывается громко, раскатисто, во всю мощь широкой, усыпанной самоцветами груди. Он, Кромвель, посоветовал бы другое: отвечать тихо, склонив голову перед судьями. Смирение, на его взгляд, чаще всего бывает притворным, но именно притворщики нередко выигрывают в суде.

Зал набит битком. Они с Рейфом – зрители в дальних рядах. После выступления королевы, заставившего некоторых прослезиться, они выходят на улицу.

Рейф говорит:

– Будь мы ближе, мы бы видели, смел ли король смотреть ей в глаза.

– Да. Это, собственно, главный вопрос.

– Мне очень стыдно, но я верю Екатерине.

– Тсс. Не верь никому.

Что-то заслоняет свет. Это Стивен Гардинер, черный, с кривой усмешкой на лице: поездка в Рим явно не пошла на пользу его характеру.

– Мастер Стивен! Как прошел обратный путь? Ну да, конечно, всегда неприятно возвращаться с пустыми руками. Мне вас очень жаль. Я уверен, вы старались как могли.

– Если король не получит в суде чего хочет, вашему господину конец. И тогда жалеть придется вас.

– Только вы не станете.

– Не стану, – соглашается Гардинер и отходит.

Екатерина не возвращается на вторую, позорную часть слушаний. Вместо нее выступает представитель: она сообщила духовнику, что Артур за время брака так и не сумел ею овладеть, и теперь разрешила нарушить тайну исповеди, дабы предать эти сведения огласке. Она свидетельствовала перед высшим судом, судом Божьим: стала бы она лгать, обрекая душу на погибель?

Есть и другой момент, о котором все помнят. После смерти Артура Екатерину предлагали женихам – старому королю и принцу Генриху – как сохранившую девство. Можно было пригласить врача, чтобы тот ее освидетельствовал. Она бы испугалась, заплакала, но покорила чужому человеку с холодными руками; возможно, теперь она жалеет, что этого

не произошло. Однако никто такого не потребовал – быть может, в ту пору люди еще не совсем потеряли стыд. Разрешение на брак с Генрихом предусматривало оба случая: и наличие девства, и его отсутствие. Испанские документы отличаются от английских. Этим нам и следовало бы сейчас заниматься: разбирать подпункты, а не грызться в суде из-за клочка кожи и капли крови на простыне.

Будь он советником Екатерины, он удержал бы ее в суде, как бы она ни противилась. Посмели бы свидетели сказать ей в лицо то, что говорили за глаза? Ей было бы стыдно смотреть на них, седых, морщинистых и совершенно уверенных в своей памяти, но он бы убедил ее приветствовать их ласково, объявить, что она в жизни бы их не признала, полюбопытствовать, как их внуки и меньше ли в летнюю жару болят суставы и поясница. Им было бы еще стыднее; очень может быть, что они замялись бы, оробели под ее пристальным честным взглядом.

Без Екатерины суд превращается в непристойный фарс. Граф Шрусбери, соратник старого короля по Босворту, рассказывает про свою первую брачную ночь, когда ему, как и Артуру, было пятнадцать; граф говорит, что никогда до тех пор не знал женщины и тем не менее исполнил свой долг. На свадьбе Артура они с графом Оксфордским провожали принца в спальню Екатерины. Да, говорит маркиз Дорсетский, и я там тоже был; Екатерина лежала под одеялом, принц возлег с нею. «Никто не готов присягнуть, что залез в постель вместе с ними, – шепчет Рейф. – Но может, еще и такой найдется».

Суд должен также принять во внимание свидетельства о том, что было произнесено на следующее утро. Принц вышел из супружеской спальни и сказал, что хочет пить. Приняв у сэра Антони Уиллоби кубок с элем, он объявил: «Сегодня ночью я побывал в Испании». Грубую мальчишескую шутку вытащили на свет, хотя сам мальчишка уже три десятилетия как в могиле. До чего же одиноко умирать молодым, идти во тьму без друзей и сверстников! А теперь уже нет в живых ни Мориса Сент-Джона, который покоится в Вустерском соборе, ни мистера Кромера, ни Уильяма Вудолла – никого из тех, кто слышал, как принц сказал: «Государи мои, хорошо мне с моей женой».

Выслушав это все, они выходят подышать воздухом, и ему ни с того ни с сего вдруг становится зябко. Он прикладывает руку к лицу, трогает скулу. Рейф говорит:

– Какой жених выйдет наутро и скажет: «Добрый день, государи мои! Ничего не получилось»? Принц ведь просто хвастал, правда? Вот и все. Они забыли, что значит быть пятнадцатилетним.

В то самое время, когда заседает суд легатов, король Франциск в Италии проигрывает битву. Папа Климент готовится подписать новый мирный договор с императором – племянником Екатерины. Еще не зная этого, он говорит Рейфу: «Позорный день. Если мы хотели стать посмешищем для всей Европы, нам это удалось».

Загвоздка с Рейфом: мальчик не может вообразить, чтобы кому-то, даже пылкому пятнадцатилетнему юнцу, захотелось овладеть Екатериной – это все равно что совокупиться со статуей. Само собой, Рейф не слышал, как Вулси расписывает былые прелести королев.

– Я воздерживаюсь от окончательного суждения. И судьи воздержатся – у них просто не будет другого выхода, – говорит он. – Тут мы все тебе уступаем. Я вот тоже не помню, каким был в пятнадцать.

– А вам разве не столько было, когда вы прибыли во Францию?

– Наверное, что-то около того.

Вулси: «Артур был бы сейчас примерно ваших лет, Томас». Он вспоминает женщину в Дувре, прижатую к стене; ее хрупкие кости, бледное молодое лицо, и внезапно пугается. Что, если кардинальская шутка – вовсе не шутка и в мире полно его детей, о которых он не заботится? Единственное, что ты действительно можешь сделать, – позаботиться о своих детях.

– Рейф, – говорит он, – ты знаешь, что я не составил завешание. Обещал, да так и не собрался. Едем домой, будем его писать.

– Но почему сейчас? – изумляется Рейф. – Вас ждет кардинал.

– Едем домой. – Он берет Рейфа за плечо и чувствует прикосновение бесплотных пальцев к своей левой руке. Это Артур, серьезный и бледный. Король Генрих, думает он, ты разбудил призрака; ты его и уйми.

* * *

«Июль 1529-го. Томас Кромвель из Лондона, джентльмен. В здравом уме и твердой памяти. Моему сыну Грегори шестьсот шестьдесят шесть фунтов тринадцать шиллингов и четыре пенса. Перины, подушки и одеяло желтого турецкого атласа, кровать фламандской работы, резной шкаф и буфеты, серебро, золоченое серебро и двенадцать серебряных ложек. Сдача ферм в аренду будет осуществляться душеприказчиками до его совершеннолетия, по достижении коего ему следует вручить еще двести фунтов золотом. Деньги душеприказчикам на воспитание и приданое для моей дочери Энн и маленькой дочери Грейс. Приданое племяннице, Алисе Уэллифед; плащи и дублеты племянникам; Мерси всяческую домашнюю утварь и часть серебра на усмотрение душеприказчиков. Завещательные дары сестре моей покойной жены Джоанне и ее супругу, Джону Уильямсону, а также приданое их дочери, тоже Джоанне. Деньги слугам. По фунту сорока бедным девушкам на свадьбу. Двадцать фунтов на починку дорог. Десять фунтов на еду для неимущих узников лондонских тюрем.

Тело мое похоронить в том приходе, в котором я скончаюсь; на усмотрение душеприказчиков. Остаток состояния потратить на мессы по моим родителям.

Душу мою оставляю Богу. Рейфу Сэдлеру – мои книги».

* * *

Когда началась летняя эпидемия, он спросил Мерси и Джоанну, не отправить ли детей за город.

Куда? Джоанна его не подначивала, она и впрямь хотела знать.

Мерси сказала: разве от нее убежишь? Они утешали себя мыслью, что раз лихорадка в прошлом году унесла столько жизней, в этом она будет свирепствовать меньше. Он считал, что они не правы, наделяя болезнь человеческой или хотя бы звериной логикой: волк забирается в овчарню, но не когда там люди с собаками. А может, они видят тут не зверину и не людскую логику, может, для них за болезнью стоит Бог и Его неисповедимые пути. Когда из Италии приходит весть о соглашении Климента с императором, Вулси склоняет голову и говорит: «Господин мой своенравен», – имея в виду не короля.

В последний день июля кардинал Кампеджо объявил перерыв в судебных слушаниях, потому что в Риме были сейчас каникулы. Рассказывали, что герцог Суффолк, близкий друг короля, угрожал Вулси, стуча по столу кулаком. Всем ясно, что суд больше не соберется. Кардинал проиграл.

В тот вечер мысль, что власти кардинала может прийти конец, впервые не кажется ему дикой. Он думает: падение Вулси станет и моим падением. Кромвель, перешептываются люди, ужасный человек. Слово шутка кардинала обрела плоть: словно он и впрямь идет по колено в крови, оставляя за собой битое стекло и дымящиеся угли, вдов и сирот. Его милость говорит не о событиях в Италии и не о суде легатов.

– Мне сказали, лихорадка вернулась. Что теперь будет? Я умру? Я ведь болел ею четыре раза. В... в каком же году?.. кажется, в тысяча пятьсот восемнадцатом... сейчас вы будете

смеяться, но это правда – к концу болезни я был не толще епископа Фишера. Господь взял меня за шкуру и встряхнул так, что зубы застучали.

– Ваша милость исхудали? – Он пытается выдавить улыбку. – Вам надо было пригласить портретиста!

Епископ Фишер объявил в суде – перед самыми каникулами, – что никакая власть, божеская или человеческая, не в силах отменить брак короля и королевы. Ему, Кромвелю, хочется сказать Фишеру, чтобы тот не злоупотреблял гиперболами. На его взгляд, епископ недооценивает возможности судебной власти.

До сих пор, до этого самого вечера, если заверять Вулси, будто что-то неосуществимо, тот поднимал тебя на смех. Однако сегодня – когда ему удастся наконец перевести разговор на эту тему – кардинал говорит, мой друг король Франциск разбит, и я тоже. Я не знаю, что делать. Думаю, я умру, даже если лихорадка обойдет меня стороной.

– Мне пора домой, – говорит Томас. – Вы меня благословите?

И встает на колени. Вулси поднимает руку, потом, словно забыв, что собрался делать, произносит:

– Томас, я не готов к встрече с Богом.

Он улыбается.

– Может быть, и Бог не готов к встрече с вами.

– Надеюсь, в мой смертный час вы будете рядом.

– Только до этого еще очень далеко.

Кардинал качает головой.

– Вы бы видели, как Суффолк сегодня на меня накинулся. Суффолк, Норфолк, Томас Болейн, Томас лорд Дарси – все они только этого и ждали, моего провала в суде. А теперь, как я слышал, они составляют книгу обвинений: как я разорял знать и все прочее. Знаете, как они хотят назвать свою книгу? «Двадцать лет поношений!» Они стряпают какое-то варево, куда войдет каждое мое высокомерное слово – так они называют ту правду, которую я им говорил...

Кардинал прерывисто вздыхает и смотрит на потолок, украшенный розой Тюдоров.

– На кухне вашей милости такого варева не будет. – Он встает и, глядя на кардинала, думает только о работе, которая теперь предстоит.

* * *

– Лиз Уайкис, – говорит Мерси, – не хотела бы, чтобы ее дочерей тащили в деревню. Тем более что Энн плачет, когда тебя нет.

– Энн! – изумляется он. – Энн плачет!

– А как по-твоему? – говорит она грубовато. – Ты думаешь, твои дети тебя не любят?

Он предоставляет решение ей. Девочки остаются в Лондоне. Как оказалось, зря. Мерси вешает на дверь знак, что в доме потовая лихорадка. Как же это так? – говорит она. Мы все время скребем полы, в Лондоне не сыщется дома чище, чем у нас. Мы молимся. Я никогда не видела, чтобы ребенок молился, как Энн. Она молится, словно идет в бой.

Энн заболевает первой. Мерси и Джоанна трясут ее, чтобы не спала – врачи считают, что заболевших убивает именно сон. Однако болезнь сильнее, чем крики бабушки и тетки. Энн падает на подушки, хватая ртом воздух, и проваливается все глубже и глубже в черное оцепенение, и только пальцы сжимаются и разжимаются. Он берет ее ладонь в свою, гладит, успокаивая, но рука – как у солдата, рвущегося в бой.

Позже Энн открывает глаза и зовет мать. Просит тетрадку, в которой написала свое имя. На заре жар спадает. Джоанна заливается слезами облегчения, и Мерси отсылает ее спать. Энн садится, она его узнает, улыбается. Приносят в тазу воду с розовыми лепестками.

Энн осторожно притапливает их, так что каждый превращается в крошечную чашу на воде, благоуханный грааль.

Однако с восходом солнца лихорадка возвращается. Он не позволяет женщинам начать все сначала: трясти, щипать, хлестать по щекам. Он предает ее воле Божьей и просит Бога смилостивиться. Говорит с Энн, но непонятно, слышит она или нет. Сам он не боится подхватить лихорадку. Уж если кардинал переболел четыре раза, я тем более выдержу, а если умру, я составил завешание. Он сидит с Энн, видит, как она борется и проигрывает. Когда она умирает, его в комнате нет – заболела Грейс, и он смотрит, как ее укладывают в постель. Его зовут к Энн, он входит и видит, что суровое личико уже разгладилось. Черты умиротворенные, рука отяжелела – настолько, что он не в силах ее удержать.

Он выходит из комнаты. Говорит: «Она учила греческий». Конечно, отвечает Мерси, она была удивительный ребенок и воистину твоя дочь. Мерси утыкается ему в плечо и плачет. Говорит: «Она была умная, добрая и по-своему хорошенькая».

Целиком его мысль была: «Энн учила греческий, возможно, теперь она его знает».

Грейс умирает у него на руках, легко и естественно, так же, как родилась. Он кладет ее на сырые простыни – немыслимой красоты дитя с пальчиками, как только что распутившиеся белые лепестки, – и думает: я ведь совсем не знал ее, не знал, что она у меня есть. Невозможно поверить, что это он, что это они с Лиз дали ей жизнь, совершив что-то, не раздумывая, в самую обычную ночь. Они собирались, если родится мальчик, назвать его Генри, если девочка – Кэтрин, в честь королевы Екатерины; и в честь твоей Кэт тоже, сказала Лиз. Однако когда он увидел дитя, спеленутое, безукоризненно-прекрасное в своей завершенности, он назвал совсем другое имя, и Лиз согласилась. Грейс, Благодать Божья. Она дается как дар, незаслуженно.

Он спрашивает, можно ли похоронить старшую дочь с тетрадкой, в которой та написала свое имя: Энн Кромвель. Священник говорит, что никогда о таком не слышал. Он слишком устал и зол, чтобы спорить.

Теперь его дочери в чистилище, краю тлеющих костров и ледяных торосов. Где в Евангелии слово «чистилище»?

Тиндейл говорит, ныне же пребывают вера, надежда, любовь, сии три: больше же всех любовь.

Томас Мор считает, это гнусная ошибка перевода и тут должно стоять «милосердие». За ошибку в переводе Томас Мор закует вас в кандалы, за расхождения в греческом – сожжет на костре.

Он вновь думает: а нужны ли мертвым переводы? Быть может, в миг перехода к небытию они узнают все, что следует знать.

Тиндейл говорит: «Любовь николиже отпадает».

* * *

Октябрь. Вулси, как всегда, председательствует на заседании королевского совета. Однако в судах с началом осенней сессии получают ход кляузы на кардинала. Вулси обвиняют в богатстве. В использовании власти. И особенно – в действии на основании полномочий, не применимых на английской земле, то есть в том, что кардинал добросовестно исполнял обязанности папского легата. На самом деле они хотят сказать, что Вулси – *alter rex*, второй король. Его милость всегда был властнее Генриха – и если это преступление, то кардинал в нем повинен.

И вот они уверенно вступают в Йоркский дворец, герцог Суффолк, герцог Норфолк: два великих пэра королевства. Суффолк с ошетиненной светлой бородой похож на свинью среди трюфелей; полнокровный краснолицый человек, вспоминает он, в присутствии кото-

рого кардиналу всегда становилось не по себе. Норфолк опасливо смотрит, как перерывают вещи кардинала, явно ожидая увидеть восковые фигурки, истыканные иглами. Возможно, и свою тоже. Кардинал заключил сделку с дьяволом, таково убеждение Норфолка.

Он, Кромвель, отправляет их прочь. Они возвращаются. Возвращаются с новыми документами, новыми предписаниями, привозят начальника королевских архивов. Они забирают у милорда кардинала большую королевскую печать.

Норфолк смотрит на него искоса и вдруг усмехается своей хорьей усмешкой. К чему бы это?

– Загляните ко мне как-нибудь, – говорит Норфолк.

– Для чего, милорд?

Ответа нет. Герцог не имеет привычки объяснять свои слова.

– Когда?

– Можете не спешить, – говорит Норфолк. – Приходите, когда научитесь себя вести. Это было 19 октября 1529 года.

III. Попытка не пытка День всех святых, 1529

Хэллоуин: оболочка мира гноится и кровоточит. День, когда в чистилище подбивают счета, когда тамошние приказчики и ключники слушают молитвы живых об усопших.

В канун праздника всех святых они с Лиз были бы на всенощном бдении в своей церкви: поминали бы Генри Уайкиса, ее отца, и покойного мужа Лиз, Томаса Уильямса, поминали бы Уолтера Кромвеля и полузабытых братьев и сестер – двоюродных и сводных, с их давно почившими пасынками и падчерицами.

В этом году он совершал ночное бдение в одиночестве: лежа без сна и думая о Лиз, ожидая, что она войдет и ляжет рядом. Да, он в Ишере с кардиналом, а не дома в Остин-Фрайарз. Но, думал он, она догадается, как меня найти. Она отыщет кардинала по запаху ладана и отблеску свеч в пространстве между мирами. А где кардинал, там и я.

В какой-то момент он, видимо, уснул. Когда солнечные лучи проникли в комнату, там оказалось так пусто и одиноко, словно в ней не было даже его.

* * *

День всех святых. Горе накатывает волнами, грозя опрокинуть и смять. Он не верит, что мертвые возвращаются, и все равно чувствует, как плечо задевают их пальцы, кончики крыльев. С прошлой ночи они почти утратили отдельные формы, слились в сплошную массу, густую, как плоть морских чудовищ; их лица блестят нездоровым подводным блеском.

Он стоит в оконной нише с молитвенником Лиз, который так любила разглядывать Грейс, и ощущает пальцами следы детских рук. Здесь приведены молитвы Богородице для каждого богослужебного часа, страницы украшены голубками и лилиями в вазах. Утренняя. Коленопреклоненная Мария на полу в черную и белую шашечку; ангел обращается к Ней, приветствие написано на свитке, который разворачивается в его руках, будто говорят ладони. Крылья у ангела нарисованы небесно-голубой краской.

Он переворачивает страницу. Служба первого часа. На картинке – встреча Марии и Елизаветы. Мария, с маленьким аккуратным животиком, смотрит на беременную родственницу. У обеих высокий лоб и выщипанные бровки; обе смотрят удивленно, что немудрено: одна дева, другая – в преклонных летах. Под ногами у них цветы, на голове у каждой – легкая воздушная корона из золоченой проволоки толщиной в волос.

Он переворачивает страницу. Грейс, маленькая и безмолвная, переворачивает страницу вместе с ним. Служба третьего часа. Нарисовано Рождество: крохотный белый Христос в складках материнского плаща. Служба шестого часа: волхвы подносят драгоценные сосуды, позади город на холме, итальянский город с колокольной, уходящими вверх улочками и мглистыми деревьями. Служба девятого часа: Иосиф несет в храм корзинку с голубями. Вечерня: Иродов кинжал проделывает аккуратную дырочку в испуганном младенце. Женщина вздымает руки в мольбе – красноречивые, беспомощные ладони. На детском тельце три капли крови, каждая в форме слезинки, каждая нарисована бесценной киноварью.

Он поднимает голову; перед глазами все еще плывут нарисованные слезы. Зрение затуманивается. Он моргает. Кто-то идет к нему. Это Джордж Кавендиш: руки стиснуты, на лице – маска озабоченности.

Лишь бы Джордж не заговорил со мной, думает он. Лишь бы прошел мимо.

– Мастер Кромвель, – произносит Кавендиш, – мне кажется, вы плачете. Что случилось? Дурные вести о нашем господине?

Он пытается закрыть часослов, но Джордж уже протянул руку к книге.

– А, вы молитесь... – В голосе звучит удивление.

Кавендиш не видит, как пальцы его дочери листают страницы, как руки его жены держат книгу, просто разглядывает иллюстрации вверх ногами. Потом набирает в грудь воздуха и говорит:

– Томас!..

– Я плачу о себе, – отвечает он. – Я потеряю все, чего добился в жизни, потому что паду вместе с кардиналом... нет, Джордж, не перебивайте меня... ибо делал, что он просил, был его другом и правой рукой. Если бы я занимался своей работой в Сити, а не разъезжал по стране, наживая себе врагов, я был бы сейчас богат... и пригласил бы вас в свой новый загородный дом, чтобы посоветоваться насчет мебели и клумб. А теперь – посмотрите на меня! Я конченный человек!

Джордж пытается заговорить, блеет что-то утешительное.

– Если только... – говорит он. – Если только, Джордж... Как вы думаете? Я отправил своего помощника Рейфа в Вестминстер.

– Зачем?

Он снова плачет. Призраки теснятся вокруг, ему зябко, исправить ничего нельзя. В Италии он освоил мнемоническую систему и теперь помнит каждый свой шаг к нынешнему бедственному положению.

– Думаю, – говорит он, – мне тоже надо туда поехать.

– Только, пожалуйста, не уезжайте до обеда, – просит Кавендиш.

– А что?

– Нам надо придумать, как рассчитаться со слугами кардинала.

Отчаяние проходит. Он вновь открывает молитвенник, держит перед собой. Кавендиш дал ему то, в чем он нуждался: финансовую задачу.

– Джордж. Сюда съехались капелланы его милости, и каждый по щедрости кардинала получает... сколько?... сто, двести фунтов годового дохода. Думаю... думаю, мы заставим капелланов заплатить слугам, потому что, как я посмотрю, слуги любят милорда больше, чем его священники. Итак, после обеда я их пристыжу и заставлю раскошелиться. Надо заплатить слугам жалованье по крайней мере за три месяца плюс задаток на случай, если кардинала вернут ко двору.

– Хорошо, – отвечает Кавендиш. – Если кому это по силам, то только вам.

Он ловит себя на том, что улыбается. Может быть, мрачно, однако он не думал, что вообще сегодня улыбнется.

– Покончив с этим, я вас покину. Вернусь, когда заполучу место в парламенте.

– Но парламент собирается через два дня... Как теперь туда попасть?

– Не знаю, но кто-то должен выступить в защиту милорда. Иначе его милость убьют.

Он неприятно поражен собственными словами и хотел бы взять их назад, однако это правда. Он говорит:

– Попытка не пытка.

Кивок Кавендиша больше похож на поклон.

– Попытка не пытка, – бормочет тот. – Это ваши любимые слова.

Кавендиш ходит по дому и говорит: «Томас Кромвель молился. Томас Кромвель плакал». Только сейчас Джордж понимает, как плохи дела.

* * *

Жил некогда в Фессалии поэт по имени Симонид. Богач Скопа пригласил его на пир прочитать хвалебную оду в свою честь. У поэтов бывают странные причуды, и Симонид

включил в оду хвалы небесным близнецам Кастору и Поллуксу. Скопа обиделся и сказал, что заплатит лишь половину обещанного вознаграждения, «а остальное получишь с Диоскуров».

Чуть позже в пиршественные покои вошел слуга и сказал Симониду, что его спрашивают двое юношей. Поэт вышел на улицу, но никого там не увидел и решил идти обратно на пир. И тут раздался грохот рушащихся камней и крики: в доме обвалилась крыша.

Из всех пировавших в живых остался один Симонид.

Тела были так обезображены, что родственники не могли их опознать. Однако у Симонида была удивительная способность: он запоминал все, что видел. Он провел родственников по развалинам, указывая тех, кого они ищут, потому что мог опознать каждого из гостей по его месту на пиру.

Эту историю поведал нам Цицерон. В тот день Симонид изобрел искусство запоминания. Он помнил все лица: надутые у одних, счастливые у других, скучающие у третьих, и точно знал, кто где сидел, когда обвалилась крыша.

Часть третья

I. Финт с тремя картами *зима, 1529 – весна, 1530*

Джоанна: Ты говоришь, Рейф, ступай и добудь мне место в новом парламенте. И он послушно идет, как служанка, которой велели снять белье.

– С бельем мороки меньше, – вклинивается Рейф.

– А ты почему знаешь? – не унимается Джоанна.

Места в парламенте – господская вотчина; их раздают лорды, епископы, сам король. Жалкая горстка выборщиков – если на них хорошенько поднажать – всегда делает то, что велено.

Рейф раздобыл ему место от Тоунтона, округа Вулси. Это было бы невозможно без согласия короля, согласия Томаса Говарда. Он затем и посылал Рейфа в Лондон – прощупать почву: чего хочет герцог, что скрывается за его хорьей ухмылкой. *«Премного обязан, сударь»*.

Теперь он знает.

– Герцог Норфолк, – сообщил Рейф, – считает, что милорд кардинал зарыл сокровище и вам известно, где именно.

* * *

Они беседуют с глазу на глаз.

Рейф: Герцог обязательно попросит вас приехать и служить ему.

– Да. Возможно, не в таких выражениях.

Размышляя, он вглядывается Рейфу в лицо. Норфолк – если забыть о внебрачном сыне короля – знатнейший человек в королевстве.

– Я пытался внушить ему, – говорит Рейф, – что вы его почитаете и страстно желаете оказаться под его...

– Началом?

– Примерно.

– И что сказал герцог?

– Герцог сказал «хм».

Он смеется.

– Что, вот таким тоном?

– Таким и сказал.

– А в придачу хмуро кивнул?

– Вот именно.

Что ж, хорошо. Я утираю слезы – слезы, что остались от Дня всех святых. Сижусь с кардиналом в Ишере, в комнате с чающим камином. Спрашиваю, милорд, не возражаете, если я вас оставлю? Нахожу трубочиста, велю прочистить дымоход. Скачу в Лондон, в Блэкфрай-арз. Туман, день святого Губерта. Норфолк ждет, будет уверять, что станет мне хорошим хозяином.

* * *

Герцогу под шестьдесят, но его светлость не признает возраста. Остролицый и остроглазый, Норфолк тощ, как обглоданный мосол, и холоден, как обух топора. Конечности будто на шарнирах и даже тихонько клацают при ходьбе – все дело в мощевиках, которые герцог носит под одеждой: крошечные лохмотья кожи и обрезки волос в образках, осколки костей в медальонах.

«Дева Мария! Клянусь мессой!» – божится герцог, извлекая на свет свои амулеты из самых неожиданных мест. Пылко припадает к ним губами, призывая святых и мучеников утишить его гнев.

– Святой Иуда, дай мне терпение! – восклицает герцог, путая Иуду с Иовом, историю которого последний раз слышал в детстве, сидя на коленях у священника. Впрочем, трудно представить герцога ребенком или юношей, да и в любом возрасте, кроме теперешнего. Норфолк считает Библию необязательным чтением для мирян, хотя признает, что для священника в ней есть прок. Читать книги – баловство, и чем меньше их будет при дворе, тем лучше. Его племянницу, Анну Болейн, от книг не оттянешь, вот и засиделась в девках до двадцати девяти. Герцог не пишет писем – не джентльменское это дело – для чего тогда существуют писари?

Злобный красный глаз сверлит Кромвеля.

– Я поддерживаю ваше выдвижение в парламент.

Он склоняет голову.

– Милорд.

– Я говорил про вас с королем, он тоже согласен. Вы получите его указания, как вести себя в палате общин. И мои.

– Они отличаются, милорд?

Герцог хмурится, раздраженно меряет комнату шагами, слегка позвякивая на ходу, наконец выпаливает:

– Проклятье, Кромвель, почему вы так держитесь? Откуда в вас это?

Он ждет, улыбается, прекрасно понимая, что имеет в виду герцог. Да, ему не привыкать проскальзывать в комнату незамеченным, но, похоже, те дни миновали, теперь с ним вынуждены будут считаться.

– И нечего скалиться, – говорит герцог. – Вулси и его присные – клубок ползучих гадов. Я не хочу сказать... – Норфолк, морщась, сжимает образец. – Не дай Бог мне...

Сравнить князя церкви с ползучим гадом. Герцог хочет кардинальских денег и влияния на короля, но и в аду гореть не желает. Норфолк меряет комнату шагами, хлопает в ладоши, потирает руки, оборачивается.

– Король намерен отчитать вас, сударь. Да-да. Он удостоит вас аудиенции, чтобы понять, что задумал кардинал, но берегитесь: у короля долгая память – он не забыл, как в прошлый раз вы выступали в парламенте против войны.

– Надеюсь, король не собирается снова вторгаться во Францию?

– Проклятье! Какой англичанин об этом не мечтает! Мы должны вернуть свое.

Герцог дергает скулой. Вышагивает по комнате. Трет щеку, бросает:

– Что не отменяет вашей правоты.

Он ждет.

– Победить мы не сумеем, – продолжает Норфолк, – но должны сражаться так, словно верим в победу. И плевать на расходы. Плевать, сколько мы потеряем денег, людей, лошадей, кораблей. Что мне не нравится в Вулси. Всегда хочет договориться. Как сыну мясника понять, что такое...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.